

"Любовь растёт, как дерево"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

ЛЮБОВЬ РАСТЕТ, КАК ДЕРЕВО

Глава первая

БЕДА

Яркое утреннее солнце осветило парусину крытого фургона, обещая необычно теплый для середины октября день. Марти стряхнула остатки дремоты, медленно приходя в себя после тяжелого, беспокойного сна. Почему она чувствует себя такой разбитой, почти больной — она, с радостью и нетерпением встречавшая каждый новый день? В один миг Марти вспомнила все, что произошло вчера, и упала на лоскутное одеяло, из-под которого только что выбралась. Она разрыдалась, уткнувшись лицом в подушку, чтобы приглушить плач. Клема больше нет. Это не укладывалось у нее в голове. Почти два года пролетело с тех пор, как веселый, по-мальчишески смелый и безрассудный Клем покорила ее. Сильный и уверенный в себе, он быстро завоевал ее сердце. Прошло немногим более года, и вот она, уже замужняя женщина, отправилась со своим любимым на Запад навстречу новой жизни, полной приключений. Так было до вчерашнего дня. «О, Клем», — плакала она. Когда пришли мужчины и сказали, что Клем мертв, весь ее мир рухнул. Он мертв. Убит наповал. И лошади больше нет. Им пришлось пристрелить лошадь. Хочет ли Марти пойти с ними? Нет, она останется. Может быть, ей нужна помощь кого-нибудь из женщин? Нет, она справится. Марти удивлялась, что способна говорить. Они позаботятся о теле и сделают все как надо. Похоронами займутся соседи. К счастью, священник сейчас как раз в этих краях. Он собирался уехать сегодня, но теперь уж определенно задержится. И все-таки, может быть, Марти пойдет с ними? Нет, с ней все будет в порядке. Чертовски не хочется оставлять ее одну. Ей нужно побыть одной. Что ж, тогда они увидятся завтра. Пусть она не волнуется. Они обо всем позаботятся. Она очень признательна. Мужчины ушли и забрали с собой ее Клема, завернув тело в одно из ее одеял и привязав к спине лошади. Добрый сосед уступил для этого свою верховую лошадь и теперь, оберегая навьюченную ношу, осторожно вел животное под уздцы. И вот наступило завтра, и сияло солнце. Почему оно светит так ярко? Разве природа не понимает, что жизнь кончена и пришла пора ледяного холода, подобного тому, который сжимает ее сердце? Она осталась одна, без друзей и знакомых. Путь домой отрезан. Впереди зима. К тому же Марти ждала ребенка от Клема. Оснований для паники более чем достаточно. Но в настоящий момент она чувствовала лишь одно — нестерпимую боль страшной утраты. И эта боль, разрывая сердце, вытеснила все остальные мысли.

— О, Клем! Клем! — плакала она навзрыд. — Что мне делать без тебя? Она вновь спрятала лицо в подушку. Охваченный радостным предвкушением, Клем всей душой рвался на Запад.

— В этой стране у нас будет все, что пожелаем. Земли там сколько хочешь — приходи и бери, — горячо убеждал он Марти.

— А как же дикие звери и индейцы? — нерешительно спрашивала она. Он смеялся над нелепостью ее вопросов, подхватывал ее на руки и кружил в воздухе.

— А дом? Ведь когда мы туда доберемся, будет почти зима, — беспокоилась Марти.

— С домом нам помогут соседи. Я слышал, как это делается. Там все помогают друг другу. И это было правдой. Закаленные переселенцы, разбросанные по дикой пустынной местности, не раздумывая, оставляли драгоценные посевы, если надо было настелить крышу беспечному и самоуверенному новичку, поскольку хорошо знали, как люты в этих краях зимние ветры.

— У нас все будет отлично. Не волнуйся ни о чем, Марти, — заверял ее Клем. Не без колебаний Марти начала готовиться к нелегкой поездке в крытом фургоне, чтобы воплотить в жизнь мечты любимого мужа. После долгих недель путешествия они добрались до жилого дома на ферме, окруженной холмами и пастбищами, где Клему удалось разузнать, что к чему. В дружеской беседе за чашкой кофе хозяин рассказал, что земля до реки принадлежит ему, а на территорию за рекой претендентов пока нет. Клем едва не завопил от восторга. Марти видела, каким счастливым волнением переполнена его душа лишь от мысли о том, что он близок к осуществлению своей мечты. Поблагодарив будущего соседа, они поспешили дальше, двигаясь слишком быстро для ветхого фургона. Они были почти у цели, когда не выдержало колесо — починить его на этот раз было уже невозможно. Путешественники остановились на ночь, находясь все еще на земле будущего соседа, и Клем набрал камней и бревен, чтобы подпереть покосившийся фургон. Утром они обнаружили, что произошла другая неприятность. Ночью ушла одна из лошадей, и ее оборванная привязь, покачиваясь, свисала с дерева. Клем оседлал оставшуюся лошадь и отправился на поиски. А потом случилась беда, и теперь муж больше не вернется. Ему никогда не стать хозяином этой земли, не построить прочного и красивого дома для жены и ребенка.

Марти опять разрыдалась, но, услышав шум рядом с фургоном, робко выглянула наружу, подняв полог. Соседи, четверо мужчин с суровыми лицами, безмолвно и бесстрастно копали яму под самой большой елью. Когда она поняла, что они делают, боль с новой силой пронзила ее. Это могила Клема. И это был не сон. Весь этот кошмар происходил наяву. Клема больше нет. Она осталась одна. А его похоронят на чужой земле.

— О, Клем! Что же я буду делать? Она плакала, пока не выплакала все слезы. Мужчины продолжали свою работу. До нее доносилось лязганье лопат, и ей казалось, что с каждым ударом металл все глубже вонзается в ее сердце. Она услышала снаружи новые звуки и поняла, что подошли остальные соседи. Нужно взять себя в руки. Клему бы не понравилось, что она прячется от них в фургоне. Марти вылезла из-под одеяла и попыталась привести в порядок свои непослушные волосы. Быстро надев темно-синее хлопчатобумажное платье, которое показалось ей подходящим для этого случая, она схватила полотенце и гребень, выскользнула из фургона и спустилась к роднику, чтобы смыть слезы и расчесать спутанные волосы. Сделав это, она расправила плечи, подняла голову и пошла назад, навстречу понурой горстке людей под елью. Соседи отнеслись к ней тепло и с участием. Это было не сострадание, но понимание. Жизнь на Западе жестока. Почти каждому здесь пришлось пережить нечто подобное, но все выстояли. У людей не было ни времени, ни сил жалеть себя и других. Понимание того, что смерть — часть жизни и горя не избежать, дается нелегко, а осознав это, человек продолжает жить. Предавая тело Клема земле, а душу — в руки Господа, священник сказал то, что положено при погребении. Он обратился к скорбящим, которых представляла одна-единственная маленькая и незаметная вдова покойного, ведь нельзя же считать скорбящим еще не родившегося малыша, хотя это и был ребенок Клема. Пастор Магнусон произнес подобающие случаю слова утешения и поддержки. Соседи с молчаливым сочувствием слушали знакомые тексты из Библии, которые не раз звучали в подобных обстоятельствах. Вскоре краткая церемония была окончена, и Марти, опустив голову, отвернувшись от могилы и направившись к фургону, а четверо мужчин с лопатами, принешие гроб, принялись закапывать прочный деревянный ящик. Когда Марти отошла от могилы, к ней приблизилась одна из женщин и положила руку на плечо.

— Меня зовут Ванда Маршалл, — тихо сказала она. — К сожалению, у нас всего одна комната, но мы будем рады, если несколько дней, пока все уладится, вы поживете у нас.

— Большое спасибо, — ответила Марти почти шепотом, — но мне не хочется навязывать себя.

Пожалуй, я побуду здесь. Мне нужно все обдумать.

— Понимаю, — произнесла Ванда, легонько похлопав Марти по плечу, и отошла в сторону. Марти двинулась к фургону, но ее остановили вновь. На сей раз к ней мягко прикоснулась рукой женщина постарше.

— Я знаю, тебе сейчас нелегко. Много лет назад я похоронила своего первого мужа и очень хорошо тебя понимаю. — Она помолчала. — Вряд ли ты уже решила, что делать дальше. Марти еле заметно покачала головой, и женщина сказала:

— Предложить тебе жилье я не могу, у нас слишком тесно. Но я принесу тебе поесть, а если захочешь, можешь поставить свой фургон у нас во дворе. Мы с радостью поможем тебе уложить вещи, а мой Бен, Бен Грэхэм, с удовольствием покажет тебе путь до города, когда ты будешь готова.

— Спасибо, — пробормотала Марти, — но, думаю, я пока останусь здесь. Как объяснить им, что у нее нет денег, чтобы задержаться хотя бы на одну ночь, и никакой надежды раздобыть их? Какую работу может найти молодая женщина без образования в ее положении? Какое будущее ждет ее здесь? Незаметно для себя она подошла к фургону и непослушной рукой подняла парусиновый полог. Ей хотелось одного — укрыться от чужих глаз. И будь что будет. Стоял жаркий полдень, и от горячего воздуха ее и без того затуманенная голова закружилась. Марти вышла наружу и опустилась на траву в тени фургона, прислонившись к сломанному колесу. Ощущение реальности покинуло ее. Горе, как водоворот, увлекало разум за собой, мешая понять, что происходит на самом деле, а что является лишь плодом воображения. Она попыталась собраться с мыслями, когда ее размышления внезапно прервал мужской голос. Он раздался так близко, что Марти подскочила от неожиданности.

— Мэм... Она подняла глаза. Перед ней стоял мужчина и, покашливая, мял в руке шапку. Она смутно узнала одного из тех, кто приходил с лопатами. Человек казался высоким и крепким, но глаза, несмотря на моложавый вид, были усталыми, как у старика. Марти смотрела на него, но губы отказывались отвечать. Незнакомец вновь собрался с духом. Казалось, что источник его решимости находится где-то в глубине его души. Он продолжил:

— Мэм, я понимаю, разговор этот не ко времени — вы только что похоронили мужа и все такое. Но я боюсь, что дело не терпит отлагательства. Он еще раз прокашлялся и оторвал глаза от шапки, которую держал в руках.

— Меня зовут Кларк Дэвис, — поспешно добавил он, — и мне кажется, вы и я можем друг другу пригодиться. Марти прерывисто вздохнула, прервав его речь, после чего он поднял руку.

— Прощу, подождите минуту, — почти приказал он. — Это всего лишь вопрос здравого смысла. Вы потеряли мужа и остались одна. — Он бросил взгляд на сломанное колесо фургона и присел, продолжая говорить: — Полагаю, у вас нет денег, чтобы уехать к родным, если вам вообще есть к кому возвращаться. А даже если и так, каравана повозок на Восток не будет до следующей весны. Что касается меня — у меня тоже есть проблема. Кларк остановился и опустил глаза. Прошло несколько мгновений, прежде чем он поднял их и посмотрел Марти в лицо.

— У меня есть маленькая дочка, совсем еще кроха, и ей нужна мама. Думаю, если мы поженимся, вы и я, — он отвел глаза, а потом снова посмотрел на нее, — мы решим обе проблемы. Я бы, конечно, подождал, да ведь священник приехал только на один день и до следующего апреля или мая здесь не появится, поэтому нужно сделать это сегодня. Должно

быть, Кларк заметил нескрываемый ужас на лице Марти.

— Понимаю, — пробормотал он, запнувшись, — это кажется диким, но что еще можно сделать? «В самом деле, что остается делать? — мелькнуло в голове Марти. — Лучше умереть. Я скорее умру, чем выйду замуж — за тебя или за кого-то еще. Убирайся! Уходи прочь». Не догадываясь о ее гневных мыслях, Кларк продолжил:

— Я старался изо всех сил, пытался быть и отцом, и матерью, но у меня не очень-то получается, ведь есть еще земля и все такое. У меня неплохой участок и дом, довольно удобный, разве что немного тесноватый. У вас будет все необходимое, а от вас мне нужно одно — позаботиться о моей Мисси. Уверен, вы ее полюбите. Она такая смышленная малышка. — Он помолчал. — Ей просто нужны женские руки, моей Мисси. Больше я ни о чем вас не прошу, мэм. Только быть ей мамой. Ничего, кроме этого. Вы с Мисси можете жить в спальне. А я буду жить в пристройке. И еще... — Он секунду поколебался. — Обещаю, что если вам не понравится, то я помогу вам уехать отсюда с первым же караваном повозок, но при одном условии — вы заберете с собой и мою Мисси. — Он сглотнул и добавил: — Ведь без мамы такой крохе просто никак. Неожиданно он поднялся.

— Я уйду, чтобы вы могли подумать. Но времени у нас немного. Кларк повернулся и зашагал прочь. Ссутулившиеся плечи говорили о том, что сказанное далось ему нелегко. Тем не менее Марти едва сдерживала гнев. Кем надо быть, чтобы сделать такое предложение женщине рядом со свежей могилой ее мужа? Она чувствовала, что ее душит отчаяние. «Лучше умереть, — говорила она себе, — лучше умереть». Но что будет с ребенком Клема? Марти вовсе не хотела, чтобы этот малыш погиб — из-за нее или из-за Клема. Безысходность, гнев и печаль переполняли сердце. Надо же попасть в такое положение! В этой забытой Богом стране у нее никого и ничего нет. Родные и друзья далеко, а она одна как перст. Марти понимала, что мужчина прав. Он был нужен ей, и за это Марти его ненавидела. «Ненавижу эту страну! Ненавижу! И его ненавижу, бездушное ничтожество! Ненавижу его! Ненавижу его!» Но, сколько бы Марти ни злилась, она понимала, что иного пути нет. Вытерев слезы и поднявшись с травы, она упрямо подумала, что не станет ждать, пока этот человек, гордый своим великодушием, явится узнать ее решение. Марти залезла в фургон и принялась укладывать свои скудные пожитки.

Глава вторая

ПЕРЕЕЗД

Они молча ехали в фургоне Кларка. Священник отправился обедать к Грэхэмам. Мисси ожидала отца там, оставленная на попечение старших дочерей Грэхэмов, пока Кларк был на похоронах. После того как священник сделает свое дело, они заберут девочку и поедут домой. Безмолвная Марти сидела не шевелясь позади Кларка в трясущейся повозке. Когда она попыталась поднять руку и убрать с разгоряченного лица растрепавшиеся волосы, Кларк обеспокоенно взглянул на нее.

— Осталось недолго. Жарковато сегодня. Вам бы надеть шляпу, чтобы не напекло голову. Она сидела молча, глядя прямо перед собой. Какое ему дело до того, что ей напечет голову? Да и ей-то что до этого? Хуже ей уже не будет. Марти отвернулась, чтобы он не заметил слез, которые невольно наворачивались на глаза. Она не хотела, чтобы упрямец, сидящий рядом, жалел ее.

Лошади устало тащили фургон. Он подпрыгивал на колдобинах, из которых сплошь состояла

дорога, и от этой тряски болело все тело. Увидев дом Грэхэмов у подножия невысоких холмов, Марти почувствовала облегчение. Они въехали во двор, и Кларк, легко спрыгнув вниз, протянул ей руку. Марти была слишком беспомощна, чтобы отказаться. Она боялась, что попросту упадет в дорожную пыль, если попытается слезть сама. Кларк без труда подхватил ее и, прежде чем отпустить, убедился, что она твердо стоит на ногах. Затем обмотал поводья вокруг коновязи и жестом показал, что она должна войти в дом первой.

Марти не замечала ничего вокруг. Ее разум был как в тумане, отказываясь реагировать на происходящее. Она лишь запомнила, что дверь открыла миссис Грэхэм, удивленно переводя глаза с Марти на ее спутника. Там находились и другие люди, ожидавшие полуденной трапезы. В углу она заметила священника, говорившего с каким-то мужчиной, и подумала, что, вероятно, это и есть Бен. Все дети, похоже, тоже были здесь. Марти даже не пыталась определить, сколько их. Ее спутник Кларк Дэвис, как он себя назвал, беседуя с миссис Грэхэм, подошел к мужчинам в углу. Объясняя священнику и Бену, что происходит, он сказал:

— Мы решили... «Мы! — внутренне взорвалась она. — Хочешь сказать, ты».

— ...пожениться, пока священник здесь, чтобы сделать все как положено. И тогда у миссис Кларидж будет дом, а у Мисси — мама. Марти услышала голос миссис Грэхэм: «Это единственно разумный выход» и слова священника: «Ну конечно, разумеется». Люди вокруг засуетились, освобождая место, и вот уже послышались знакомые слова. Все произошло так быстро, что показалось ей просто безнравственным. Должно быть, в нужный момент она произнесла то, что полагалось, поскольку, словно сквозь пелену, до нее донеслись слова священника: «...и объявляю вас мужем и женой». Вокруг снова началась суматоха. Миссис Грэхэм освобождала для них стулья, приглашая «набраться сил и поесть перед дорогой». Потом они сидели за столом. Старшие девочки покормили младших еще до того, как взрослые вернулись с похорон. Перед началом трапезы священник произнес молитву, и общая беседа вокруг потекла своим чередом. Наверное, она что-то ела, хотя потом не помнила ни того, что съела, ни какая еда была на столе. Она чувствовала себя куклой-марионеткой, которая двигается и разговаривает, но при этом не контролирует свои действия, поскольку ею управляет кто-то другой. Пора было вновь отправляться в путь. Они поднялись из-за стола и начали собираться. Забрав еду, приготовленную ему на завтрак, священник попрощался с присутствующими. Один из старших сыновей Грэхэмов вывел из конюшни лошадь. Перед тем как покинуть дом, священник подошел к Марти, искренне и просто взял ее руки в свои и пожелал, чтобы в ближайшие месяцы Бог не оставлял ее. Марти безмолвно посмотрела ему в глаза. Бен и Кларк последовали за священником к ожидавшей его лошади, а миссис Грэхэм попрощалась с порога. Когда он уехал, миссис Грэхэм вернулась в комнату, а мужчины направились к коновязи, где стояла упряжка Кларка. «Салли Энн, пойдй разбуди Мисси и собери ее в дорогу. А ты, Лаура, вместе с Нелли приберите на столе и вымойте посуду». Миссис Грэхэм суетилась, но Марти, которая сидела безвольно и безучастно, сознавала лишь то, что вокруг нее происходит какое-то движение. Вернулась Салли, держа на руках маленькое, слегка взъерошенное создание, которое хотя и выглядело сонным, тем не менее радостно улыбалось. Марти заметила только улыбку и глубокие синие глаза. Малышка внимательно рассматривала незнакомого человека. «Должно быть, Мисси», — равнодушно подумала Марти. Ее предположение подтвердилось, когда в дверях показался Кларк и девочка, раскинув руки, бросилась к нему с радостным криком. Он подхватил дочку и на мгновение прижался щекой к ее личику. Затем, поблагодарив хозяина и хозяйку, обернулся, давая Марти понять, что пора трогаться в путь. Миссис Грэхэм вышла проводить их. Не было ни свадебных поздравлений, ни добрых пожеланий. Никто не видел никаких оснований для этого, и Марти вздохнула с облегчением. Она знала, что достаточно одного неверного слова, пусть и от чистого сердца, чтобы лишить ее последних сил и заставить разрыдаться. Но все молчали. Никто даже не

упоминал о браке. Переселенцы понимали чувства других людей.

Они попрощались, как обычные соседи, однако, когда Марти уже сидела в фургоне, миссис Грэхэм посмотрела на нее с теплым участием и сказала:

— Дам вам несколько дней, чтобы устроиться, а потом приеду вас навестить. Хорошо, что теперь есть еще одна соседка, к которой можно приехать в гости. Марти поблагодарила ее, и повозка тронулась в путь. И вновь они оказались во власти пыльной дороги и жаркого солнца.

— Ну вот мы и на месте, нам сюда. — Марти подскочила от неожиданности, когда Кларк Дэвис заговорил, и посмотрела, куда он указывал. Участок, принадлежащий ее спутнику, с севера был укрыт деревьями, а с запада — небольшим холмом. Маленький, но опрятный домик с тщательно отделанным фасадом и зеленым палисадником стоял особняком. Дорожка, обсаженная невысокими кустами, вела к входной двери, и даже на расстоянии на ветках были видны цветы. Немного в стороне располагалось добротное бревенчатое стойло для коров и лошадей, а чуть дальше, в рощице, — загон для свиней. Между стойлом и домом размещался курятник и другие небольшие строения. Марти подумала, что ей придется познакомиться с каждым из них, но сейчас у нее не было на это сил.

— Очень красиво, — пробормотала она неожиданно для себя, поскольку не собиралась говорить ничего подобного. Картина, представшая ее глазам, была так похожа на то, о чем мечтали они с Клемом, что от острой боли у Марти перехватило дыхание и она с трудом сдержала рыдания. Больше она ничего не сказала и почувствовала облегчение, когда Мисси, возбужденная возвращением домой, отвлекла внимание отца на себя.

Когда они остановились перед домом, навстречу им выбежала собака, которой одинаково обрадовались отец и дочь. Кларк помог Марти спуститься и мягко сказал:

— Вам лучше не сидеть на солнце, а пойти прилечь. Спальня сразу за гостиной. Я присмотрю за Мисси и сделаю все, что нужно. Работать в поле сегодня уже поздно. Он открыл дверь и придержал ее, пока Марти входила в странное маленькое жилище, которому предстояло стать ее домом, а потом ушел, забрав с собой Мисси. Марти не стала тратить времени на то, чтобы осмотреться. Чувствуя, что если она немедленно не ляжет, то просто свалится, она миновала кухню и нашла дверь из гостиной в спальню. Кровать выглядела такой соблазнительной, что Марти упала на нее, едва сбросив башмаки. В доме было прохладно, и усталость брала свое, заставляя забыть о неразберихе, царившей в душе. Марти расплакалась, но мало-помалу острота чувств притупилась, уступив место глубокому сну.

Глава третья

БРАК ПО РАСЧЕТУ

Марта проснулась и с удивлением обнаружила, что за окном уже сумерки. Со стороны кухни доносились неясные звуки, а щекочущий ноздри запах кофе и бекона заставил ее ощутить голод. Она услышала, как щебечет Мисси, и вспомнила, где находится. Не думая ни о чем, она встала, надела башмаки и откинула с лица волосы. Марти чувствовала, что выглядит не лучшим образом, но разве это имеет значение? Она очень удивилась, различив в полумраке свой дорожный сундук, стоящий рядом с комодом. Все ее вещи были на месте, но и эта мысль не тронула ее. Марти открыла сундук, вытащила щетку и приладила волосы. После этого нашла ленту и стянула волосы сзади. Так она будет выглядеть получше. Расправив измятое

платье, она двинулась на запах кофе. Кларк встретил ее вопросительным взглядом и указал место у стола.

— Повар я неважный, — сказал он, — но еда сытная. Марти села за стол, и Кларк принес с плиты блюдо с лепешками и тарелку с беконом. Он поставил еду на стол и вернулся к плите за дымящимся кофе. Марти была смущена, понимая, что Кларк занимается тем, что следовало бы делать ей. Ладно, пусть это будет в последний раз. Теперь эти заботы возьмет на себя она. Кларк сел за стол, и, едва Марти собралась надкусить лепешку, ее остановил его голос:

— Отец Небесный, благодарим Тебя за эту пищу, которую Ты даровал милостью Твоей. Да пребудет Сын Твой Духом Святым в сей час с нами, и благословит этот дом, и сделает его родным домом для всех, кто живет здесь. Аминь. Марти удивленно смотрела на человека, который сидел перед ней с закрытыми глазами и беседовал с Богом, которого она никогда не знала и не видела, — а ведь Кларк даже не был священником. Разумеется, она слышала о людях, для которых Бог существовал за пределами церкви, а религия была связана не только со свадьбой или похоронами, но Марти никогда не приходилось тесно общаться с ними. Не очень-то ей хотелось этого и сейчас. Так значит, у него есть Бог. И что толку? Кларку все равно нужен помощник, чтобы заботиться о Мисси. Не похоже, что его Бог облегчил ему жизнь. А впрочем, что ей за дело? Обычно те, у кого есть Бог, не пьют и не бьют своих жен. Поэтому, может быть, ей не придется столкнуться хотя бы с этим. Марти вновь охватило отчаяние. Она ничего не знает об этом человеке. Наверное, нужно радоваться тому, что он религиозен. Вероятно, это избавит ее от многих неприятностей.

— Ты не хочешь есть? Погруженная в свои мысли, она подскочила от неожиданности, услышав его голос, который вернул ее на землю.

— Нет, конечно хочу, — пробормотала она и принялась за протянутую ей лепешку. Малышка Мисси ела с завидным аппетитом, не переставая болтать с отцом. До Марти доносились отдельные слова, но она не могла сосредоточиться на том, что говорит девочка. После еды Марти предложила помыть посуду. Кларк охотно согласился, сказав, что тогда сам уложит Мисси спать. Он показал Марти, где что лежит, и занялся купанием дочки и приготовлением ее ко сну. Марти взялась за посуду. Открывая дверцы и ящики буфета, в котором все было расставлено другой женщиной, она снова почувствовала себя не в своей тарелке. Ей хотелось преодолеть себя и обращаться с вещами так, словно они принадлежат ей. Тем не менее она не могла до конца унять легкую дрожь. Когда Марти вылила воду, оставшуюся от мытья, под розовый куст у порога, она увидела Кларка, придвигавшего стул к кухонному столу.

— Уже уснула, — негромко сказал он. Марти опрокинула таз для мытья тарелок и повесила полотенце на место. «И что теперь?» — в страхе подумала она, но Кларк опередил ее.

— Ящики в комодке свободны. Свое я забрал в пристройку. Можешь разложить вещи, как тебе удобно. Бери все, что нужно, из того, что найдешь в доме, а если понадобится что-то еще, составь список. Почти каждую субботу я бываю в городе и привезу что требуется. Когда немного придешь в себя, можем съездить за покупками вместе, тогда выберешь все сама. Он помолчал минуту и взглянул на нее.

— Думаю, тебе стоит поспать, — сказал он тихо. — День выдался нелегкий. Я знаю, должно пройти время, прежде чем боль утихнет и ты почувствуешь, что это твой дом. Мы постараемся не торопить тебя. Пристально поглядев на нее, он заставил ее прислушаться к своим словам:

— Я женился на тебе только потому, что Мисси нужна мама. Мне очень хочется, чтобы ты позволила ей так называть себя. Это звучало почти как приказ. Но она не отвела глаз и, хотя

не произнесла ни слова, почувствовала, что ее самолюбию брошен вызов. Что ж, она знает свое место. Он дал ей кров и пищу, а за это она должна позаботиться о его ребенке. Она не нуждается в благотворительности. Она отработает то, что получила. Она станет матерью для Мисси. Марти молча повернулась и пошла в спальню. Закрыв за собой дверь, она прислонилась к ней и постояла так несколько минут. Немного успокоившись, она решила взглянуть на спящего ребенка. Лампа отбрасывала мягкий свет, при котором крошечная фигурка в кроватке казалась еще меньше.

— Что ж, Мисси, — прошептала Марти, — давай договоримся так: ты будешь послушной девочкой, а я постараюсь как следует заботиться о тебе. Малышка выглядела столь маленькой и беспомощной, что Марти невольно подумала: «Сколько ей уже пришлось пережить! Чем заслужила она такое испытание — лишиться любящей матери?» В эту минуту ребенок внутри Марти тихонько зашевелился, и она положила руку на немного увеличившийся живот, который говорил о том, что она скоро станет мамой. «А если бы мой малыш остался без меня?» При мысли об этом она содрогнулась. Она вновь взглянула на спящую девочку с личиком эльфа, обрамленным каштановыми кудряшками, и что-то шевельнулось в ее душе. Это была еще не любовь, а лишь первый крохотный шаг к ней.

На следующее утро Марти встала, как только услышала тихий щелчок входной двери. Кларк, видимо, зашел на кухню, прежде чем пойти в стойло. Тихо, чтобы не разбудить Мисси, Марти оделась и выскользнула из комнаты, полная решимости взять на себя свою часть забот в браке по расчету, который выпал на ее долю. Теперь у Марти есть крыша над головой, и она расплатится за нее. Она не хочет быть никому обязанной, и, в первую очередь, этому холодному, равнодушному типу, чью фамилию теперь носит. Даже мысленно она не желала считать его своим мужем. Что же касается фамилии, ей будет нелегко привыкнуть, что отныне она не Марта Кларидж, а Марта Дэвис. Она стала равнодушно размышлять, возникнут ли юридические проблемы при желании сохранить свое настоящее имя. Разумеется, она может зваться Марта Люсинда Кларидж Дэвис, не нарушая никаких законов. Внезапно потрясенная, Марти осознала, что ее ребенок тоже будет носить фамилию Дэвис.

— О нет! — Она закрыла лицо руками. — Только не это. Я хочу, чтобы мой ребенок носил фамилию Клема, — прошептала она в ужасе. Горячие слезы текли у нее между пальцев, но она понимала, что в данном случае ничего не выйдет. Как ни печально, она была замужем за другим, и ребенок, который родится в этом браке, будет носить имя ее мужа, несмотря на то что его отец — Клем. У Марти появился еще один повод ненавидеть своего благодетеля. «Ну и ладно, вот возьму и назову ребенка Кларидж, — запальчиво сказала она себе, — этого ему у меня не отнять». Она утерла слезы рукавом, высоко подняла голову и направилась на кухню. В большой черной кухонной печи уже пылал огонь. Похоже, именно для этого Кларк и приходил, и Марти обрадовалась, что ей не придется заниматься растопкой помимо и без того почти невыполнимой задачи жить дальше. Она открыла дверцы буфета, исследовала плотно закрытые банки и обнаружила кофе. К счастью, она знает, где найти кофейник, потому что вчера сама вымыла и убрала его. На невысоком столе у двери стояло ведро со свежей водой, и она быстро приготовила кофе.

— Начало положено, — сказала Марти самой себе. — Что дальше? Она немного порылась в припасах, пока не нашла все необходимое, чтобы напечь лепешек. По крайней мере это она умеет. Они с Клемом часто питались одними лепешками, поскольку продуктов для приготовления другой еды у них не было. Марти понимала, что ей будет нелегко справляться со стряпней. Она почти не умела готовить. Что ж, научится. Она способная. Для начала нужно узнать, что и где хранится на этой проклятой кухне. Марти редко говорила грубые слова, хотя за свою жизнь слышала их предостаточно. Несмотря на готовность исторгать их потоком, она

выбрала одно из самых безобидных выражений, которые употреблял ее отец.

— Черт возьми! — воскликнула она. — Что мне делать? Она не сомневалась, что Кларку недостаточно кофе и лепешек. Но что еще можно приготовить? В буфете стояло множество разных жестянок и коробок, но все были полны продуктами, которые никак не годились для завтрака. Куры! Она же видела кур, а значит, должны быть и яйца. В поисках яиц Марти выглянула из кухни на веранду, служившую входом в дом со двора. Ее взгляд привлекло странное сооружение. Это было нечто вроде ворот, с которого спускалась веревка. Веревка вела к квадратному отверстию в деревянном полу, там же находилась ручка подъемной крышки. Марти осторожно подошла ближе, размышляя, не переходит ли границы дозволенного. Она медленно приподняла крышку в полу за ручку. Сначала ничего не было видно, потом, когда ее глаза привыкли к темноте, она разглядела что-то вроде большого деревянного ящика. Видимо, ворот и веревка предназначались именно для этой штуковины. Марти потянула за веревку и заметила, что ящик поднимается вверх. Это потребовало больше усилий, чем казалось, однако она успешно справилась с устройством. Ящик медленно полз наружу. От него веяло холодом. Когда он был поднят окончательно, Марти накинула веревочную петлю на крюк, предназначенный, скорее всего, именно для этой цели. Сквозь закрытую решетчатую дверцу ящика было видно, что внутри лежит съестное. Она открыла дверцу, и ее глазам предстало такое изобилие, что Марти раскрыла рот от изумления. Там была корзина с яйцами, горшки со свежими сливками, молоком и маслом, окорок и грудинка. На другой полке лежали свежие овощи и стояли небольшие банки с вареньем и всевозможными консервами, а потянув легонько носом, Марти почувствовала аромат свежего меда. По-видимому, дикого. Вот так находка! Теперь у нее не будет проблем с завтраком. Она достала грудинку и несколько яиц. Потом выбрала одну из банок с вареньем и хотела уже опустить ящик на место, когда вспомнила про Мисси. Ребенок должен пить молоко, да и Кларк, возможно, не откажется от кофе со сливками. Правда, она не представляет, любит ли он сливки. Она вообще не знает о нем почти ничего.

Марти осторожно опустила ящик на место и закрыла подъемную крышку. Забрав добычу, она вернулась на кухню, чувствуя себя гораздо увереннее по части перспектив приготовления завтрака. Кофе уже кипел, и его запах напомнил, как она проголодалась. Марти достала из буфета тарелки и накрыла на стол. Ей хотелось, чтобы к приходу Кларка все было горячее, но она не знала, сколько времени занимает его утренняя работа на ферме.

Глава четвертая

УТРЕННЯЯ СХВАТКА

Не успела Марти замесить тесто для лепешек, как услышала, что проснулась Мисси. Марти решила, что прежде всего нужно поднять и одеть девочку, и оставила миску и продукты на столе. Когда она вошла в спальню, радостная улыбка малышки, держащейся за перила кровати, сменилась при виде Марти удивлением, близким к тревоге.

— Доброе утро, Мисси, — сказала Марти и взяла ребенка на руки, чтобы усадить на свою кровать. — Интересно, где твоя одежда? — спросила она, едва ли всерьез надеясь получить ответ. В большом комодe детской одежды не было. Марти знала это, поскольку еще накануне вечером осмотрела все ящики, раскладывая свои вещи. Она обвела взглядом комнату и увидела небольшой сундук, стоящий под окном. Это действительно был сундучок Мисси, и Марти выбрала то, что, по ее мнению, соответствовало случаю. Среди вещей было несколько прелестных платиц. Похоже, ее мама была настоящей рукодельницей. Марти вернулась к

малышке, которая настороженно наблюдала за каждым ее движением, положила одежду на кровать и подошла к Мисси. Но едва девочка поняла, что эта чужая женщина собирается одевать ее, как, не дав Марти опомниться, принялась громко плакать. Марти показалось, что от таких криков побледнело бы и привидение.

— Мисси, перестань же, — увещевала она, но малышка продолжала закатываться неистовым плачем, в котором слышалась смесь возмущения и ужаса.

— Хочу к папе, — кричала она, захлебываясь рыданиями. Марти сдалась.

— Ш-ш! Тише! Успокойся, — сказала она, взяв девочку на руки. Прижимая к себе содрогающегося от плача ребенка, она взяла одежду, пошла на кухню и посадила девочку в углу, положив рядом ее вещи. Мисси, не переставая громко плакать, схватила платье и судорожно прижала его к себе. Как только Марти вновь занялась лепешками, кофе зашипел, выкипая на плиту. Марти лихорадочно передвинула кофейник подальше. Теперь она поняла, что положила слишком много дров. Плита раскалилась докрасна. Марти огляделась в поисках того, чем можно было бы вытереть лужу, и, не найдя ничего подходящего, бросилась в спальню, где выхватила из ящика комода одну из своих самых заношенных вещей. Все равно теперь это всего лишь лохмотья. Затем помчалась назад в кухню, чтобы убрать подтеки кофе. Мисси ревела во весь голос. Эту сцену и застал по возвращении Кларк. Он посмотрел сначала на растрепанную Марти, успевшую, помимо прочего, обжечь себе палец, потом на захлебывающуюся слезами Мисси, которая, сидя в углу, отчаянно прижимала к себе свое платьице. Марти сделала все, что могла. Отгорвавшись от плиты, она незаметно сунула мокрое, испачканное платье, послужившее ей тряпкой, в угол и кивнула на Мисси.

— Она не дала мне одеть себя, — объяснила Марти, стараясь говорить спокойно. — Все время плакала и требовала папу. Марти не знала, как отреагирует Кларк, и его слова стали для нее полной неожиданностью.

— Этого я и боялся. У детей короткая память, — сказал он, поразив Марти своим спокойным тоном. — Она уже не помнит, что такое мама. Он подошел к буфету и при этом, как заметила Марти, даже не взглянул на Мисси, чтобы не спровоцировать новую бурю рыданий.

— Ей придется привыкнуть, что ты — ее мама и что ты заботишься о ней. Можешь отнести ее в спальню и одеть, а здесь я справлюсь сам. — Он жестом указал на беспорядок, царивший на кухне, и частично приготовленный завтрак. После этого Кларк открыл окно, чтобы жар от ревущей печи вышел наружу, и больше не взглянул ни на Марти, ни на Мисси. Марти перевела дыхание и нагнулась, чтобы взять Мисси, которая немедленно зашлась криком, как раненый зверек, а оказавшись на руках, стала брыкаться и лягаться.

— Слушай меня внимательно, — процедила Марти сквозь стиснутые зубы. — Помнишь наш уговор? Я обещала быть твоей мамой, если ты будешь хорошей девочкой. Хорошие девочки так себя не ведут. Но Мисси не желала слушать. Марти посадила ее на кровать и вдруг услышала, как, икая от плача, Мисси отчетливо произнесла:

— Хочу к маме! Так значит, она все помнит. Раздражение Марти мало-помалу стало таять. Может быть, Мисси почувствовала отношение Марти к Кларку, ее злость и отчаяние. Она не винила малышку за то, что та плакала и брыкалась. Возможно, Марти сама вела бы себя не лучше, если бы ее опыт не говорил о том, что это напрасная и бессмысленная трата сил. «Ах, Мисси, — думала она, — как я тебя понимаю. Со временем мы наверняка станем друзьями, но сейчас, — она поморщилась, — сейчас мне нужно тебя одеть». Марти разложила одежду в нужном порядке, поскольку знала, что никто не будет подавать ей вещи, пока она будет

воевать с Мисси. Затем Марти опустилась на кровать и усадила брыкающуюся девочку к себе на колени. Мисси снова забилась в истерике, но теперь Марти не испугалась. Она понимала, что это не более чем гнев ребенка.

— Хватит, Мисси, прекрати. Голос Марти потонул в детских криках, и тогда она дважды крепко шлепнула по маленькой извивающейся попке. Глаза девочки широко раскрылись от удивления, и она перестала плакать и вырываться. Может, это был эффект неожиданности, но, скорее, ребенок просто понял, что придется подчиниться. Мисси продолжала всхлипывать, глотая слезы и прерывисто вздыхая, но больше не сопротивлялась и позволила Марти одеть ее.

Когда битва закончилась и ребенок был одет, Марти чувствовала себя взъерошенной и обессиленной. Они настороженно посмотрели друг на друга.

— Бедная малышка, — прошептала Марти и привлекла девочку к себе. К ее удивлению, Мисси не стала сопротивляться и прижалась к ней. Марти взяла ее на руки и стала ласково гладить, легонько покачивая. Марти не знала, сколько просидела так, но постепенно почувствовала, что малышка больше не плачет. Из кухни доносился запах жареного бекона. Марти поднялась и взяла расческу. Сначала она пригладила свои растрепанные волосы, а потом расчесала каштановые кудряшки Мисси. Она взяла девочку на руки и вернулась на кухню, где смочила водой чистое полотенце, чтобы вытереть детские слезы и немного охладить свое разгоряченное лицо. Кларк не поднял глаз. «Вот он какой, опять делает то, что должна была сделать я», — подавленно думала Марти, усаживая Мисси за стол. Лепешки были готовы, яичница пожарена, а бекон шипел на сковородке. В чашках дымился кофе, а перед Мисси стояла небольшая кружка с молоком. Марти ничего не оставалось, как усесться за стол. Кларк принес бекон и сел напротив. На этот раз она не попадет. Марти помнила, что перед едой он произносит молитву, поэтому, опустив голову, сидела в ожидании. Но ничего не произошло. Потом послышалось негромкое шуршание — звук, напоминающий перелистывание страниц. Марти украдкой бросила взгляд на Кларка и увидела, что он листает Библию, ища нужное место. Марти почувствовала, как ее щеки заливаются краской, но Кларк не смотрел на нее.

— Сегодня мы прочитаем сто двадцатый Псалом, — сказал он и начал читать: — «Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя». Марти всей душой пожелала, чтобы ей пришла помощь с гор. Впрочем, для нее не так уж важно, откуда она придет. Она сделала над собой усилие и прислушалась к тому, что читал Кларк: «Господь — хранитель твой; Господь — сень твоя с правой руки твоей. Днем солнце не поразит тебя, ни луна ночью. Господь сохранит тебя от всякого зла; сохранит душу твою Господь. Господь будет охранять выходение твое и вхождение твое отныне и вовек». Он осторожно положил книгу на небольшую полку у стола, а затем склонил голову и произнес молитву. Марти опять была застигнута врасплох.

«Черт его побери», — вскипела было она, но ее внимание привлекли слова:

— Господь наш, благодарим Тебя за этот прекрасный день и за благодеяния Твои. «Благодеяния, — подумала Марти. — Хорошенькие благодеяния — орущий ребенок, выкипевший кофе и обожженный палец. Я бы прекрасно обошлась без таких благодеяний». Но Кларк продолжал:

— Благодарим Тебя, Отец наш, за то, что Мисси сделала первый трудный шаг, и просим помочь той, что вошла в этот дом, чтобы стать для Мисси матерью. «Когда он обращается к своему Богу, он не называет меня по имени, — подумала Марти, — вместо этого он все время говорит „та“. Надеюсь, если его Бог откликается на молитвы, Он понимает, о ком идет речь. Я бы не отказалась от Его помощи, как, впрочем, и от любой другой». Марти услышала, как ложка

звякнула о миску, и поняла, что до сих пор сидит, склонив голову. Задумавшись, она прослушала конец молитвы, включая «аминь». Она снова вспыхнула и подняла голову, но, поскольку Кларк в это время кормил Мисси лепешкой, смущение Марти осталось незамеченным.

Поначалу они ели молча. Мисси слишком устала от борьбы, чтобы болтать, а Кларк казался поглощенным своими мыслями. Марти тоже сидела притихнув, и мысли, одолевавшие ее, были не из приятных. «Интересно, что будет после завтрака?» — подумала она раздраженно. Сначала она, разумеется, вымоет посуду, потом вычистит перепачканную плиту. А потом? Ей не терпелось привести в порядок свой скудный гардероб. Кроме того, хотелось выстирать одеяла, которые лежали в ее сундуке. Они понадобятся, когда придет караван, идущий на Восток, который заберет Марти отсюда. Она прикинула, как подлатает свои старые платья, если сумеет раздобыть подходящий лоскут. Кларк говорил, что по субботам он ездит в город. Сегодня среда. Нужно будет проверить, что есть в доме, и составить список. Марти украдкой взглянула на Кларка и снова уткнулась в тарелку. «Не очень-то у него радостный вид, — сказала она себе. — Скорее, озабоченный, словно он решает какую-то проблему». Ее мысли прервала Мисси, которая удовлетворенно провозгласила:

— Папа, я все. — И отодвинула тарелку; ее личико преобразилось.

— Ты у меня совсем большая девочка, — ласково улыбнулся отец и начал о чем-то беседовать с дочкой, но Марти не прислушивалась к разговору. Минуту спустя Кларк поднялся и налил себе еще кофе, предложив наполнить и ее чашку. Марти разозлилась на себя за то, что не заметила опустевшую чашку первой. Кларк отставил тарелку и сделал глоток горячего кофе. После этого он внимательно посмотрел на нее. Она встретилась с ним взглядом, хотя это потребовало от нее определенного усилия.

— Думал, ты растеряешься: ты же не знаешь, где что. Но вижу, погреб ты нашла. Молодец! За домом есть еще один — для овощей. Большая часть урожая уже там, а кое-что еще на огороде. В погребе у меня полка с консервами, вот только без лампы ты там ничего не увидишь. Рядом — коптильня, сейчас запасов в ней немного. На следующей неделе решим, кого будем забивать под осень и что приготовим. Я работаю вместе с двумя соседями. У нас есть куры — и на яйца, и на мясо. Резать слишком много кур не хочется, но пока их довольно. Свежего мяса до морозов не будет, если не считать свинины. А похолодает — и можно немного поохотиться, мясо уже не испортится. Если нужно, мы забиваем бычка. В речке водится рыба. К зиме работы становится поменьше. Я от нечего делать иногда рыбачу. Мы живем не так уж плохо. Это не было хвастовством. Он просто рассказывал, как обстоят дела.

— Земля у нас очень хорошая, настоящее Божье благословение. Последние четыре года снимали неплохой урожай. Да и стадо разрослось, и молодняка, и кур порядочно. Рядом с домом растут любые овощи, все что угодно, а зерна для посевов полные закрома. Деньги тоже есть, может, не так много, но достаточно, а нужно будет больше — продадим борова или бычка. Дела у нас идут лучше, чем у многих, хотя наши соседи тоже устроились неплохо. Похоже, мы не зря отправились на Запад. Пару лет назад один парень с того берега дал мне несколько черенков. Через несколько лет, если все будет нормально, они начнут плодоносить, а яблони зацветут уже на следующий год. Я рассказываю тебе это, чтобы ты знала, как обстоят дела. Если тебе или Мисси что-нибудь нужно, не стесняйся сказать. Мы не все можем себе позволить, но на ногах стоим довольно крепко.

Произнеся столь пространную речь, Кларк поднялся из-за стола и некоторое время стоял

молча, словно раздумывая, все ли он сказал.

— У нас есть пара неплохих дойных коров, а еще одна скоро должна отелиться, поэтому молоком и маслом мы обеспечены. Есть хорошая упряжка лошадей и верховая лошадь, если, к примеру, тебе захочется съездить к кому-нибудь. Ближе всех к нам живет матушка Грэхэм, а лучшей приятельницы, чем она, не сыскать. Уверен, соседка тебе понравится, хотя она и постарше тебя. Почти все осенние работы в поле я закончил, но если зима будет не слишком ранней, у меня есть еще кое-какие планы. Перво-наперво я собираюсь на несколько дней к одному из наших соседей, Джедду Ларсону. Он просил помочь, без меня ему не справиться. Просто не успеть все сделать. Я хочу поехать туда сегодня и немного поработать. Они пригласили пообедать у них, поэтому вернусь я только к вечеру. А ты почувствуй себя как дома, хозяйничай. Познакомишься поближе с Мисси, и, может быть, такого шума, как сегодня, больше по утрам не будет. Он обернулся к дочке и легко подхватил ее на руки:

— Пойдешь с папой запрягать Дэна и Чарли? Мисси ответила восторженным согласием, и они отправились на конюшню. «Такого шума, как сегодня», — взволнованно повторила про себя Марти. Это было единственное упоминание утреннего происшествия. Похоже, он не придавал ему большого значения, хотя, подумала она, возможно, он просто скрывает свои чувства. Марти начала убирать со стола. Кларк сказал ей так много, что переварить это сразу было нелегко. Она должна разложить все по полочкам, а потом обдумать еще раз. И Марти принялась строить планы на предстоящий день.

Прежде всего она отыщет какую-нибудь лохань, нагреет воды и постирает одежду и одеяла. Может быть, ей удастся найти иголку и починить свои платья, которые давно в этом нуждались. Когда она взялась за мытье посуды, вернулся Кларк, чтобы оставить Мисси. Ему стоило некоторого труда оторвать от себя дочь. Девочка уже привыкла повсюду следовать за отцом, и было нелегко втолковать ей, что теперь все пойдет по-другому.

— Папе пора идти, а ты останешься с мамой. Я скоро вернусь, — мягко объяснил он всхлипывающей дочке.

После того как Кларк ушел, а Мисси перестала плакать, Марти домыла последние тарелки и принялась за чистку плиты. Покончив с этим, она подмела пол и была готова к осуществлению собственных планов.

Марти никогда не занималась всерьез ведением хозяйства, но была полна решимости осилить стоящую перед ней задачу. Кларку не будет стыдно за свой дом, и с ролью мамы для Мисси она тоже справится: должна же она отработать то, что получила. Ей нужно только выстирать свои вещи, затем она сразу займется домом, который долго был холостяцким жильем. Несмотря на то что Кларк очень неплохо управлялся по хозяйству, дому не хватало женской руки. За несколько дней она наведет здесь настоящий порядок.

Глава пятая

ТОЛЬКО БЫ ВЫТЕРПЕТЬ...

Далеко за полдень Марти закончила стирку вещей, одни из которых были ее собственными, а другие принадлежали Мисси и Кларку. К счастью, погода стала прохладнее. У Марти больше не было сил терпеть жару. Нынешний день был настоящим чудесным днем бабьего лета,

обычным для середины октября. Стоя у бельевой веревки, Марти посмотрела на запад. Далеко за пологими холмами величественно возвышались синие горы. Уж не с этих ли вершин должна прийти помощь, о которой просил своего Бога Кларк? Деревья на склоне холма оделись желтой и красной листвой. Землю усыпали опавшие листья, которые подхватывал и уносил к югу порывистый ветер. Это было так красиво, что ей захотелось поделиться увиденным с Клемом. «Если бы Клем мог видеть это вместе со мной!» Боль в сердце чувствовалась куда острее, чем боль в натруженной спине, когда Марти выливала грязную воду из лоханей. Мисси тем временем спала. Марти была рада немного отдохнуть от девочки и еще больше рада тому, что Кларк уехал на целый день. Утром, услышав о его планах, она вздохнула с облегчением. Может быть, ей повезет, и работа у соседа задержит его на несколько дней. Но на это едва ли можно надеяться. Она сегодня же хотела обойти ферму, чтобы знать, где что находится, но поняла, что слишком устала. Пожалуй, она капельку отдохнет, пока не проснулась Мисси, а потом, чуть позднее, отправится на разведку. Марти вылила остатки воды, в которой полоскала белье, повесила лохани на место на стене дома и, едва держась на ногах от усталости, отправилась в спальню, чтобы прилечь. Она немного поплакала, пока ее не одолела дремота, и впервые с тех пор, как не стало Клема, заснула спокойным сном.

Проснувшись, Марти подскочила на кровати — она не знала, что ее разбудило, но что-то было не так. Может, плакала Мисси? Марти приподнялась на локте и заглянула в кроватку. Нет, Мисси не плакала. Ее не было в кроватке. Мисси нет на месте? Но она должна быть здесь. Марти вскочила с колотящимся сердцем. Где же девочка? Может, вернулся Кларк и забрал дочку с собой?

— Без паники, — лихорадочно пробормотала Марти. — Она где-то здесь. Марти быстро осмотрела дом, затем загон для скота, но упряжка лошадей еще не вернулась. Она осмотрела все строения, окликая Мисси. Никаких следов. «Должно быть, она перелезла через перила кроватки, — сказала она себе. — Видимо, я очень крепко спала». Марти уходила все дальше и дальше от дома, но Мисси не было нигде. Несмотря на старания Марти держать себя в руках, она просто обезумела. Куда могла подеваться девочка? Что ей делать? По щекам Марти текли слезы. Она порвала платье и исцарапала все ладони колючками, продираясь сквозь заросли шиповника. Спустившись к ручью, она осмотрела берега вверх и вниз по течению, но и там не было никаких следов малышки или ее вещей. «Наверное, она выбралась на дорогу и ушла», — в отчаянии подумала Марти и почти бегом пустилась по пыльной, изрезанной колеями дороге. Спотыкаясь, она бежала без остановки. «Вряд ли Мисси могла уйти так далеко», — пыталась рассуждать Марти, но продолжала бежать дальше, не зная, что еще она может сделать. Вдруг на холме она увидела, что навстречу движется упряжка Кларка. Марти не сообразила, что может остановиться на обочине и подождать, пока он подъедет поближе. Она продолжала упрямо брести навстречу повозке. Что она скажет Кларку? Как объяснить ему, что случилось? Ей нельзя доверить даже присмотреть за ребенком! Может быть, Кларк знает, куда исчезла девочка? Марти пришлось отойти в сторону, чтобы, поравнявшись с ней, упряжка могла остановиться. Со сжавшимся от раскаяния и ужаса сердцем она подняла лицо, испачканное слезами и грязью, и увидела Мисси, страшно довольную собой, сидевшую на коленях у отца. Кларк остановил лошадей и протянул Марти руку, помогая взобраться наверх. Неохотно, чувствуя головокружение, она залезла в повозку. «Что он обо мне подумает?» Домой ехали молча. «Почему он ничего не сказал?» Кларк только понукал лошадей. Мисси тоже сидела тихо. И правильно делает, негодница. Произнеси она хоть слово, Марти тотчас отшлепала бы ее. Чувство огромного облегчения, которое она испытала, увидев девочку целой и невредимой, сменилось гневом. Лицо Марти горело от унижения и усилий, потраченных на отчаянные поиски. И все же она высоко подняла голову. Он молчит? Что ж, она тоже будет молчать. Пусть думает что хочет — Марти не собирается оправдываться. Она его ненавидит и не желает даже

думать о его невоспитанной дочери.

«Только бы мне вытерпеть все это и дожидаться каравана, и уж тогда я исчезну из этого ужасного места так быстро, что и след простынет», — говорила она себе. Будучи женщиной, она всей душой желала выплакаться, но, будучи женщиной, она отказывалась уступать себе даже в этом. «Не смей! — приказала она себе. — Не смей доставлять ему такое удовольствие». Марти сидела выпрямившись, глядя прямо перед собой, и не изменила позы, пока они не приехали домой. Не дожидаясь помощи Кларка, она быстро соскользнула вниз по колесу, при этом еще больше порвав свое платье.

Кларк поставил Мисси на землю, и Марти, резким движением подхватив ребенка, ушла в дом. На девочку это, судя по всему, не произвело впечатления, а ее новая мама принялась с грохотом разводить огонь в печи.

Опять готовить еду — но какую? Этот вопрос привел ее в еще большее смятение, и Марти решила, что опять испечет лепешки. Ведь это единственное блюдо, которое она по-настоящему умела готовить. И пусть он подавится ими. Ей все равно. Что с нее взять? Она ничем ему не обязана. Лучше бы она осталась в своем фургоне и умерла с голоду. Вот чего ей действительно хотелось. Огонь занялся на удивление быстро, и превосходная плита скоро задышала жаром. Марти металась по кухне и, не испытывая ни малейшей признательности, готовила кофе и месила тесто для очередной партии лепешек. Вместо бекона она решила поджарить несколько ломтей ветчины. Марти не понимала, почему все ее начинания в этом доме, как только она переступила его порог, терпят неудачу, несмотря на старания. И главное, она не понимала, почему это так выводит ее из себя. Какое ей, в сущности, дело? И все же происходящее глубоко задевало ее — гораздо больше, чем она могла признаться себе самой. В глубине души она воспринимала любую неудачу как врага, с которым нужно сражаться и победить его. Так она была воспитана и не могла вести себя иначе.

Ожидая, пока нагреется сковорода, она метнула гневный взгляд в сторону Мисси.

— Сиди смирно, — предупредила она и побежала снимать белье, пока оно не отсырело от вечерней росы. Когда Кларк вернулся из конюшни, ужин был готов. Может быть, он и удивился тому, что на ужин опять лепешки, но виду не подал. Щеки Марти вновь залились краской, поскольку она обнаружила, что ее лепешки ничуть не лучше тех, что готовил Кларк. «Ну и пусть! — сердито подумала она. — Зато мой кофе куда вкуснее». Должно быть, в этом она не ошиблась. Когда она опять не заметила, что чашка Кларка опустела, и тот встал, чтобы налить себе еще одну, он сказал:

— Вкусный кофе. Марти отвернулась и пожала плечами. После ужина она убрала со стола и выкупала Мисси. Марти все еще с трудом сдерживалась, чтобы не встряхнуть как следует маленькую плутовку.

Когда девочка уже лежала под одеялом, Марти помыла разгоряченные, пыльные ноги, собрала свои высохшие вещи, снятые с веревки, и, пробормотав «доброй ночи», отправилась в спальню, закрыв за собой дверь. Там она аккуратно сложила ветхие, но чистые платья и белье. Если бы у нее были иголка и нитки! Но у Кларка она ни за что не попросит. Никогда! Марти уселась на кровать, чтобы немного пожалеть себя. Но едва она собралась предаться этому занятию, как заметила у дверей небольшую корзинку для рукоделия. Находка казалась такой невероятной,

что она не поверила своим глазам. Подойдя ближе, Марти увидела, что содержимое корзинки превосходит все ее ожидания. Там лежали нитки разных цветов, иголки любых размеров, пара отличных ножниц и даже несколько лоскутков. Марти без промедления взялась за дело. Теперь она думала только о шитье. Может быть, ремонт старой одежды и не самое интересное занятие для настоящей швеи, тем не менее она с воодушевлением принялась за работу.

Однако, пытаясь придать своим потрепанным платьям приличный вид, она приходила во все большее уныние. Чем усерднее Марти трудилась, тем больше удручали ее результаты. Сначала она занялась не столь изношенными вещами, но, добравшись до того, что оставила напоследок, пришла просто в отчаяние. Ее одежда не выдержит даже до весны, а просить Кларка о новой она ни за что не станет. Даже если ей придется ходить в лохмотьях. «Конечно, мы не все можем себе позволить, но на ногах стоим довольно крепко», — вспомнила она его слова. «А что бы стал делать ты, мистер Крепко Стоящий На Ногах, если бы у тебя не было ни одной приличной вещи?» — скрипнув зубами, подумала она, стаскивая превратившееся в лохмотья платье и надевая тщательно заштопанную ночную сорочку. Марти рухнула в постель, и перед ее глазами вереницей потянулись события прошедшего дня: раскаленная плита, выкипающий кофе, рыдающая Мисси, лихорадочные поиски, лепешки на ужин. К горлу подступили рыдания: «Если бы Клем был со мной...» — и, наплакавшись, она заснула.

Глава шестая

УБОРКА

Утром, выглянув в окно, Марти увидела, что небо затянуто облаками. Погода менялась. Еще немного — и на смену бабьему лету придет суровая зима. «Но ведь холода еще не наступили», — сказала Марти себе, решив, что вопреки скверным обстоятельствам, в которые попала, не станет предаваться унынию. День был довольно теплым, а небо не выглядело мрачным. Может быть, облака скоро рассеются и снова засияет солнце.

Марти медленно выбралась из постели. Если бы предстоящий день был лучше вчерашнего... То, что произошло позавчера, ощущалось далеким прошлым. Ей не верилось, что после похорон минуло всего два дня. Они показались ей вечностью. Марти надела льняное платье, которое починила накануне, взглянула на спящую Мисси и тихонько пошла к двери. Она очень надеялась, что вчерашняя утренняя сцена больше не повторится. Второй раз ей такого не выдержать. Она поставила кофе, накрыла на стол и занялась приготовлением лепешек.

Проклятье. Марти прикусила губу. Ей самой до смерти надоели эти лепешки. Пока другого не было, они представлялись не такой уж скудной пищей, но когда в доме полно самых разных свежих продуктов, глупо питаться одними лепешками. Марти обязательно что-нибудь придумает, а сейчас нужно приготовить завтрак. Она вышла, чтобы взять кусок грудинки. Проснулась Мисси и, не сопротивляясь, позволила одеть себя. Похоже, здесь Марти одержала победу! Она посадила девочку на самодельный стульчик, отодвинув его от стола, чтобы Мисси не трогала своими маленькими пальчиками то, что ей не предназначалось.

Когда Кларк вернулся со скотного двора, завтрак был готов, а Мисси с примерным видом сидела на своем месте. Кларк, судя по выражению лица, остался доволен настроением дочери, хотя, к облегчению Марти, не произнес ни слова. Они сели за стол, и после утреннего чтения и молитвы завтрак пошел своим чередом. Марти исподтишка следила, не опустела ли чашка

Кларка и не пора ли налить ему кофе, но, когда вскочила за кофейником, он отставил чашку в сторону.

— Я бы с радостью, но сегодня у меня нет времени. Небо с каждым днем все больше похоже на зимнее, а у Джедда еще не убрано зерно. Мне нужно поторапливаться, чтобы приехать к нему пораньше, — он немного замялся, — хотя кофе и правда отменный. Марти налила себе вторую чашку и поставила кофейник обратно. Вот и все, что Кларк может ей сказать: она приготовила хороший кофе. Что ж, может быть, им обоим повезло, что она способна хотя бы на это! В дверях Кларк остановился и бросил через плечо:

— Я пообедаю у Ларсонов. — И ушел. На сей раз Мисси прекратила хныканье в считанные минуты. Мысли Марти вернулись к последним словам Кларка. «Готова поспорить, он в восторге от того, что может хотя бы раз в день поесть у Ларсонов. Вот будет смеху, если миссис Ларсон вздумает покормить его лепешками». Марти не удержалась от улыбки. Затем она села за стол, чтобы не спеша насладиться кофе и обдумать планы на день.

Она начнет с того, что опорожнит и хорошенько вымоет кухонные шкафчики, а потом займется остальным на кухне, включая стены, окна и шторы. К вечеру все здесь будет сверкать. Ей не терпелось приступить к работе и навести вокруг чистоту и блеск. Марти решила, что у нее нет времени расслаиваться за столом. Она быстро вымыла посуду, придумала занятие для Мисси, надеясь, что некоторое время малышка не будет ей мешать, и всерьез взялась за дело. Может быть, она умела и не все, но способности с жаром отдаваться работе ей было не занимать.

Когда часы на каминной полке показывали половину первого, все шкафы на кухне были вымыты, а их содержимое разложено на полках по-новому, на ее вкус. Кроме того, она обнаружила муку тонкого помола для булочек и крупу, пригодную для каши. Со временем можно подавать на завтрак не только лепешки.

Марти сделала перерыв в работе, чтобы приготовить еду для себя и для Мисси. Они перекусили жареной ветчиной с хлебом и молоком. Марти была довольна, что в доме много молока. По дороге на Запад Клем все время говорил, как оно важно для будущего ребенка. Теперь молока в изобилии, и сын Клема появится на свет здоровым и крепким. После еды, уложив Мисси, Марти вновь вернулась к работе. Она очень устала, но решила, что больше не позволит девочке повторить вчерашний номер. Кроха, должно быть, протопала не меньше мили, пока не встретила отца. При мысли об этом Марти вновь содрогнулась от страха. Нет уж, еще раз она такого не допустит, даже если свалится замертво. Продолжая свое дело, она выстирала шторы и повесила их подсушиться на ветерке. Затем до блеска вымыла окно и энергично принялась за кухонные стены. Работа предстояла нелегкая и продвигалась медленно, но Марти была довольна своими достижениями. Она усердно терла бревенчатые стены, удивляясь, как много уходит воды. Несколько раз ей приходилось останавливаться и вновь наполнять таз. Вспомнив о шторах, она прервала свое занятие и отправилась на поиски утюга, чтобы выгладить ткань, перед тем как повесить на окна. В шкафу на веранде она нашла несколько тяжелых утюгов и поставила их на плиту греться. Пока Марти занималась уборкой, огонь в печи погас, поэтому пришлось разводить его заново. Пытаясь заставить маленький язычок пламени разгореться, она досадовала на себя за небрежность. Когда пламя вспыхнуло, Марти вернулась к работе. Воды на мытье стен ушло так много, что пришлось сходить к колодцу и принести еще. Наконец, все было сделано. Стены блистали чистотой, хотя и отсырели от впитавшейся в них влаги.

Когда она принесла подсохшие шторы, утюги уже нагрелись. Погладив шторы, она повесила их на место, и теперь они хрустели от свежести. Проснулась Мисси, и Марти привела ее на кухню, налив себе и девочке по кружке молока. Настроение у выпавшейся Мисси было веселым. Она славно щебетала. И Марти обнаружила, что детская болтовня даже доставляет ей удовольствие, поскольку, как и работа, отвлекает от печальных мыслей.

Она посадила Мисси на стульчик, сунула ей лопот хлеба и принялась горячей мыльной водой мыть пол и тереть его щеткой. Когда Марти закончила, у нее ныли спина и руки, но пол стал на удивление чистым. Марти вытряхнула лежащий у дверей коврик, постелила его на место и окинула кухню оценивающим взглядом. Все вокруг сияло. Она была горда собой. Окно сверкало, шторы радовали глаз свежестью, только стены смотрелись, пожалуй, странновато. Сами бревна выглядели чистыми, а вот замазка из белой превратилась в грязно-серую. Марти подошла к стене и потрогала ее пальцем. Замазка не только казалась грязной — она превратилась в самую настоящую грязь. Марти сморщила нос. Что же она наделала? Это все из-за воды! Она впиталась не в бревна, а в замазку, которая, как губка, всосала влагу и стала липкой и мягкой. Марти всей душой надеялась, что к приходу Кларка стены просохнут. Взглянув на часы, она обнаружила, что времени осталось немного. Если она собирается приготовить к ужину что-то кроме лепешек, пора пошевелиться. Марти увидела, что почти весь хлеб съеден. Как ей быть? Она ни разу не пробовала печь хлеб и не помнила, как это делала ее мать. Марти понятия не имела, с чего начать. Ладно, лучше приготовить хрустящие хлебцы. Правда, она и хлебцы не умеет печь, но уж это наверняка нетрудно. Она вымыла руки и подошла к буфету. Теперь, когда она сама разложила все его содержимое на свое усмотрение, Марти считала его почти своим. Она достала муку и соль. Интересно, в хлебцы кладут яйца? Точно она не знала, но на всякий случай добавила пару яиц. Она долила в смесь молока и размешала тесто. Правильно ли она сделала? Что ж, посмотрим, что получится. Марти порезала картошку, чтобы пожарить ее, и достала ветчину. Она решила, что неплохо бы использовать и другие овощи, и взяла немного моркови. Чистя морковь, Марти услышала, как Ол Боб радостным лаем встречает упряжку. Сначала Кларк займется лошадьми, а потом пойдет на скотный двор. Ужинать он будет минут через сорок, прикинула Марти, и оставила морковь, решив, что сначала нужно поставить в духовку хлебцы. Сделать это было несложно, и она представила, как, с благодарностью глядя на нее, Кларк тянется, чтобы взять еще хлебец. Марти хорошенько помешала картошку, которая жарилась на сковородке. «Кофе!» — вспомнила она и бросилась за кофейником, чтобы вскипятить воду. Ведь, по крайней мере, кофе она варить умеет! Марти нарезала ветчину и положила ее поджариваться на другую сковородку. От шипящей ветчины пошел чудесный аромат. Она понюхала хлебцы и с трудом удержалась, чтобы не открыть дверцу духовки и не взглянуть на них. Марти была уверена, что они еще не готовы. Она еще раз перемешала картошку и с тревогой взглянула на грязные разводы замазки между бревнами, которые подсыхали на глазах. Может, если Марти будет молчать, Кларк ничего не заметит. А к утру все станет белым, как прежде. Оставалось перевернуть ветчину, а картошка уже готова. Марти отодвинула сковородки подальше от жара и подбросила дров. Тут она вспомнила про морковку: ее она так и не почистила. Наконец, горшок с морковью стоял на плите. Марти поставила его в самый жар, чтобы еда поспела поскорее. Картошка, вне всяких сомнений, поджарилась, разве что немножко раскрошилась от слишком усердного перемешивания. Вот только почему-то с каждой минутой она выглядела все менее аппетитно. Хлебцы! Марти бросилась к духовке, боясь, что, промедлив, она испортила все дело. Но вряд ли то, что у нее получилось, можно было испортить. На противне лежали даже на вид жесткие комья, бесформенным видом напоминающие булыжники. Марти вынула противень из духовки и вытряхнула один из комьев на стол, чтобы он немного остыл и можно было его попробовать и вынести приговор. Она медленно надкусила свое произведение, но не тут-то было: хлебец не поддавался. Она сжала зубы крепче, но по-прежнему без

результата.

— Проклятье, — пробормотала Марти и, открыв дверцу печи, швырнула в нее отвратительный предмет. Огонь вокруг него тихонько зашипел, по-кошачьи пятясь назад, но ужасный ком теста оставался целым и невредимым. Он лишь немного почернел от лизавших его языков пламени.

— Проклятая отравка! Еще и гореть не желает, — разозлилась Марти и запихала в печь еще одно полено, пристроив его прямо поверх обгорелого куска теста. — И что мне теперь с этим делать? Марти огляделась вокруг. Как избавиться от своего позора? Сжечь эти комья ей не удастся. Если она бросит их собаке, они предстанут на всеобщее обозрение. Она закопает их в землю. Чертовы хлебцы! Она торопливо сгребла их в подол фартука и направилась к двери.

— Мисси, сиди смирно, — сказала Марти. Вспомнив прежний опыт, она вернулась и сняла с огня кофейник. Затем Марти вышла за дверь и бросила взгляд в сторону скотного двора. Убедившись, что путь свободен, она побежала в дальний конец сада. Почва была еще мягкой, и, упав на колени, она быстро выкопала руками ямку и затолкала в нее отвратительные комья. Она торопливо присыпала их землей и помчалась назад, в дом. Уже во дворе Марти почувствовала запах подгоревшей ветчины.

— О нет! — воскликнула она. — Что за напасть! Марти быстро вымыла руки в тазике около дома, и когда она вбежала в крохотную кухню, у нее хлынули слезы при виде того, что там творилось. На ужин Кларку была подана чуть теплая картошка и подгорелая ветчина с оставшимся хлебом. О моркови не было и речи, поскольку вода едва закипела. И, естественно, он так и не узнал о злосчастных хлебцах. Кларк ел молча. Единственные его слова были:

— Кофе удался на славу.

Глава седьмая

ЖЕЛАННАЯ ГОСТЬЯ

Утро пятницы выдалось ясным и светлым, но по сравнению с началом недели стало ощутимо прохладнее. Марта лежала в постели, вспоминая вчерашний ужин. Она предусмотрительно избегала упоминания о раскисшей замазке, хотя в углу кухни неожиданно отвалился небольшой ее кусок. Он отклеился от бревен и, падая, оставил грязный след. Кларк удивленно поднял глаза, но продолжал есть. Марта от всего сердца молилась, чтобы остаток проклятой замазки не выпал из щели. К счастью, больше ничего не случилось, и она с облегчением убрала со стола и вымыла посуду.

Дни укорачивались, и по вечерам было не обойтись без света. Мужчины работали в поле допоздна, после чего отправлялись на скотный двор. Когда ужин заканчивался, на улице становилось совсем темно. В тот вечер Марти обрадовалась сумеркам. Свет лампы отбрасывал тени, которые скрывали потемневшую замазку. Купая Мисси перед сном, она услышала, как отвалился еще небольшой кусочек, но сделала вид, что ничего не произошло, и постаралась заглушить пугающий звук, громко разговаривая с Мисси. Все это было вчера, а сейчас Марти готовила себя к новому дню, размышляя, какие еще неприятные сюрпризы ждут ее сегодня. Один из них уже известен. Хлебница пуста, а Марти понятия не имела, как пополнить запасы. Наверное, Кларк умеет печь хлеб, но она лучше умрет, чем спросит у него рецепт. Интересно, как поживает замазка? Марти боялась и думать о том, чтобы пойти и взглянуть на нее, но понимала, что лежа в кровати не решит ни одной проблемы. Она сделала над собой усилие и выбралась из постели. Все тело ломило после вчерашней работы. Наверное, мышцы будут

болеть еще несколько дней. Кроме того, она не выспалась. Марти снова думала о Клеме и о том, как ей его не хватает. Кое-как она оделась, провела расческой по волосам и направилась в кухню.

Первое, что бросилось ей в глаза, была замазка. Тут и там вдоль стен лежали небольшие раскрошившиеся кусочки. Марти чуть не расплакалась, но ведь слезами горю не поможешь... Ей придется признаться Кларку, что она натворила, и получить заслуженный выговор. Она сунула в огонь пару поленьев и поставила кофе. Внезапно Марти пришло в голову прикинуть, сколько же еще раз придется варить кофе. Перед ее внутренним взором предстала нескончаемая чередка кофейников.

Марти нашла чайник и поставила кипятить воду. Сегодня утром она приготовит на завтрак кашу. И тут же недовольно подумала: «А что еще? Нельзя же завтракать одной кашей!» Что можно подать к каше, если нет ни печенья, ни булочек, ни хлеба — ничего. И, сняв с плиты кофейник, раздосадованная Марти снова взялась делать лепешки. Проснулась Мисси, и Марти отправилась поднимать ее с постели. Малышка улыбнулась, и Марти поймала себя на том, что улыбается ей в ответ.

— Доброе утро, Мисси. Иди к маме, — произнесла она с некоторым усилием, как бы пробуя слова на вкус. Сказанное не доставило ей удовольствия, и она решила, что лучше бы вообще этого не говорила. Мисси охотно потянулась к ней и весело лепетала, пока ее одевали. Теперь Марти понимала почти все, что девочка говорит. Она рассказывала что-то про папу, про коровку, которая говорит «му-у-у», про курочек, которые говорят «ко-ко-ко», и про свинок. Марти не расслышала, что именно говорят свинки, но улыбнулась девочке, усаживая ее на стульчик.

Пришел Кларк и, увидев уже привычный завтрак, поздоровался с дочкой, которая радостно закричала, приветствуя отца. После чтения отрывка из Библии они склонили головы для молитвы. Кларк поблагодарил Бога за ночной отдых и за то, что Он даровал такой «удачный день для уборки остатков урожая Джедда». Продолжение молитвы удивило Марти.

— Господи, не оставляй ту, что так старается быть хорошей мамой для Мисси и настоящей хозяйкой для нашего дома. На этом молитва не закончилась, но Марти не слышала, что было дальше. Все ее начинания до сих пор заканчивались неудачей. Неудивительно, что Кларк просит о помощи самого Всемогущего, чтобы все встало на свои места. Она не знала, радоваться или обижаться на такую молитву, поэтому решила просто не брать в голову. И только она успела подумать это, как услышала «аминь».

— Аминь, — повторила Мисси, и завтрак начался. Поначалу ели молча, лишь отец с дочкой время от времени обменивались замечаниями или Кларк выговаривал Мисси:

— Нельзя бросать лепешку на пол. Так ведут себя только непослушные девочки, которые добавляют своей маме работы. Марти уже не в первый раз слышала слово «мама» и подумала, что последние два дня Кларк часто произносил его. Она поняла, что Кларк сознательно старается приучить дочку к тому, чтобы малышка считала ее своей мамой. Марти пришло в голову, что ей тоже придется привыкнуть к этому. В конце концов, для чего она здесь — ведь не для того же, чтобы развлекать сурового мужчину, сидящего напротив.

Очередной кусок замазки упал на пол, и Марти, сделав глубокий вдох, решилась:

— Боюсь, вчера я совершила ужасную ошибку. Я взялась мыть кухню...

— То-то я и смотрю, все такое свежее, даже пахнет чистотой, — быстро ответил Кларк. «И зачем он это сейчас говорит?» — раздраженно подумала Марти. Она глотнула еще воздуха и продолжила:

— Я понятия не имела, что может случиться с замазкой. То есть я не знала, что она вся промокнет, а потом ее будет не высушить. Кларк ничего не сказал. Она сделала еще одну попытку.

— Теперь она осыпается. Сам посмотри. Все крошится и падает на пол...

— Верно, — сказал Кларк и, не поднимая глаз, едва заметно кивнул.

— Но так она вся вывалится, — запнувшись, проговорила Марти. — Что же делать? Она начала злиться. Его невозмутимость выводила ее из себя. Он поднял глаза и медленно сказал:

— В субботу поеду в город. Привезу замазки. Эта какая-то странная. На вид вся такая белая и чистая, но в непогоду ей не выстоять, да и снаружи дом надо заделать. Как раз пора, пока зима не началась. На улице вроде держится покрепче, несмотря на сырость. В общем, не волнуйся об этом. Обещаю, что летучие мыши в наш дом залететь не успеют. Я мигом обработаю все щели. Он сдерживал улыбку, а она чувствовала, что с досады ударила бы его. Он поднялся, чтобы идти.

— Похоже, ты работала, не жалея сил. Мне кажется, не стоит так спешить. Не пытайся привести все в порядок за неделю. Времени у тебя предостаточно, а ты уже выглядишь усталой, — и, помедлив, добавил: — Если все же надумаешь заниматься уборкой, просто обмети стены сухой щеткой. Договорились? На прощание он поцеловал Мисси, велел ей слушаться маму и отправился помогать Джедду Ларсону убирать остатки зерна. Он сказал, что, вероятно, идет к нему в последний раз. Марти представила, что теперь он все время будет рядом, и содрогнулась от такой мысли, хотя, ясное дело, рано или поздно это должно было случиться. Она поставила греться воду, чтобы, пока не пришла зима, успеть выстирать домотканые половики, и нашла мягкую щетку для гостиной. Обмести стены оказалось куда быстрее, чем мыть их, при этом щетка неплохо справлялась с паутиной и пылью. Марти сама удивилась, как быстро все сделала, и занялась окнами и полом. Когда она услышала лай собаки, встречающей упряжку, свежевystиранные шторы уже трепетали на ветру, а половики сушились на солнце. Выглянув из окна, она увидела миссис Грэхэм, и ее сердце радостно дрогнуло. Она вышла ей навстречу и поздоровалась. Матушка Грэхэм поставила свою повозку в тень и дала лошадям немного сена, чтобы они спокойно дожидались ее, после чего следом за Марти двинулась к дому. Пес лежал у дорожки и усердно глодал какой-то небольшой предмет, напоминающий кость. К ужасу Марти, это оказался один из ее хлебцев. Проклятая собака откопала их в саду. Лицо Марти залилось краской, и она постаралась, чтобы миссис Грэхэм миновала собаку как можно быстрее и не успела заметить, что она грызет. Когда женщины вошли в кухню, Марти растерялась. Она никогда не принимала гостей, не знала, как себя вести и что говорить, и у нее не было никакого угощения. Марти заметила, что матушка Грэхэм благоразумно отвела глаза от осыпающейся замазки, отметив вместо этого, как сверкает чистотой пол. Марти в смущении засуетилась, подкладывая дрова в печь и ставя кофе. Матушка непринужденно болтала о погоде, об очаровательной малышке Мисси, с которой так любят возиться ее дочери, и об урожайном годе. Но Марти по-прежнему чувствовала неловкость. Она была рада, что кофе закипел и можно разлить его в чашки. Марти усадила Мисси за стол, поставив перед ней стакан молока, и предложила сахар и сливки для матушки Грэхэм. С упавшим сердцем она поняла, что ей нечего подать к кофе — в доме не было даже

корки хлеба. Что ж, раз есть только кофе, придется довольствоваться этим.

— Вижу, ты трудишься как пчелка, прибирая комнаты к зиме, — заметила матушка.

— Да, — ответила Марти.

— Приятно, когда кругом такая чистота. Зимой ведь приходится сидеть дома целыми днями. Сидишь себе, шьешь да вяжешь. Да, она полностью согласна.

— У вас хватает половиков и ковров? Да, она считает, что вполне достаточно.

— А стеганых одеял вам не нужно? Не замерзнете? Марти думает, что нет. Они не торопясь прихлебывали кофе. Матушка внимательно посмотрела на Марти теплыми карими глазами.

— У тебя все в порядке, Марти? Дело было не в словах, а в том, каким тоном они произнесены. Выражение глаз матушки говорило о том, что она по-настоящему беспокоится, и твердая решимость Марти держаться как ни в чем не бывало начала разваливаться, как мокрая замазка. Сбиваясь и путаясь в словах, она рассказала матушке все: о лепешках, о сцене, которую устроила ей Мисси, о закончившемся хлебе, об отвратительных хлебцах, об исчезновении Мисси, о замазке, о несъедобном вчерашнем ужине и, наконец, о том, как сильно она тоскует по мужу, которого потеряла. Матушка слушала молча со слезами на глазах. Внезапно она поднялась, и Марти испугалась, что своими излияниями надоела пожилой женщине.

— Сейчас, милая, — ласково сказала матушка, и по ее тону сразу стало ясно, что она ничуть не раздражена, — я дам тебе урок хлебопечения. Потом я сяду и напишу все рецепты, какие только сумею вспомнить. Мне очень жаль, что тебе пришлось столько пережить за эти дни, ведь ты еще такая юная и только что похоронила мужа... И если я не ошибаюсь, — она оценивающе обвела глазами фигуру Марти, — ведь ты тоже скоро станешь матерью. Верно, детка? Глотая слезы, Марти молча кивнула, а матушка взялась за дело, продолжая говорить, и мало-помалу у Марти исчезло ощущение того, что она ничего не стоит и никому не нужна, не оставлявшее ее с той минуты, как она потеряла Клема. Когда полный событий день подошел к концу, матушка уехала. После нее осталось множество рецептов, содержащих подробнейшие указания, свежееиспеченный хлеб, который наполнил своим ароматом всю кухню, и целая корзина домашних сладостей. Кроме того, матушка Грэхэм помогла приготовить ужин. Сама Марти пребывала теперь в куда более приподнятом расположении духа. Она прошептала короткую молитву, прося Бога, если Он действительно существует, особо отметить эту замечательную женщину, к которой Марти так быстро привязалась.

Глава восьмая

ЖЕСТОКИЙ МИР

Субботнее утро было ясным и совсем прохладным. Марти на скорую руку приготовила на завтрак кашу и оладьи из кукурузной муки, чтобы Кларк мог уехать в город пораньше. Она вручила ему список, составленный накануне с помощью матушки Грэхэм.

— Не забывай, — сказала ей матушка, — зимой бывают такие вьюги, что в течение трех-четырех недель выбраться в город нет никакой возможности. Никогда не знаешь заранее, что будет в ближайшую субботу, поэтому лучше как следует запастись всем необходимым. Составленный с учетом этих соображений список получился обширным, поэтому Марти немного волновалась, но Кларк невозмутимо пробежал его глазами и одобрительно кивнул. Он

наклонился поцеловать на прощание Мисси, пообещав, что привезет для нее подарок. Размышляя, чем заняться на этот раз, Марти с облегчением подумала, что и сегодня ей не придется терпеть общество Кларка. Он уже советовал не очень торопиться, да и матушка Грэхэм считала, что для женщины в ее положении она работает слишком усердно, но Марти знала, что только дело, которое требует полного напряжения сил, может немного отвлечь от горьких мыслей. Она огляделась, раздумывая, чему посвятить сегодняшний день, и решила закончить уборку. Марти поставила греться воду, намереваясь начать со стирки постельного белья. После этого она займется спальней, вымоет там пол и окно, вычистит стены, а если останется время, приведет в порядок веранду. Прибраться в пристройке, где жил Кларк, ей и в голову не приходило. Это территория Кларка, и вторгаться на нее она не собирается. Марти усадила Мисси, дав ей тряпичную куклу и кукольное одеяло, и принялась за дело, стараясь сосредоточиться на работе. Одна назойливая и тревожная мысль не давала ей покоя. Если сегодня она покончит с уборкой, что она будет делать завтра, и послезавтра, и через два дня? Об этом Марти старалась не думать. Будь что будет. Сейчас у нее нет настроения размышлять о том, что ее ждет. Если она представит те долгие недели и месяцы, которые обречена провести вместе с человеком, волею судьбы ставшим ее мужем, она просто не выдержит. Марти закончила все дела как раз вовремя. Пришла пора готовить ужин. Кларк сказал, что вернется домой к обычному часу вечерних работ на скотном дворе. Она пролиставала рецепты, которые оставила ей матушка Грэхэм, и решила, что испечет хлебцы и приготовит тушеные овощи. Матушка привезла ей мясной бульон, в котором она и потушит овощи. Взявшись за дело, Марти обнаружила, что опять забыла подбросить дров и огонь в печи погас.

— Проклятье! Неужели я никогда этому не научусь? — в сердцах воскликнула она, разводя огонь. Крепко прижимая к себе куклу, Мисси внимательно наблюдала за происходящим.

— П'оклятье, — донесся до ушей Марти лепет ребенка, и она невольно смутилась. Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Когда вода в кастрюле закипела, снаружи послышался шум повозки. Кларк распряг лошадей поближе к дому, чтобы было удобнее выгрузить покупки, и повел животных на конюшню. Марти тем временем занималась ужином. На этот раз, спасибо матушке Грэхэм, хлебцы имели куда более обнадеживающий вид. Когда Кларк вернулся со скотного двора, Марти заметила, что он выглядит усталым. Он нежно обнял Мисси и сел за стол, ссутулившись больше обычного. «Неужели поездка за покупками такое трудное дело для мужчины? Или я составила слишком длинный список, и ему пришлось потратить все деньги?» — размышляла Марти, сидя за столом. Но, судя по всему, дело было не в этом, и она занялась тарелкой Мисси, остужая для девочки овощи.

— Боюсь, если занести в дом все, что ты заказала, от порядка, который ты навела, ничего не останется, — прервал ее раздумья Кларк.

— Ничего страшного, — ответила Марти. — Мы быстро разложим все по местам.

— Часть покупок можно убрать наверх, на чердак над кухней, — продолжал Кларк. — Снаружи дома есть лестница, которая ведет туда. Марти вытаращила глаза.

— Я и не знала, что есть чердак, — сказала она.

— Сейчас он пустой, мы им почти не пользуемся, только для запасов муки и соли на зиму. Я поставлю кое-что прямо туда, чтобы не загромождать кухню. Но остальное придется занести в дом, а ты уж разложи на свое усмотрение. Где мне оставить покупки: на кухне или на веранде? Марти подумала, что лучше бы он принес их на кухню, хотя, если положить все на веранде, в доме будет меньше беспорядка. Марти склонилась в пользу веранды, и они постарались поскорее покончить с едой, чтобы приступить к делу. Когда они поужинали, Кларк достал из

кармана кулек конфет и протянул его Мисси. Потом он угостил Марти и убрал пакет в буфет. Мисси стала с наслаждением сосать конфету, выражая свое удовольствие громким причмокиванием. Марти помыла тарелки, а Кларк, как они договорились, занес покупки на веранду. Когда все горшки и банки были наполнены, от вида продуктового изобилия у Марти едва не закружилась голова. Она слышала, как Кларк таскает тяжелые мешки, вновь и вновь поднимаясь по лестнице на чердак. Наконец, все было закончено. Кухонные шкафы ломались от припасов. У них с Клемом никогда не было такого количества продуктов. Даже если бы они собрали вместе все, что покупали на Рождество, пикники и дни рождения. Она вздохнула и вытерла набежавшие слезы. Марти укладывала Мисси, размышляя, придет ли Кларк послушать молитву дочки перед сном, как он обычно делал, и в эту минуту услышала, что он с трудом тащит что-то тяжелое. Любопытство заставило ее выйти на кухню и посмотреть, в чем дело. Кларк с молотком в руке стоял рядом с большим ящиком. Марти молча остановилась в дверях, наблюдая за тем, как Кларк извлекает содержимое ящика. У нее перехватило дыхание, когда ее глазам предсталла самая великолепная из когда-либо виданных ею швейных машин. Не глядя на Марти, Кларк заговорил. Его голос звучал устало, а плечи ссутулились еще больше.

— Я заказал ее несколько месяцев назад для Эллен. Она так любила шить, творила настоящие чудеса. Это был мой подарок к ее дню рождения. Завтра ей исполнился бы двадцать один год. — Кларк поднял глаза. — Теперь машина твоя. Буду рад, если она тебе пригодится. Я поставлю ее у тебя в комнате под окном, если не возражаешь. В горле у Марти застрял комок. Он хочет подарить ей эту потрясающую вещь. Она всегда мечтала иметь собственную швейную машину, но не смела и надеяться на такую роскошь. Она не знала, что сказать, но чувствовала, что должна как-то отреагировать.

— Спасибо, — наконец пробормотала она. — Большое спасибо. Это... это очень хорошая машина. Только тогда она заметила, что стоящий перед ней высокий мужчина с трудом сдерживается. Его губы дрожали, и она готова была поклясться, что, когда Кларк отвернулся, в глазах у него стояли слезы. Слегка задев его, Марти выбежала в ночную прохладу. Ей нужно было во всем разобраться. Он заказал эту машину для своей Эллен, и он тоскует по ней... «Наверное, ему тоже тяжело», — подумала она, и мысль о том, что он тоже страдает, поразила ее. Его опущенные плечи, дрожащие губы, слезы на глазах... «Он... должно быть, он понимает мои чувства». Почему-то до сих пор ей не приходило в голову, что и он несет груз тяжелой утраты. Из глаз Марти хлынули слезы. «О, Клем, — разрывалась ее душа. — Почему с людьми происходят такие ужасные вещи? Почему? Почему?» Марти понимала, что ответ получить нелегко. Кларк впервые упомянул о своей жене. До сих пор Марти даже не знала ее имени. Она была так поглощена собственными переживаниями, что не интересовалась бывшей хозяйкой этого дома и мамой Мисси. Теперь ее сознание пробудилось. Розовый куст у порога, веселые яркие шторы, с любовью сшитые нарядные платья Мисси, которые так быстро становились малы, красивые разноцветные половики... Все в доме говорило об этой женщине. Марти почувствовала себя самозванкой. Какой она была, эта Эллен? Выкипал ли у нее когда-нибудь кофе и пригорали ли хлебцы? Нет, Марти не сомневалась, что с ней подобного не случалось. Но она была такой молодой — всего двадцать один год — и ее уже нет. Правда, Марти еще моложе, ей девятнадцать, и все же Эллен умерла слишком рано. От чего она умерла? Неизвестно. Было так много того, чего Марти не знала, и все же кое-что для нее прояснилось. В этом доме жила женщина, которая любила свое жилище и сделала его по-настоящему уютным и теплым. Она холила и лелеяла маленькую дочь, и днем и ночью была рядом с мужем. Потом он потерял ее, и эта утрата причиняла ему нестерпимое страдание — такое же, какое испытывает она, потеряв Клема. До сих пор ей казалось, что с ней одной случилось страшное несчастье, но это было не так.

«Как плохо устроен мир», — подумала Марти, подняв глаза к небу. «Он отвратительный, злой и

жестокий», — громко сказала она, глядя вверх. С ясного неба на нее смотрели мерцающие звезды. «Он жестокий, — прошептала она, — но красивый». Она вспомнила слова матушки Грэхэм. «Время, — сказала та, — время лечит все. Время и Бог». Марти решила, что матушка имела в виду того же Бога, что и Кларк. «Если думать лишь о том, как пережить сегодняшний день, придет час, когда ты почувствуешь, что становится легче, и однажды, к своему удивлению, поймешь, что снова готова смеяться и любить», — так сказала матушка Грэхэм. Марти все это казалось почти недостижимым, хотя она верила, что матушка Грэхэм говорит правду.

Марти вернулась в дом. Вечер был холодный, и она сильно продрогла. Войдя на кухню, она не обнаружила там никаких следов швейной машины и ящика. На кухонном столе лежал большой сверток, упакованный в коричневую бумагу и перевязанный бечевкой. Кивнув на него, Кларк сказал:

— Не знаю точно, что там внутри. Я попросил миссис Макдональд в магазине подобрать то, что нужно женщине на зиму. Вот она и собрала все это. Надеюсь, что тебе подойдет. Марти глубоко вздохнула. Что он имеет в виду? Она не поняла его.

— Если хочешь, я положу это тебе на кровать, потом посмотришь, что там. Не дожидаясь ответа, который явно последовал бы нескоро, поскольку Марти буквально онемела, он отнес сверток к ней в комнату. Сделав это, Кларк собрался уходить.

— День был долгий, — негромко сказал он. — Думаю, мне пора. — И ушел. Марти дрожащими пальцами зажгла лампу и принялась торопливо развязывать бечевку. Вспомнив о ножницах в корзинке для рукоделия, она схватила их, чтобы дело шло быстрее. Марти сгорала от нетерпения, и, когда оберточная бумага наконец упала на пол, то, что предстало ее глазам, явилось для нее полнейшей неожиданностью. Там были ткани для нижнего и ночного белья и отрезки для трех платьев. Среди них кусок великолепной, теплой и мягкой серо-голубой материи. Марти сразу представила себе сшитое из нее нарядное платье, в котором можно будет пойти в гости. Разбирая покупки, она обнаружила выкройку для капора и два подходящих лоскута: один полегче, другой поплотнее — для более холодной погоды. Кроме того, там было кружево для отделки, длинные теплые чулки, пара высоких теплых башмаков на зиму, шаль для прохладных вечеров, а в самом низу лежало длинное пальто. Ни у кого на всем Западе не было такой великолепной одежды, решила она. Лицо у нее горело, а руки дрожали. Но, сделав над собой титаническое усилие, Марти остановилась.

— Дурочка, — пробормотала она. — Ты не можешь это принять. Неужели ты не понимаешь, что если возьмешь вещи, то на всю жизнь будешь в долгу у этого человека? Марти стало обидно до слез. Ей так понравились чудесные ткани и так хотелось, чтобы они принадлежали ей, но она не могла их принять. Как же ей поступить? Она не может пойти на такое унижение и чувствовать себя обязанной. Она не желает быть побирушкой. Слезы обожгли ей щеки. Что же ей делать? Как быть? «Мы не все можем себе позволить, но на ногах стоим довольно крепко», — снова вспомнилось ей. Может быть, Кларку неловко видеть ее заношенные платья? Что ж, вполне вероятно. И она снова высоко подняла голову. Ладно, решила Марти, она возьмет все эти вещи. Она не желает, чтобы кто-либо стеснялся ее вида. Она сошьет себе платья на зависть всем соседкам. Кларку не будет стыдно за нее. Но то, что она теперь знала или думала, что знает, мешало ей в полной мере ощутить радостное предвкушение от новых нарядов.

Тем временем Кларк в своей пристройке вытянул под одеялом уставшие за день ноги. День

выдался нелегкий, наполненный тяжелыми воспоминаниями. Когда в доме была Эллен, он так любил привозить припасы на зиму и покупки! Эллен всегда устраивала вокруг них веселую суматоху. Будь Эллен здесь, она бы обязательно вовлекла в эту радостно-возбужденную суету и Мисси. Конечно, Марти, которая всего пять дней назад овдовела, ни в чем не виновата. Трудно в таком состоянии радоваться муке или соли. Ей, должно быть, очень больно, страшно больно. Кларку так хотелось помочь ей, но как? Его собственное страдание до сих пор было слишком сильным. Для того чтобы справиться с таким горем, нужно время, а времени прошло совсем мало. С тех пор как он потерял Эллен, мысль о другой женщине ни разу не приходила ему в голову. Если бы не дочка, вряд ли в этом доме появилась бы Марти; но Мисси нужны женские руки, и Кларк в первую очередь думал о дочери, а не о себе. Увидев, как Марти моет шкафчики Эллен, готовит на ее плите, в первую минуту он почувствовал раздражение, но тут же понял, что это несправедливо. В конце концов, он сам привел ее в дом. Он не мог осуждать Марти и старался понять ее горе. Он не хотел, чтобы Мисси росла в атмосфере печали и уныния. Он должен справиться со своими чувствами, а со временем, вероятно, это удастся и Марти. Его дом станет вполне подходящим для маленькой дочки, которую нужно воспитывать и учить. «Конечно, Марти труднее, — думал он, — ведь она совсем одна. У нее нет ни Мисси, ни фермы — совсем ничего. Хорошо бы ей подошло то, что выбрала миссис Макдональд. Без теплой одежды зимой не обойтись». Кларку и в голову не приходило, что, купив для Марти необходимое, он сделал нечто особенное. Он просто заботился о той, которая живет в его доме. С раннего детства, с тех пор, когда Кларк был маленьким мальчиком, не поспевающим за широким шагом отца, его приучали к мысли о том, что мужчина в ответе за свой дом.

Глава девятая

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Воскресное утро выдалось ясным и теплым. Благодаря редким облачкам голубое небо выглядело очень заманчиво. За завтраком Марти, боясь выдать тайные опасения, осторожно спросила Кларка, поедет ли он сегодня к соседу. Кларк посмотрел на нее с удивлением.

— Джедд еще не все закончил, — услышала она, — возможно, он сегодня и будет работать. Что до меня, то по воскресеньям я всегда отдыхаю. Конечно, когда нельзя пойти в церковь, это вроде и не воскресенье, но я стараюсь не забывать этот день. Теперь настала очередь Марти удивляться. Если бы она задумалась об этом раньше, то предвидела бы такое развитие событий, но поскольку желала лишь одного — чтобы Кларка не было дома, — это не пришло ей в голову.

— Да, конечно, — прошептала она, отводя глаза. — Я совсем забыла, какой сегодня день. Кларк оставил сказанное без комментариев. Через пару минут он произнес:

— Вообще-то я подумывал о том, чтобы взять Мисси, прихватить с собой еды и отправиться в лес. В этом году, наверное, последний теплый день выдался. Воздух совсем холодный, похоже, зима не заставит себя долго ждать. Побродим по лесу, полюбуемся на осенние листья. Ты не против?? Запинаясь, Марти пробормотала:

— Конечно нет. После завтрака я приготовлю вам с собой еду.

— Отлично! Таким образом, все уладилось. Кларк с малышкой будут наслаждаться прогулкой, а в ее распоряжении целый день. Это и радовало, и пугало одновременно. Если девочки не будет дома, как отвлечься от мрачных мыслей? Кларк вышел на веранду и вернулся со странной штуковиной в руках: что-то вроде короба, который носят на спине.

— Это для Мисси, — объяснил он, встретив вопросительный взгляд Марти. — Пришлось смастерить такую штуку, когда нужно было брать дочку с собой в поле и на скотный двор. Она даже спать научилась на ходу. — Кларк едва заметно улыбнулся. — К тому же Мисси хоть и маленькая, но довольно тяжелая. Надеюсь, сегодня это мне пригодится, если она устанет. Марти приготовила для прогулки куда больше еды, чем нужно, но решила, что свежий воздух раздразнит аппетит. Мисси была вне себя от возбуждения и, прощаясь с Марти, вновь и вновь радостно кричала ей «до свидания». У дверей к Мисси и Кларку присоединился Ол Боб, и Марти смотрела вслед небольшой компании, пока они не скрылись за скотным двором. Вернувшись в дом, чтобы убрать со стола и вымыть посуду, Марти вспомнила, что сегодня день рождения Эллен. Наверное, во время прогулки они зайдут и на ее могилу. Марти почти не сомневалась, что так оно и будет. Она быстро покончила с несложными утренними хлопотами и поспешила в спальню, где ее поджидали новые ткани и сияющая швейная машина. Может, она осквернит шитьем священный день отдохновения Кларка? Но даже если и так, Марти не могла больше терпеть. Она надеялась, что Бог Кларка не обидится на нее. Ей так нужна была Его помощь! Стараясь не поддаваться мрачным раздумьям, Марти всецело сосредоточилась на работе. И все же временами у нее перехватывало дыхание от внезапных мыслей: «Интересно, если бы Клем увидел меня сейчас, он бы гордился мною?» или «Это любимый цвет Клема». Некоторое время спустя она прошептала:

— Клем всегда посмеивался над тем, что он называл «женскими причудами». Марти невольно улыбнулась, но сразу почувствовала, что к горлу поднимается комок. Похоже, этого не избежать. Клем все время был рядом, не давая ей покоя, а мысль о том, что его больше нет, по-прежнему причиняла ей страдание. И все же Марти упорно не поддавалась искушению броситься на кровать и разрыдаться. Стиснув зубы, она продолжала работать. Марти отложила шитье лишь после полудня. Она не прерывалась даже для того, чтобы перекусить. Работа продвигалась так споро, что ей просто не хотелось есть. Машина была настоящим чудом и шила с головокружительной быстротой. Однако, в конце концов, Марти решила, что пора дать отдых глазам, уставшим напряженно вглядываться в лапку швейной машинки. Ноги тоже устали непрерывно качать педаль привода. Она вышла во двор и потянулась. Стоял великолепный осенний день, и Марти почти позавидовала Кларку и Мисси, которые гуляли по хрустящим листьям. Она медленно прошла по двору. На розовом кусте остался один-единственный цветок. Без сомнения, он был далеко не так хорош, как прежние, и все же прекрасен, лишь потому, что сохранился до этой поры. Марти двинулась дальше и вышла в огород. Почти все овощи уже были убраны. Оставались самые последние. За огородом виднелась яма, в которую Марти закопала хлебцы. Ол Боб разрыл ее снова. По-видимому, он считал своим долгом извлекать подгоревшее тесто из-под земли вновь и вновь. Несколько грязных твердых комьев до сих пор лежали рядом — с ними не справились даже зубы Ол Боба. Но теперь это тревожило ее куда меньше, и Марти поддала один из комьев своим потрепанным башмаком. Забавно, как быстро все меняется.

Она пошла дальше, наслаждаясь чудесным днем. Фруктовые деревья, про которые рассказывал Кларк, выглядели сильными и здоровыми. Хорошо иметь собственные яблоки. Кларк предполагал, что они могут появиться уже на следующий год. Марти остановилась рядом с одним из саженцев, не зная точно, яблоня ли это, но на всякий случай попросила деревце постараться как следует. Потом она вспомнила, что ко времени появления яблок будет уже далеко на Востоке. Она не стала рассказывать об этом яблоньке, боясь, что та расстроится и передумает плодоносить. Марти повернулась и вышла из сада, теперь уже не беспокоясь за него. Она спустилась к реке по тропинке за коптильней. Там обнаружилась каменная площадка, вдающаяся в небольшую бухту. Из скалистой стены бил холодный ключ, воды которого, бурля, вливались в реку. Здесь в ледяной воде охлаждались в жаркие летние дни

горшки с маслом и сливками. Кларк не рассказывал ей об этом, поскольку в прохладную погоду ключом не пользовались. Марти задержалась на минуту, наблюдая, как журчащая вода струится над отполированными камешками. Удаляясь от реки, она подумала о том, какое завораживающее зрелище — бегущая вода и как чудесно отдыхать здесь в знойный летний день. Но к лету, скорее всего, ее здесь уже не будет. Марти подошла к загону для скота и приблизилась к изгороди, чтобы погладить Дэна (а может, Чарли) по сильной шее. В тени высоких тополей, безмятежно пережевывая жвачку, лежали коровы, а их телята набирали вес, поедая сочную луговую травку на выгоне. «Неплохое хозяйство, — подумала Марти. — Именно о таком мечтали мы с Клемом». Слегка тряхнув головой, она повернула к дому по тропинке, идущей мимо курятника. Внезапно ей ужасно захотелось жареного цыпленка. Она подумала, как давно не ела подобной пищи, и вспомнила дом и ароматы маминой кухни. На свете нет ничего вкуснее! Марти много раз видела, как готовится курица, наблюдая процесс с первой до последней минуты. Но матери никогда не приходилось резать кур самой. Марти тоже не делала этого раньше, однако не сомневалась, что как-нибудь справится. Она подошла поближе к курятнику, разглядывая кудахчущих и суеющихся птиц, присматривая подходящую. Марти не знала, с чего начать: поймать курицу, а потом взять топор, или сходить на веранду за топором и принести его в курятник. В конце концов, она решила, что сначала поймает курицу, поскольку поняла, что, кроме топора, понадобится колода. Марти вошла в курятник и выбрала жертву — молодого нахального петушка, из которого выйдет отличное жаркое.

— Иди ко мне, иди же, — уговаривала она его, вытянув руку, но быстро сообразила, что петух не идет на зов, как собака. По правде сказать, у этих домашних птиц не было ничего общего с собаками. Они хлопали крыльями, кудахтали, копались в земле и вихрем бросались прочь, как только она к ним приближалась. Марти поняла, что, если желает приготовить на ужин жареную курицу, необходимо бросить на поимку все силы. Не помня себя, она погналась за курицей, пытаясь схватить ее за лапу, и в результате по уши перемазалась в грязи и перьях. Куры продолжали вертеться вокруг. Марти отказалась от мысли изловить нахального резвого петушка и уже была согласна на любую курицу, которую сможет поймать. Наконец, после долгой погони и попыток схватить добычу, когда платье было перепачкано землей, волосы растрепались, а терпение почти лопнуло, ей удалось ухватить пару куриных лап. Птица оказалась тяжелее, чем Марти ожидала, и ей пришлось держать пленницу изо всех сил, чтобы та не вырвалась, поскольку в планы курицы явно не входило превратиться в чей-то ужин. Но Марти не сдавалась и вцепилась мертвой хваткой. Она уже почти выволокла птицу из курятника, когда решила посмотреть, кого же поймала. И сразу поняла, что держит самого хозяина курятника, патриарха куриной стаи собственной персоной. Ну и пусть. Из него получится отличное жаркое, к тому же наверняка ему не хочется мучиться еще одну зиму. Пыхтя от напряжения, Марти волочила петуха к колоде, страшно гордая тем, что справилась с трудной задачей.

Она уложила квохчущего, бьющего крыльями петуха на колоду, и, когда он стих, потянулась за топором. Петух вновь захлопал крыльями, и Марти пришлось отложить топор, чтобы удержать птицу. Эта сцена повторилась несколько раз. Марти подумала, что борьба идет на выносливость — кто не выдержит первым. Но она была не из тех, кто легко сдается.

— Ты, проклятая птица, лежи тихо, — прошипела она петуху, замахнувшись на него что было сил. С истошным кудахтаньем, хлопая крыльями, петух вырвался и убежал с громкими причитаниями, тяжело переваливаясь по двору. Марти посмотрела на колоду и с отвращением заметила на ней два маленьких кусочка петушиного клюва.

— Я тебе устрою! — пригрозила она, стряхивая обломки клюва на землю. Полная решимости не сдаваться, она вновь направилась к курятнику, тогда как петух с обломанным клювом

продолжал, хлопая крыльями, бегать по ферме, выражая свое глубочайшее возмущение низостью окружающего мира. Марти решительным шагом двинулась к курятнику и повторила попытку. После довольно продолжительного преследования, вдоволь наглотавшись пыли, она, в конце концов, добилась своего. На сей раз жертва оказалась более подходящего размера, и Марти понесла ее к месту заклания. И все началось сначала. Она укладывала петушка на колоду, бралась за топор, отшвыривала топор и вновь укладывала птицу, и так снова и снова. Наконец, ее осенило, и, взяв петушка с собой, она направилась в дом. Зайдя в спальню, Марти достала из комода аккуратный моток бечевки. Птицу она тем временем зажимала под мышкой. Присев на колоду под навесом для дров, Марти положила петушка на колени и крепко стянула ему лапы. Затем вынесла его во двор и привязала другой конец бечевки к небольшому деревцу, а еще один кусок веревки накинула птице на шею, закрепив его на втором деревце. Потом принесла из-под навеса колоду и поставила ее так, чтобы вытянутая петушиная шея приходилась как раз над ней.

— Вот так-то, — удовлетворенно промолвила она, и, тщательно прицелившись, закрыла глаза и нанесла удар. Удар пришелся в цель, но Марти была совершенно обескуражена тем, что произошло дальше. Неистово бьющая крыльями обезглавленная птица с ног до головы залила ее брызжущей кровью.

— Перестань! Прекрати немедленно! — закричала она. — Ведь ты уже умер, глупая безголовая тварь! Она нанесла еще один удар топором, лишив петуха крыла. Птица продолжала биться, и Марти отступила под навес, пытаясь спрятать лицо. Наконец петух затих, лишь время от времени по его телу пробегала дрожь. Марти убрала руки с лица.

— Проклятая птица, — гневно сказала она и призадумалась, хватит ли у нее духу подобрать петуха. Она взглянула на свое грязное, перепачканное пятнами крови платье. Надо же так перемазаться, и все ради курятины на ужин! На скотном дворе пытался кукарекать негодующий петух с обломанным клювом, а Марти подобрала с земли жалкую смесь из крови и перьев и пошла в дом. Сначала нужно было ошипать перья, а потом, что еще отвратительнее, выпотрошить внутренности. Так или иначе, она сделала все, что требовалось, затем вымыла тушку в чистой колодезной воде, добавила приправы и положила на сковородку с аппетитно шипящим маслом. До возвращения Кларка и Мисси ей хотелось успеть привести себя в порядок. Она решила, что проще всего принять ванну, поэтому притащила к себе в комнату лохань и налила в нее теплой воды. Вымывшись, она положила насквозь перепачканное платье в воду, оставшуюся после мытья. С платьем она разберется завтра. Марти вынесла лохань во двор и поставила ее на стол для стирки за домом. Освежившись и придя в себя после купания, Марти вновь занялась ужином. Когда Кларк и Мисси, усталые, но довольные проведенным вдвоем днем, вернулись домой, их встретил запах жареной курицы. Лицо Кларка не выразило и тени удивления, и когда Марти позвала ужинать, они обменялись лишь обычными повседневными замечаниями. На самом деле во время еды Кларк с трудом скрывал изумление и едва сдерживался, чтобы не спросить Марти, не помогал ли ей кто-нибудь, поскольку он не сомневался, что в одиночку она бы не справилась с такой трудной задачей, как приготовление на ужин курицы. Но Кларк решил воздержаться от расспросов. Идя после ужина в загон для скота, он увидел перепачканное платье в пятнах крови, отмокающее в воде, и беспорядок под навесом для дров. Колода до сих пор лежала там, где ее оставила Марти, хотя куриную голову успел подобрать Ол Боб. На деревьях болтались обрывки бечевки. Проходя мимо курятника, он заметил следы крупного переполоха. Было такое ощущение, что там произошла настоящая битва: повсюду валялись перья, а кормушки и поилки лежали опрокинутыми. Но апогеем всего этого был старый петух, который взгромоздился на изгородь загона и возмущенно и громко кудахтал, демонстрируя нелепый короткий клюв.

— Ну и ну! — пробормотал Кларк, потрясенно качая головой. При виде старого петуха он

невольно улыбнулся. Завтра он им займется. А сегодня спасибо Марти за жареную курицу на ужин.

Глава десятая

ЗАБОЙ СВИНЕЙ

Думая о наступающей неделе, Марти, стараясь не падать духом, всем сердцем надеялась, что у нее не будет недостатка в работе. В понедельник утром Кларк вошел в дом, держа в руках старого петуха, обезглавленного и ощипанного. Он посоветовал Марти сварить патриарха куриного семейства и не пытаться приготовить из него жаркое. Марти охотно последовала его совету. Вычистив птицу и поставив ее вариться в самом большом из имеющихся в доме горшков, Марти отобрала всю одежду, которая, по ее мнению, нуждалась в стирке, и принялась за работу. От стиральной доски у нее разболелась спина, и остаток дня она с радостью посвятила шитью. Марти удивлялась, как легко она ладит с Мисси. Малышка была всецело поглощена большой деревянной ложкой, которой помешивала в миске, готовя воображаемую еду для куклы. Марта решила, что, как только у нее появится свободное время, она сошьет для куклы новую одежду. Остаток недели был напряженным. Вместе с Кларком она отправилась к Бену Грэхэму на забой свиней. Кроме них, там был Тодд Стерн и его почти взрослый сын Джейсон. Марти узнала в них тех добрых соседей, которые принесли тело Клема и помогли похоронить его. Она вновь ощутила нестерпимую боль, но изо всех сил старалась не поддаваться ей. Марти была рада возможности побыть с матушкой Грэхэм, чувствуя, как много сил, мудрости и добрых советов может дать ей эта женщина.

Работая, Марти не могла не обратить внимания на то, как переглядывался молодой Джейсон с дочерью матушки, Салли Энн. Похоже, здесь кое-что назревало. Однако долго раздумывать об этом было некогда, поскольку разделка туш и приготовление мяса недаром считалось нелегкой работой. После того как мужчины забивали животных, свеживали и расчленяли туши, наступала очередь женщин, которым приходилось не отставать от мужчин. Самым трудным делом для Марти (и для ее желудка) стало опорожнение кишок и подготовка их для приготовления колбас. На Марти накатывали приступы тошноты, и несколько раз она с трудом сдержалась. Когда кишки, наконец-то, были обработаны, Марти побежала в уборную и оставила там все, что съела за обедом. После этого она почувствовала себя гораздо лучше и вернулась к работе.

Мужчины занялись рассолом для приготовления грудинки и окороков и подготовкой коптильни. Женщины мололи и приправляли мясо, а потом приступили к медленной и скучной работе — набивке кишок и перевязыванию готовых колбас. Делу помогало то, что можно было поболтать, и все равно это занятие казалось очень утомительным. На второй и на третий день вместе с мужчинами приезжала Хильди Стерн, и лишняя пара женских рук пришлась как нельзя кстати. Свиное сало нужно было порубить, часть оставить для готовки и жарки, а остальное пустить на приготовление мыла. Под вечер все работники падали с ног от усталости. Марта заметила, что матушка старается дать ей занятие полегче, однако не желала мириться с этим, стараясь трудиться в полную силу.

К концу третьего дня мясо было поделено, а утварь помыта и убрана до следующей осени. Салли Энн подала всем кофе. Стоило подкрепиться перед вечерней работой, которая ожидала дома. Марти заметила взгляд Джейсона, брошенный на Салли, и увидела, как покраснела девушка. Марти подумала, что Джейсона можно понять. Салли Энн, прелестное создание

семнадцать лет, была столь же мила, сколь хороша собой. Под стать ли Джейсон ей? Марти хотелось верить, что это так. Пока что она знала о юноше только хорошее. Джейсон выглядел крепким и работал все эти дни наравне с остальными мужчинами. Он был неплохо воспитан. Да, по ее мнению, он вполне подходящий парень. Наверняка это так и есть, судя по тому, каким влюбленным взглядом смотрит на него Салли Энн.

Марти вспомнилось, как она познакомилась с Клемом. Когда он смотрел на нее, она даже спиной ощущала его взгляд, а щеки немедленно заливались краской радостного волнения. Она сразу поняла, что любит его, и, по-видимому, то же самое почувствовал и он. Достаточно было его присутствия, чтобы в душе начинали вспыхивать фейерверки. Марти не могла дожидаться встречи, но едва выносила, когда он, наконец, оказывался рядом. Ей казалось, что еще немного — и она взорвется, не выдержав напряжения чувств. Исступленная и сладостная, одновременно сдержанная и мучительная, обжигающая волнением и желанием — вот какой была их любовь.

Кларк извинился и встал из-за стола. Вслед за ним поднялась и Марти. Она поблагодарила матушку Грэхэм и попрощалась с ней, покосившись на горшки со свиным салом, которые предстояло взять домой для приготовления мыла.

— Думаю, нам обеим незачем разводить канитель с варкой мыла, — сказала матушка. — Ты, Марти, можешь оставить эти горшки здесь и приехать ко мне, скажем, завтра. Вдвоем мы быстро справимся. «Дай вам Бог здоровья, матушка Грэхэм, — воскликнула про себя Марти. — Конечно же, вы отлично понимаете, что вряд ли я буду на высоте, пытаюсь впервые самостоятельно сделать мыло». Она вопросительно взглянула на Кларка.

— По-моему, неплохая идея, — отозвался он.

— Спасибо, матушка, — от души сказала Марти. — Я постараюсь приехать пораньше. Простое «спасибо» едва ли могло по-настоящему выразить ее чувства.

Глава одиннадцатая

РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ

Марти сдержала слово и постаралась закончить все утренние дела побыстрее, чтобы матушке не пришлось работать за нее. Когда Марти направилась за пальто и шапочкой для Мисси, она услышала голос Кларка.

— У меня сегодня ничего срочного. Буду замазывать щели на кухне. Ты вполне можешь оставить Мисси со мной. Тебе без нее будет полегче, а малышка не станет путаться у вас под ногами рядом с горячими горшками. Марти благодарно кивнула и поспешила к упряжке, которую уже подготовил Кларк.

День выдался прохладный. Воздух был холодным почти по-зимнему. Может быть, уже начинается зима? Марти не радовали предстоящие бесконечные зимние дни и еще более долгие вечера.

Приготовление мыла оказалось напряженной работой, требующей расторопности, и Марти

обрадовалась, когда они, наконец, закончили. Полученная смесь была разлита в формы, оставалось лишь остудить ее да нарезать на куски. Обе женщины с удовольствием сели выпить по чашке кофе и съесть по куску испеченной матушкой кукурузной лепешки. Но в доме Грэхэм невозможно было побеседовать спокойно. Одиннадцать детей, которые заполняли собой каждый уголок тесного дома, не оставляли никакой надежды на уединение. Однако матушка была невозмутима и говорила, не обращая внимания на суету вокруг. Она рассказала Марти, что ее первый муж, Торнтон Перкинс, был владельцем небольшого магазина в городе. Когда Торнтон, еще совсем молодой, умер, она осталась с тремя маленькими детьми на руках и собственным бизнесом. Бен Грэхэм владел неплохим участком земли, и без женщины ему было не обойтись, поэтому его появление стало для нее настоящим Божьим благословением, несмотря на то что у Бена четверо собственных малышей. Они поженились — молодая вдова с тремя детьми и вдовец с четырьмя. В браке родились еще шестеро детей. Один из них умер в младенчестве, а еще одного малыша потеряли семилетним. Это был ребенок матушки, но Бен очень тяжело переживал его смерть. Теперь у них одиннадцать детей, каждый из которых представлял собой нечто особенное. Салли Энн и Лауре исполнилось по семнадцать, между ними два месяца разницы, старшей была дочь Бена, Лаура. Следующим шел сын Бена, Томас, за ним — дочь матушки, Нелли. Дальше — Бен, сын матушки, которая считала, что этот мальчик пользуется особой любовью ее мужа за то, что оба носят одно имя. За Беном шли близнецы Бена, Лем и Клод. Их назвали в честь дедушек. Младших Марти пока не запомнила по именам. Она знала, что среди них есть Фейс и Клинт, а самого маленького, кажется, зовут Лу. Марти обратила внимание прежде всего на старших девочек. Салли Энн — одно из самых прелестных юных созданий, каких встречала Марти, при этом Салли души не чаяла в своей сводной сестре Лауре. Способная и сообразительная Лаура была не так хороша собой, и, судя по всему, понимала это, поскольку старалась во всем превзойти Салли Энн. «Зачем она это делает? — озадаченно думала Марти. — Неужели она не видит, что Салли Энн просто боготворит ее? У нее нет причин так вести себя с сестрой». Понаблюдав за девочками повнимательнее, она решила, что, возможно, Лаура делает это бессознательно, в глубине души чувствуя себя хуже красавицы-сестры. «Она не должна так думать, — рассуждала Марти. — Ей нужно понять, что у нее много других достоинств и она по-своему не менее привлекательна». Марти знала, что пока ничего не может поделать, но решила, что будет с Лаурой как можно приветливее, чтобы помочь девочке изменить отношение к самой себе. Приближался вечер, и Марти пора было отправляться в путь. Она искренне поблагодарила матушку за помощь. Теперь она твердо знала, что в следующий раз справится с варкой мыла сама. Марти сказала матушке, что была бы очень рада видеть ее у себя, пока снегопады не заставили всех сидеть по домам. Матушка обещала, что постарается найти время и выбраться к ней, и сердечно обняла Марти на прощание.

Когда Марти приехала домой, Кларку пора было заняться лошадьми, и он, усадив Мисси в повозку, отправился вместе с дочкой в короткое путешествие на скотный двор. Войдя в кухню, Марти увидела вместо старой раскрошившейся замазки новую, которая, подсыхая, быстро становилась белой и нарядной. Больше не придется подметать крошки у стен. Марти переживала из-за своей оплошности и теперь обрадовалась, что все в порядке, с благодарностью отметив, как аккуратно прибрал за собой Кларк после работы.

Занимаясь ужином, Марти почувствовала, что очень устала и ужасно хочет спать. Но завтра суббота, поэтому сначала придется составить список покупок для Кларка, который собирался уехать в город пораньше.

ШИТЬЕ

На следующий день Кларк действительно уехал в город очень рано, и, когда фургон скрылся из виду, Марти вздохнула с облегчением. Кларк по-прежнему был для нее чужим человеком, и по возможности она избегала его. Но хотя Марти и не отдавала себе в этом отчета, ее предубеждение постепенно исчезало, поскольку в глубине души она понимала, что злиться на Кларка напрасно. Они оба были жертвами обстоятельств, волею судьбы вынужденными жить под одной крышей. Тем не менее Марти продолжала чувствовать себя свободнее в отсутствие Кларка и была рада, если он отлучался по делам. В этот раз список покупок выглядел не таким длинным, как неделю назад, но Кларк попросил ее посмотреть одежду Мисси, чтобы решить, что нужно девочке к зиме. Марти прилежно выполнила просьбу и добавила к списку несколько пунктов. После этого Кларк поставил Мисси на стул и обвел на листе бумаги ее маленькую ножку, чтобы купить для подрастающей дочки башмаки. Марти занималась обычными утренними делами. Усталость после вчерашней варки мыла ощущалась до сих пор. Наверное, она так утомилась потому, что слишком много переживала, занимаясь нелегкой работой по дому и шитьем. Вымыв тарелки, она чувствовала себя совершенно обессиленной. К тому же у нее кружилась голова. Ради маленького, которого Марти носит в себе, она должна экономить силы и не изнурять себя тяжким трудом. Клема не стало. Теперь больше чем когда-либо она ждала его ребенка.

Марти решила, что сегодня не станет чересчур напрягаться. Она привела в порядок дом, прибрала и подмела в комнатах. В спальне уже стало довольно тесно. Там стояли взрослая и детская кровати, два комода, дорожный сундук Марти, корзина для рукоделия и новая швейная машина. Нет, ей все это не мешает, хотя машину было бы удобнее поставить в гостиной. Но она полагала, что Кларку будет слишком больно видеть ее постоянно. Лучше избавить его от горьких воспоминаний, думала Марти, с нежностью поглаживая полированное дерево и блестящий металл.

— Сегодня, Мисси, я закончу с шитьем, — сказала она девочке. — Понимаешь, мне нужно доделать свою работу. Марти стала с удовольствием разглядывать уже сшитые вещи. Здесь были два новеньких капора: один летний, из ткани полегче, а другой теплый, из плотной материи, для холодной погоды. Готово и нижнее белье, отделанное кружевом. Раньше у нее никогда не было столь изящного белья. Все вещи такие новые, что жалко надевать их, лишая первозданной свежести. В ящике комода лежали две аккуратно сложенные ночные сорочки. Она украсила их сборками и шитьем, а одну отделала голубым кружевом. Были готовы и два платья. Они не слишком эффектные, но достаточно элегантны и хорошо сидят. Марти не сомневалась, что Кларк одобрит их. Рядом с комодом стояли новые туфли, черные и блестящие. Она еще ни разу не надевала их. Пока что будет ходить в старых и любоваться новыми. Восхитительные, совершенно новые пальто и шаль висели за дверью.

Марти вздохнула. Нетронутой осталась только серо-голубая ткань. Она оставила ее напоследок, чтобы сделать нечто особенное. Марти полюбовалась отрезом, держа его в руке, потом прижалась к нему щекой.

— Мисси, — сказала она вполголоса, — из этой ткани я сошью себе платье. Погоди, ты увидишь, каким оно будет. Оно будет потрясающим. А если останется немного ткани, я придумаю что-нибудь и для тебя. Внезапно это показалось Марти очень важным. Она всей душой хотела поделиться с кем-нибудь своей радостью, и Мисси, по ее мнению, вполне подходила на эту роль.

— Может, останется и на платье для куклы, — добавила Марти, увидев, как Мисси погладила материал и объявила:

— К'асиво. Марти принялась за работу. Мисси играла на коврике у кровати, а швейная машина ровно жужжала. Когда Мисси закапризничала, Марти была поражена, увидев, что на часах уже начало второго.

— Боже мой! — воскликнула она, подхватив девочку на руки. — Мисси, прости меня. Тебе давно пора обедать. Ты, наверное, страшно проголодалась. Сейчас я тебя покормлю. Они вместе поели, и Марти уложила Мисси спать. Девочка уснула под ровное стрекотание швейной машины. Постепенно платье начало обретать форму и, тщательно застрочив все складки и швы, Марти оценивающе взглянула на свою работу. У нее перехватило дыхание. Такого красивого платья она еще не носила. Марти сделала его немного свободней, чем нужно, чтобы надевать сейчас, а после рождения малыша можно убрать лишнее. Марти не устояла перед тем, чтобы примерить обнову, и от души полюбоваться собой. Неохотно сняв платье, она бережно повесила его рядом с другими, аккуратно расправив каждую складочку. Ей не терпелось взяться за шитье одежды для Мисси. Марти решила, что из остатков белой ткани сошьет ей блузку, которую можно носить навыпуск, а из серо-голубой шерсти получится сарафан, который девочка будет надевать вместе с блузкой. У Марти оставалось достаточно ткани, чтобы сшить точно такой же наряд и для маленькой потрепанной куколочки. Вскоре блузка была закончена, и Марти с величайшим старанием приступила к работе над крохотным сарафанчиком. Она усердно трудилась над каждой складочкой, тщательно стачивая каждый шов. Закончив, Марти украсила кокетку вышивкой.

Мисси, которая давно проснулась, каждые несколько минут требовала показать «к'асивое п'атье», поэтому Марти приходилось периодически прерываться, чтобы продемонстрировать девочке, что получается.

Внезапно Марти подскочила, услышав, как залаял Ол Боб, приветствуя Кларка.

— Проклятье! — воскликнула она, торопливо откладывая шитье в сторону и спеша на кухню. — Я совсем забыла про ужин. Печь была холодной. Марти целый день не подкладывала дров. Кларк сразу поставил упряжку у скотного двора: покупок немного и принести их в дом было не тяжело.

Марти металась по кухне. Она вспомнила один из секретов своей мамы. Если мужчины ждут ужина и при этом застают вас врасплох, надо быстренько накрыть на стол. Тогда они решат, что все в порядке и ужин поспеет вовремя. В страшной спешке Марти поставила на стол тарелки и столовые приборы, но сразу поняла, как это глупо. Кларка этим не Обманешь. Впереди у него около часа работы на скотном дворе, поэтому он не станет смотреть, накрыт стол или нет. Пожалуй, огонь в печи будет выглядеть более убедительно. Когда Кларк вошел на кухню, Марти разводила огонь, лихорадочно соображая, что можно приготовить на скорую руку.

Оставив грудку покупок, Кларк направился в загон для скота, а Марти вплотную занялась ужином. Когда Кларк вернулся, еда, хотя и довольно немудреная, стояла на столе. Марти не чувствовала себя виноватой. В конце концов, она же не прохлаждалась целый день неизвестно где. И все же она обещала себе, что такое больше не повторится. После того как посуда была вымыта, Кларк показал покупки для маленькой Мисси. Она была вне себя от восторга,

прижимала к себе новые башмачки, прыгала от радости при виде нового пальто и шапочки и бегала по кухне, размахивая новыми чулками. Увидев ткань, купленную ей на платье, она восхищенно ахнула, хотя Марти полагала, что малышка вряд ли понимает, что это такое. Мисси снова вспомнила про новые башмаки, натянула задом наперед новую шапочку и опять стала весело носиться по кухне, размахивая длинным чулком. Хорошо понимая ее чувства, Марти невольно улыбнулась.

Внезапно Мисси развернулась и устремилась в спальню, волоча за собой новые чулки. «Наверное, хочет положить их к себе в комод», — подумала Марти. Однако через секунду маленькие ножки притопали обратно. В руке Мисси держала новый сарафанчик, высоко подняв его над головой. Девочка подала новый наряд в руки папе, указав пальчиком на вышивку и громко заявив:

— К'асиво. Мое платье. К'асиво. Кларк бережно расправил сарафанчик большими, загрубевшими от работы руками. Он взглянул на Марти, и его глаза потеплели. С минуту он сидел молча, поглаживая маленькое платьице. Слегка запнувшись, он произнес:

— Да, Мисси, правда очень красиво. Марти почувствовала, что он не просто повторил слова дочки.

Кларк привез из города и кое-что еще. Для Мисси он купил книжку с картинками. Девочка никогда не видела такой дивной красоты и не расставалась с книжкой остаток вечера. Она осторожно переворачивала страницы и громко восклицала от восторга, обнаруживая знакомых ей коровок, свинок и белочек в столь невероятном месте. Кларк купил несколько книг и для себя, чтобы читать их зимними вечерами. Именно тогда Марти узнала, что он любит читать. Она вспомнила полку в гостиной, на которой стояло множество заманчивых на вид корешков. Наверняка среди них были любимые книги Эллен. Может быть, и Марти когда-нибудь зимой, если будет время, прочтет книжку-другую. Для нее Кларк тоже купил кое-что, помогающее скоротать долгие зимние месяцы. В большом пакете лежали вязальные спицы, шерсть и кусочки ткани для сборки лоскутных одеял. Кроме того, Кларк сказал, что у него собран целый мешок непряденой шерсти. Марти была ему очень благодарна. Она любила вязать и, хотя никогда раньше не шила лоскутных одеял, хотела попробовать себя и в этом. Мисси была так возбуждена, что не желала ложиться спать, но, удивив Марти своей твердостью, Кларк сказал дочке, что развлечений на сегодняшний вечер достаточно и все ее вещи никуда не денутся до завтра. После того как Марти выкупала девочку и уложила ее в кроватку, Кларк укрыл малышку одеяльцем и выслушал ее короткую молитву. Марти аккуратно сложила новые вещи и убрала купленный материал. «Этого мне хватит надолго», — подумала она с облегчением. Если у нее есть занятие, ощущение потери и одиночества не кажется таким острым. Марти убрала все на ночь в комод Мисси, собираясь завтра же приступить к шитью одежды для девочки. «О нет, — вдруг вспомнила она. — Завтра ведь опять воскресенье!» Вряд ли Кларк и Мисси будут бродить по лесу два воскресенья подряд, тем более что на улице здорово похолодало.

— Проклятье! — тихонько воскликнула она. Как же ей пережить этот ужасный, бесконечно долгий день? Может быть, одеться потеплее и самой отправиться в лес? Ладно, что толку думать об этом сейчас! Сарафанчик для Мисси был еще не совсем закончен, и, доделав его, Марти, усталая, легла в постель. Работать до изнеможения в последнее время вошло у нее в привычку.

ЭЛЛЕН

Воскресенье выдалось холодное, с пронизывающим западным ветром. После утреннего чтения и молитвы Марти не переставала ломать голову над словами Библии, которые прочел Кларк. «Господь — Пастырь мой», — говорилось в Псалмах. «Каким образом Господь может быть Пастырем?» — размышляла Марти. Постепенно она начала прислушиваться к тексту более внимательно и обнаружила, что иногда ей хочется задать Кларку вопрос или попросить его перечитать отрывок, чтобы обдумать и лучше понять текст. Но Марти не могла заставить себя обратиться к Кларку с вопросом или просьбой. Может ли Бог, о котором читает Кларк, утешать и поддерживать всех, а не только того, кто писал о Нем? Кларк сказал, что это написал человек по имени Давид.

Марти понимала, что знает о Боге очень мало, и порой ловила себя на мысли, что ей очень хочется узнать больше. В детстве никто не читал ей Библию. Марти смутно ощущала, что, может быть, она упустила что-то очень важное. Иногда Кларк немного комментировал отрывок из Священного Писания, рассказывая об авторе текста, о его нелегкой жизни и о том времени, в которое он писал. Марти понимала, что Кларк объясняет все это для нее, но не обижалась на него. Напротив, она была рада всему, что помогало ей понять прочитанное. Во время утренней молитвы Марти задумалась, осмелится ли она обратиться к Богу Кларка так же прямо и просто, как делал это он сам. Ей очень хотелось этого, но что-то мешало. Когда Кларк произнес «аминь», губы Марти беззвучно повторили сказанное. После того как Мисси тоже громко провозгласила «аминь», завтрак начался. «Что мы будем делать целый день?» — размышляла про себя Марти. Она понимала, что в это воскресенье не должна заниматься шитьем. Однажды она совершила такой грех, но больше не хочет гневить Бога, иначе Он, чего доброго, рассердится на нее. Марти так нужна Его помощь, что она не может рисковать. Голос Кларка прервал ее размышления.

— Вчера, возвращаясь из города, я заглянул к Грэхэмам, мне нужно было им кое-что завезти. Матушка пригласила нас пообедать сегодня у них. Кто знает, сколько еще погожих воскресений выдастся до зимы? Я сказал, что должен обсудить это с тобой. «Дай вам Бог здоровья, матушка, — возликовала Марти. — Как же я вам благодарна!» Вслух она сдержанно сказала:

— Я не возражаю. — И дело было улажено. Она быстро вымыла посуду и, пока Кларк запрягал лошадей, занялась собой и Мисси. На Мисси она надела новую белую блузку и сарафан, новые чулочки и маленькие черные башмачки. После этого тщательно расчесала кудряшки девочки, пока они не стали легкими и пушистыми. Малышка, которая вертелась и хлопала в ладоши от радостного возбуждения, была просто загляденье. Одев ребенка, Марти занялась собственным гардеробом. Она сняла с вешалки новое серо-голубое платье и приложила его к себе. «Ах, если бы меня видел сейчас Клем», — подумала она и не смогла заставить себя надеть обнову. Если Кларк не обратит внимания на платье, она расстроится, но если случайно в его глазах мелькнет восхищение, это будет еще больше. Ей не хотелось вызывать восторг ни у Кларка, ни у кого-либо другого. Слишком хорошо Марти помнит любящие глаза Клема. Уткнувшись в складки платья, она едва не расплакалась и повесила его на место. Затем выбрала платье попроще, темно-синее, с кружевной отделкой по воротнику и манжетам. Она решила, что такое вполне подойдет для воскресного обеда у соседей. Марти надела новое белье, длинные чулки и новые туфли и, наконец, платье. Капор она выбрала полегче и прихватила новую шаль. Пожалуй, для теплого пальто было еще недостаточно прохладно. Она тщательно расчесала свои волнистые волосы и решила сделать красивую прическу. В последнее время Марти совсем

не обращала внимания на то, как она выглядит... Сложить волосы и подколоть их шпильками было делом нескольких минут. Она оценивающе оглядела свое отражение в маленьком зеркале на стене. В этот момент раздался голос Кларка. Он спрашивал, готовы ли они. Мисси вихрем вылетела из комнаты навстречу отцу. Кларк сказал ей, что она похожа на настоящую маленькую леди и что он гордится своей дочкой. Следом за Мисси вышла Марти, стараясь не смотреть на Кларка. Она не желала прочесть в его глазах ничего, реального или воображаемого. Когда он помогал ей взобраться на сиденье фургона, Марти заметила, что Кларк сменил обычную рабочую одежду на воскресную и выглядел очень неплохо. По дороге к Грэхэмам внимание Марти было всецело поглощено малышкой Мисси и прекрасным, свежим осенним днем. Приехав, Марти помогла матушке Грэхэм и девочкам накрыть на стол. В отличие от первого визита, теперь от внимания Марти ничто не ускользало, и она отметила, как матушка отлично готовит, что было неудивительно, если вспомнить все те рецепты, которые она оставила Марти.

После обеда мужчины уселись на солнечной веранде поговорить о делах. Заставив Салли Энн покраснеть от смущения, появился юный Джейсон Стерн, и молодая пара отправилась на прогулку. Соблюдая правила приличия, Салли и Джейсон, даже отделившись от дома, все время были на виду. Матушка и Марти быстро вымыли посуду и устроились поболтать. Так приятно просто сидеть и беседовать с матушкой. Марти была совсем не против побездельничать. Обсудив обычные женские темы, Марти решила воспользоваться тем, что они остались наедине, поскольку мужчины вышли на улицу, а малыши уснули.

— Матушка, — набравшись смелости, попросила она, — не могли бы вы рассказать мне про Эллен? Мне кажется, я должна знать о ней хоть немного, как-никак я хозяйничаю в ее доме и воспитываю ее ребенка. Марти не упомянула при этом «ее мужа», и если матушка и обратила на это внимание, то виду не подала. Марти рассказала про швейную машину и про то, как при этом вел себя Кларк. Матушка вздохнула и на минуту задумалась, глядя перед собой. Когда она заговорила, ее голос слегка дрожал.

— Трудно об этом говорить, — сказала матушка. — Эллен была тоже молода и хороша собой. Потемнее и повыше, чем ты. Веселая, любила поболтать. Любила она, по-моему, всех и все. Кларка просто обожала, да и он считал, что она необыкновенная.

Матушка помолчала и глянула на Марти, чтобы посмотреть, как та реагирует на столь деликатную тему. Задумчиво кивнув, она продолжила свой рассказ.

— Ты бы видела их обоих, когда родилась Мисси! — Матушка покачала головой и тепло улыбнулась. — Я никогда не встречала людей, которые были так счастливы — чисто дети. Мисси принимала я. По правде сказать, я принимала почти все роды в округе, но, честное слово, ни разу не видела, чтобы новорожденного ждали с таким нетерпением, хотя кто же не радуется появлению маленького? Эллен быстро оправилась от родов, а в дочке просто души не чаяла, считала ее красавицей, да ведь Мисси и вправду хороша. Прошло несколько месяцев. У Кларка и Эллен все шло прекрасно. Кларк ведь труженик, а если у тебя есть ферма, что еще нужно? Ты получаешь все, если готов платить потом и болью в спине. Да, все было хорошо, пока однажды в конце августа Кларк не прискакал верхом к нам во двор. Он был просто сам не свой. Я сразу поняла: что-то случилось. «Матушка, — сказал он, — едем скорее к нам. Эллен очень плохо». Вот что он сказал. Я до сих пор слышу его голос. Я поехала с ним, наказав девочкам следить за домом, пока меня нет. Эллен от боли металась по постели, стараясь сдерживать стоны. Не хотела пугать Мисси. От боли кусала губы, пока не искусала их до крови. Я почти ничем не могла помочь, разве только остудить ей лицо. Доктора поблизости не было, и

нам оставалось лишь смотреть на ее мучения и сознавать, что мы ничего не можем сделать. Кларк метался между Эллен и Мисси, которая тоже требовала внимания. Сердце разрывалось смотреть на него. Прошла ночь, и часам к четырем утра Эллен перестала метаться. Я вздохнула с облегчением и с благодарностью помолилась, но это продолжалось недолго. У нее начался жар. Она вся просто горела и не замечала ничего вокруг. Я снова и снова остужала ее холодным полотенцем, но это не помогало.

Матушка немного помолчала, потом вздохнула-

— В тот вечер ее не стало, и Кларк... Она вновь замолчала, затем смахнула слезу и встала.

— Но теперь все это в прошлом, детка, что уж вспоминать. Теперь есть кому позаботиться о Мисси, а это так важно для Кларка! Уж очень тяжело ему приходилось работать под осень на ферме, повсюду таская дочку с собой. Я предлагала ему оставить малышку у нас, но, мне кажется, Кларку было важно, чтобы девочка чувствовала себя любимицей и не забывала, что она его дочь, а ведь у меня своих целый выводок. Кроме того, Кларк не хотел быть никому обязанным. В городе живет бездетная пара, которая с радостью взяла бы девочку к себе, но Кларк об этом и слышать не хотел. Сказал, что его дочке нужен отец, да, так и сказал. Но, видно, Господь услышал его молитвы, и теперь у Мисси есть ты. Ведь ты неплохая мама, смотри, в какое платье ее придела, рукодельница! Она погладила руку Марти.

— Ты молодец, Марти. Просто умница. Марти слушала матушку, не проронив ни слова. Она внимала ей всем сердцем. Рассказ о беде Кларка разбередил ее свежие раны. Ей хотелось плакать, но она сидела с сухими глазами, по-иному увидев свое и чужое горе. Смерть Клема была для нее страшным ударом, но ей не пришлось сидеть подле него и смотреть на его страдания, не пришлось терзаться из-за того, что ничем не может помочь. Она подумала, что, возможно, ее горе было чуть менее страшным. «Ах, Клем, — подумала она, — слава Богу, что тебе не пришлось так страдать». Матушка поднялась, удивляясь, как быстро пролетело время, следом за ней встала и Марти. Настал час подавать кофе.

Глава четырнадцатая

МИССИ

Наутро за завтраком Кларк сообщил Марти, что в четверг Мисси исполняется два года. Марти разволновалась. Она не представляла, как отпраздновала бы это событие Эллен. Ей не хотелось подводить Кларка, но откуда ей знать, как в его семье принято отмечать дни рождения? Марти размышляла об этом до конца завтрака. Кларк почувствовал ее состояние и спросил:

— Тебя что-то беспокоит?

— Нет, — солгала Марти и продолжала молчать, но тут же поняла, что так она ничего не решит. Уж если они живут под одной крышей, придется говорить обо всем прямо и откровенно. И Марти выпалила: — На самом деле я ума не приложу, как ты собираешься отмечать день рождения Мисси. Ты хочешь пригласить гостей? Устроить вечеринку или что-нибудь в этом роде? — Она пожала плечами. — Я не знаю.

— Понимаю, — сказал Кларк, и Марти почувствовала, что он действительно понимает ее. Он встал и налил кофе им обоим. «Проклятье, — разозлилась на себя Марти, — опять я задумалась и не заметила пустую чашку». Однако Кларка это, по-видимому, не волновало. Он сел на место, добавил в кофе сливок и подвинул к себе чашку, словно готовясь к долгой беседе. В этот

момент Мисси заерзала и захотела выйти из-за стола. Кларк помог ей спуститься со стула, и она побежала за своей новой книжкой.

— Смешно сказать, — вновь заговорил Кларк, — но я не помню, как мы обычно праздновали дни рождения. Каждый раз по-разному. У Мисси ведь это всего лишь второй раз, и год назад она была слишком мала, чтобы понять, в чем дело. — Он нерешительно добавил: — Думаю, было бы неплохо сделать торт. В субботу, когда я ездил в город, я купил ей одну безделушку. Надеюсь, она ей понравится. Так, ерунда, но малыши любят такое. Вряд ли нужно кого-то приглашать. Ей и так будет весело... — он слегка запнулся и быстро закончил фразу: — вместе с нами. У Марти гора свалилась с плеч. Такой день рождения ей под силу. Она секунду помолчала, потом подняла глаза на Кларка и сказала:

— Я вот что подумала. Я почти ничего не знаю про Мисси, а ведь мне предстоит растить ее, мне нужно знать о ней побольше. Ты же понимаешь, дети есть дети. Они любят, когда родители рассказывают, сколько им было, когда они научились делать то или говорить это, или когда папа и мама вспоминают, какими хорошенькими и умненькими они были и как быстро все схватывали. Скоро и Мисси начнет спрашивать меня, и я должна знать, что ей сказать. Единственное, что мне известно, — это как ее зовут.

К удивлению Марти, Кларк негромко засмеялся. Она впервые услышала его смех. Он понравился ей, хотя причины она не поняла. Кларк объяснил, в чем дело.

— Я подумал, что ее настоящего имени ты тоже не знаешь, — сказал он улыбаясь. — Ее настоящее имя Мелисса — Мелисса Энн Дэвис.

— Красивое имя, — сказала Марти. — Меня ведь тоже зовут не Марти. Мое полное имя Марта, но я его не люблю. Родные и друзья звали меня Марти, только мама, если сердилась, называла Мартой. Марта Люсинда... — Она едва не добавила Кларидж, но вовремя остановилась. — Так расскажи мне про Мисси.

— Мисси родилась третьего ноября два года назад, около четырех часов утра. Кларк погрузился в воспоминания и задумался. Марти вспомнила рассказ матушки о том, какую радость принесло рождение Мисси.

— Это был такой небольшой сверток, — продолжал Кларк, — а сама Мисси — красная и сморщенная, с большой головой и темными волосами. Она очень быстро росла и менялась. Мы и глазом моргнуть не успели, а она уже что-то лепетала и улыбалась. К Рождеству Мисси установила в доме свои порядки. Она была спокойным ребенком и уже в три месяца спала всю ночь не просыпаясь. Я сразу понял: она из породы победителей. В пять месяцев у нее начали резаться зубы. Из ласкового, спокойного, веселого ребенка она превратилась в настоящую дикую кошку. К счастью для нас, это продолжалось недолго. А тогда казалось, что никогда не кончится. Но через некоторое время испытание было позади. Когда ей исполнился год, она уже знала несколько слов. Для такой малышки это совсем неплохо. И еще, насколько помню, Мисси всегда любила все красивое. Теперь ты понимаешь, почему она так обрадовалась тому, что ты сшила. Ходить начала, когда ей не исполнилось и года, а потом научилась еще и лазить. Господи, куда только она не забиралась! Однажды, когда она была еще совсем маленькой, я нашел ее на самом верху изгороди в загоне для скота. Залезла туда и не могла слезть. Просто висела, цепляясь изо всех сил. Характер у нее компанейский. Рано полюбила говорить. Болтала беспрерывно, и с каждым днем все разумнее. Однажды принесла цветок. Пришла вся исцарапанная. Сорвала его с розового куста. До крови исколола шипами все пальчики, но это ее не трогало — так ей хотелось принести «к'асиво» маме. Этот цветок хранится в Библии

Эллен.

Кларк замолчал, глядя на свою чашку. Он сделал глоток, и Марти увидела, что его губы шевельнулись, но он молчал.

— Можешь не продолжать, — тихо сказала она. — Теперь я знаю про Мисси достаточно, чтобы рассказать о ее первых днях. Марти хотела что-то добавить, но почувствовала, как будут неуместны любые слова. И все же, помедлив, она произнесла:

— Я знаю, как это тяжело — вспоминать, но когда придет время рассказать Мисси про ее маму, а девочка должна знать, кто ее мама, услышать это она должна от отца. Марти встала из-за стола, давая понять, что Кларку нет необходимости говорить что-то в ответ. Он медленно допил кофе, а она поставила греться воду для мытья посуды. На улице было холодно, но Кларк заявил, что хочет прикинуть, какую площадь на своей земле он может отвести под пашню и весенние посадки. Марти надеялась, что погода не испортится. «Хорошо бы он успел закончить пахоту и подольше не возвращался домой», — думала она. Хотя Марти и начала привыкать к нему, все же по-прежнему чувствовала себя неловко в его присутствии, не зная, как себя вести.

Дни для Марти тянулись слишком долго, и она была рада, что всегда может найти себе занятие, чтобы скоротать время. Занимаясь уборкой, стиркой, выпечкой хлеба и стряпней, она не часто выкраивала время, чтобы заняться шитьем одежды для Мисси. И все же из-под ее умелых рук одно за другим появлялись маленькие платьица, и девочка встречала их появление восторженными восклицаниями.

Была у Марти и работа, которую она делала втайне от Мисси. Приближающийся день рождения малышки заставил Марти поломать голову над тем, какой подарок она могла бы приготовить. Денег у нее не было ни цента. Она вспомнила о яркой шерсти, которую привез Кларк, и новеньких вязальных спицах. По ночам, уложив Мисси и закончив домашние дела, Марти принималась за дело, и спицы так и мелькали в ее проворных руках. Она должна торопиться, чтобы закончить работу вовремя. Когда она, наконец, ложилась, то засыпала так быстро, что не всегда успевала погоревать о Клеме. Марти продолжала вспоминать о нем каждую ночь. Если бы Клем был рядом и она могла бы прижаться к нему... Но усталое тело требовало отдыха, и не было сил даже на то, чтобы поплакать.

Четверг выдался холодным и ветреным. Несмотря на это, Кларк собирался продолжать пахоту. Марти очень надеялась, что он не простудится. Однако Кларк, не придавая значения ее тревоге, уехал. Марти даже подумала, уж не догадался ли он о ее тайном желании, чтобы его как можно дольше не было дома.

После обеда, уложив Мисси спать, Марти принялась за торт. Теперь, более искушенная в стряпне благодаря матушке, она не сомневалась в своих силах. Весь день Марти неусыпно следила за огнем в печи. Плита не должна быть ни слишком горячей, ни слишком холодной, поэтому нельзя допускать, чтобы огонь погас. Вынимая торт из духовки, Марти вздохнула с облегчением. У нее получилось именно то, что нужно.

Ветер стал еще холоднее, и Марти начала волноваться за Кларка. Что она будет делать, если

он заболит и придется ухаживать за ним? «Проклятье! Как он может так рисковать», — возмущалась она про себя. Марти все время держала на плите кофейник, чтобы горячий кофе был наготове к приходу Кларка. Только бы он не заболел. Если он свалится, что она будет делать? Она понятия не имеет, как ухаживать за скотиной. Только сейчас Марти осознала, что ее нога ни разу не ступала в загон для скота. А ведь некоторые женщины постоянно доят коров и кормят свиней. Кларк никогда не просил ее даже покормить кур. Может быть, он надеялся на ее помощь, но просто не дождался ее. Марти была так ошеломлена и растеряна, когда оказалась здесь, что ей это и в голову не приходило. Теперь она обязательно спросит его. Может быть, прямо завтра, с утра. Она не собирается отлынивать от работы. Услышав шум приближающейся упряжки, Марти выглянула в окно.

— Ну конечно, весь продрог, — пробормотала она, ставя на плиту кофейник. Кларк прошел на кухню и некоторое время стоял у печи, грея над ней свои большие руки. Марти налила ему кофе и пошла за сливками. Она решила прихватить еще булочек и меда — вдруг Кларк захочет немного перекусить. Стоя у печи, он взглянул на Марти, но молчал, пока она не села за стол.

— Выпьешь кофе со мной? — спросил он. — Терпеть не могу пить кофе один. Марти удивленно посмотрела на него и спокойно сказала:

— Выпить горячего нужно тебе, а не мне. Это ведь не я работала весь день на пронизывающем ветру и промерзла до костей. Хорошо, если после этого ты не заболит. Давай-ка пей, пока горячий.

Упрек прозвучал достаточно мягко, но Кларк почувствовал его. Он усмехнулся и сел за стол, добродушно проворчав:

— Честное слово, иногда женщинам кажется, что мужчина сделан из сахарной глазури. Он посмотрел ей в глаза и мягко добавил:

— Наверное, мне и вправду нужно выпить горячего, но думаю, что и тебе не повредит присесть на пару минут и отдохнуть. Мне кажется, ты слишком много работаешь.

— Нет, — возразила Марти. — Я работаю не много, ровно столько, чтобы заглушить боль. Но может, ты и прав, чашка кофе мне не повредит. Когда я слышу, как снаружи завывает ветер, у меня кровь стынет в жилах, хоть я и сижу в тепле. Она налила себе кофе и села вместе с ним за стол. Выпив кофе, Кларк сказал, что из-за надвигающейся бури ему пришлось вернуться домой пораньше, и он хочет убрать в погреб оставшиеся в огороде овощи. И пошел работать. Марти же продолжала трудиться над уже остывшим тортом. Она решила придумать для Мисси что-то особенное. Для этого понадобились разные разности и масса изобретательности. Когда торт, наконец, был готов, Марти оценивающе оглядела результаты своего труда. Может, это и не самый красивый торт, но далеко не худший, решила она. Марти поставила его в буфет дожидаться своего часа и занялась ужином. Ей хотелось, чтобы сегодня он был разнообразней, чем обычно. Из спальни послышался голос Мисси, и она пошла к девочке. — Привет, Мисси. Иди к маме. Она произносила это слово и раньше, и каждый раз неохотно, поскольку не чувствовала себя матерью. Но сейчас ей показалось, что оно не так уж неуместно. Марти взяла малышку на руки. При этом она ощутила, как вырос ее живот. Марти была рада, что сделала новые платья достаточно просторными. Мисси побежала за своими башмачками, и Марти, взяв ребенка и башмачки, отправилась на кухню, где обула девочку. В спальне было довольно прохладно. Предстоящая зима не радовала Марти. И все же здорово, что ей не придется встречать морозы в фургоне. От одной мысли об этом Марти бросило в дрожь. Она дала Мисси кружку молока и половину булочки и снова занялась ужином. Кларк убрал овощи и раньше,

чем обычно, закончил работу на скотном дворе. Марти чувствовала его волнение. Она понимала, что день рождения дочки без Эллен пугает Кларка, но знала, что ради Мисси он готов на все.

После ужина Марти подошла к буфету и вынула торт. Глаза Мисси широко открылись от изумления, но она не поняла, что происходит.

— К'асиво! К'асиво! — закричала она.

— Мисси, этот торт — на твой день рождения, — сказал Кларк. — Тебе был один годик, — он поднял один палец, — а теперь исполнилось два. — И он показал два пальца. — Давай я тебе помогу, — продолжил он свои объяснения. Он взял маленькую ручку своей большой рукой и помог дочке поднять два пальчика.

— Видишь, Мисси, теперь тебе два года.

— Мисси — два, — повторила Мисси.

— Правильно, — обрадовался Кларк. — Два года. А теперь мы попробуем торт. Марти нарезала торт и удивилась, как удачно он получился. Проглотив небольшой кусочек, она вспомнила о первой попытке испечь хлебцы. Слава Богу, теперь, благодаря практике и рецептам матушки, ей не стыдно своей стряпни. Как все переменялось за три недели! Кларк попросил вторую порцию и немедленно получил добавки.

Когда они закончили, Марти собралась помыть посуду, но Кларк предложил сначала посмотреть, что он приготовил для Мисси. Он вышел на веранду и вернулся с небольшой коробочкой; посадив Мисси на стульчик, он вручил ей подарок.

— С днем рождения, Мисси, — сказал Кларк. Мисси обернулась и посмотрела на торт, словно размышляя, может ли она положить «день рождения» в эту маленькую коробочку.

— Ну-ка погляди, что там, в коробке. Это подарок тебе на день рождения. Он помог дочке снять крышку с коробки, и Мисси с любопытством заглянула внутрь. Кларк вынул то, что лежало в коробке, туго закрутил и поставил на пол. Когда он отпустил руку, непонятный предмет начал кружиться по полу, переливаясь всеми цветами радуги — красным, синим, желтым, фиолетовым и множеством других оттенков. Мисси в восторге всплеснула руками, онемев от потрясения. Когда волшебный подарок перестал кружиться, она подтолкнула его к Кларку и сказала:

— Еще. Марти тоже немного полюбовалась чудесным зрелищем и уже собралась взяться за мытье посуды, как вдруг вспомнила про собственный подарок. «Конечно, вряд ли он вызовет у малышки такую же бурю восторга, как подарок Кларка», — подумала она, идя в спальню. Может быть, он и вовсе не понравится Мисси. Что ж, она сделала то, что могла.

— Мисси, — сказала она, вернувшись в кухню, — у меня тоже есть кое-что для тебя, — и протянула ей свой подарок.

— Ну и ну, — изумленно воскликнул Кларк. — Мисси, посмотри скорей, что сделала для тебя мама. Марти опустила на колени и наинула на плечи девочки маленькую шаль, которую связала сама. Шаль была мягкого голубого цвета с вышитыми розовыми бутонами. Кайма обрамлена кистями. Эти кисточки особенно восхитили малышку, и она нежно погладила их.

— Ах, — выдохнула Мисси. — Мама. Она впервые произнесла это слово, и Марти почувствовала комок в горле. Она постаралась скрыть свои чувства, поправляя шаль.

Вдруг Марти заметила, что Кларк озадаченно смотрит на нее. Марти смущенно опустила глаза и немедленно поняла причину его взгляда. Когда она опустилась на колени, юбка натянулась, обнаружив расплывший живот. Покраснев, Марти поднялась. «Что ж, теперь он все знает», — сердито подумала Марти. Не могла же она скрывать это бесконечно. Кроме того, ей нечего стыдиться. Это ребенок Клема, зачатый в любви и в законном браке. Она же не виновата, что Клема больше нет. И все же Марти почему-то не хотелось, чтобы человеку, который привел ее в свой дом, стало известно об этом раньше времени. Что ж, поздно волноваться. Он все знает, и с этим ничего не поделаешь. Марти вернулась к посуде, а Кларк продолжал играть с Мисси.

Глава пятнадцатая

СЕКРЕТ РАСКРЫТ

Утром следующего дня небо было темным и хмурым. Дул северный ветер, давая понять, что зима вступает в свои права. Лошади жались друг к другу, повернувшись спиной к ветру, а коровы сбились в крытом помещении, пытаясь спрятаться от пронизывающего ветра. Куры почти не высывались из птичника, а если и отваживались на такую вылазку, то, выглянув, немедленно устремлялись назад, в тепло. Увидев, как прячутся от порывов ветра куры, Марти вспомнила, что она собиралась поговорить с Кларком насчет помощи по хозяйству.

— Проклятье, — пробормотала она, — ну и времечко я выбрала. В то утро молитва Кларка за завтраком включала благодарение Господу за то, что Он дал им теплый кров для людей и для скота и что дарованные Им блага позволяют не бояться зимней стужи. «На самом деле это заслуга того, кто трудился не покладая рук», — добавила про себя Марти. И все же она признала, что в молитве была доля правды. Приятно сознавать, что они готовы к предстоящей суровой зиме. Марти снова задумалась о том, что ей делать, когда Кларк целыми днями будет находиться дома, поэтому была захвачена врасплох внезапным вопросом.

— Я собираюсь в город. Тебе что-нибудь нужно?

— Но ведь сегодня пятница, — ответила Марти.

— Да, я помню, но у меня кое-какие срочные дела, а то, боюсь, начнется буря и придется сидеть взаперти. Марти подумала, что ей не нравится эта затея. На сей раз он уж точно заболит. Кларку чудом удалось избежать простуды в четверг, но нельзя постоянно искушать судьбу: вряд ли повезет два раза подряд. Однако кто она такая, чтобы спорить с мужчиной? Если уж они что задумают, их не остановишь. Марти встала из-за стола и проверила список, думая, не добавить ли в него что-нибудь еще. Кларк допил кофе, а потом негромко сказал:

— Я ведь мужчина, поэтому не заметил то, что любая женщина увидела бы сразу. Я понятия не имел, что ты ждешь маленького. Марти не поднимала глаз от списка. Она избегала взгляда Кларка.

— Мне очень жаль, что я ничего не знал. Я бы не дал тебе столько работать. С сегодняшнего дня больше не таскай тяжелые ведра. Когда тебе понадобится вода для мытья или стирки, просто скажи мне. «Какая ерунда, — подумала Марти. — Если бы малышу было вредно, что я таскаю тяжести, это стало бы ясно давным-давно». Помолчав, Кларк добавил:

— Раз уж я сегодня еду в город, я мог бы попросить миссис Макдональд собрать для тебя то, что нужно для маленького, чтобы сшить ему одежду и все такое. Допиши в список, что тебе понадобится. Марти стояла, потеряв дар речи, чувствуя спазмы в желудке. Она даже не задумывалась о том, чем будет пеленать и во что одевать своего ребенка. Его появление на свет казалось таким далеким... Но Кларк прав. Пора начинать шить приданое для малыша, иначе она просто не успеет.

— Спасибо, — вымолвила она наконец. — Уверена, что миссис Макдональд лучше меня знает, что для этого нужно. — И она вручила ему список. Продолжая нервничать из-за погоды, Марти выглянула из окна. Говорят, что здесь, в прериях, бури налетают внезапно, и ей очень не хотелось, чтобы Кларк уезжал в тот час, когда могла начаться одна из них. Видимо, он догадался, о чем Марти думает.

— У меня достаточно времени, чтобы добраться до города и вернуться. Если буря застанет в пути, я заеду к кому-нибудь из соседей и пережду непогоду.

— А как же скот? — запнувшись, пробормотала Марти. — Я понятия не имею, что нужно делать и чем его кормить. Кларк обернулся и посмотрел на нее. По выражению его лица стало ясно: ему и в голову не приходило, что Марти будет этим заниматься.

— Даже если начнется буря и мне придется укрыться у соседей, не выходи из дома. Слышишь? Разумеется, Марти отлично все слышала.

— Не волнуйся ни о курах, ни о свиньях, ни даже о дойных коровах. Нет ничего, слышишь, ничего настолько важного и срочного, чтобы ты выходила из дома в бурю. «Значит, так и будет, — подумала Марти, сдерживая улыбку. — Можешь не беспокоиться». Она удивилась, поскольку ей ни разу не приходилось видеть Кларка таким взволнованным. Он застегнул теплую куртку и взял рукавицы. Помявшись, он добавил:

— Пожалуй, сегодня подходящий день, чтобы заняться шитьем. Нашему маленькому приятелю понадобится одеяло потеплее. «Да, — подумала Марти, — ему, а может быть, ей, без него не обойтись».

— К вечеру вернусь, — заверил ее Кларк, идя к двери, и помолчав добавил: — Я рад, что у тебя появится малыш, который будет напоминать тебе о нем. И ушел.

Глава шестнадцатая

ВНИМАНИЕ И ЗАБОТА

К радости Марти, Кларк действительно вернулся к вечеру. К этому времени пошел снег, по земле сердито крутилась поземка и за окнами завывал ветер. Кларк сразу направился в загон, чтобы поставить в стойло Дэна и Чарли.

— Похоже, лошади волнуют его больше, — пробормотала Марти себе под нос, выглянув из кухонного окна, — хотя он промерз ничуть не меньше. Она передвинула кофейник поближе к жару, чтобы кофе был горячий. Мисси играла на полу. Услышав радостный лай Ол Боба, она вскочила с сияющими глазами.

— Папочка п'иехал! — воскликнула она возбужденно. Марти улыбнулась, вновь отметив, что Мисси часто говорит «папочка», хотя сам Кларк называет себя «папа». Наверное, слово «папочка» любила Эллен. Что ж, в память о ней, разговаривая с Мисси, она готова называть

Кларка «папочка».

Вскоре Кларк вошел в дом с целой охапкой свертков в руках. Его лицо покраснелось от холодного ветра. При виде отца Мисси радостно запрыгала.

— Папочка п'ишел, папочка п'ишел. Папа, п'ивет. Кларк подозвал ее к себе и, освободив руки от покупок, подхватил дочку на руки. Погладив его щеки, девочка удивилась, какое холодное у него лицо.

— Думаю, тебе стоит немного согреться, прежде чем ты пойдешь кормить животных. — И Марти налила ему чашку горячего кофе.

— Неплохая мысль, — ответил он, снимая тяжелую куртку и вешая ее поближе к огню, чтобы та прогрелась. С минуту он постоял у печи, грея руки, а потом сел за стол. Марти добавила в кофе сливки и поставила чашку перед Кларком.

— Этот увесистый сверток — тебе, — сказал Кларк. — Миссис Макдональд была страшно рада, собирая его. Похоже, она оказалась немного озадачена. Подумала, наверное, что это мой малыш. Я решил, что ее это не касается, и не стал ее разубеждать. Он сделал несколько глотков. В голове у Марти пронеслось: «Его малыш? Как он может быть его малышом, ведь на самом деле мы даже не муж и жена! Разумеется, миссис Макдональд об этом не знает». Она почувствовала, как краска бросилась ей в лицо. Кларк поставил чашку и спокойно продолжил:

— Потом я подумал, что, наверное, должен объяснить ей, и вернулся. Я сказал так: «Миссис Макдональд, моя жена действительно ждет ребенка, и я действительно собираюсь растить его как своего, но правда и то, что отец ребенка — ее первый муж, и это очень важно для Марти, поэтому я не хочу, чтобы возникла путаница». Кларк допил кофе.

— Пожалуй, я пойду. Он надел куртку и вышел, прежде чем Марти успела собраться с мыслями. Он все понял. Он вернулся в магазин, чтобы не вводить миссис Макдональд в заблуждение, поскольку отлично знал (и об этом уже говорила матушка Грэхэм), какой длинный у нее язык. Дай этой женщине пару дней хорошей погоды, и о будущем ребенке будет знать вся округа. «Кларк понимает, как важно для меня, чтобы все знали, что это ребенок Клема». Разбирая покупки, Марти размышляла о человеке, с которым жила под одной крышей. Она посмотрела на предназначенный ей сверток в сладком предвкушении и решила, что отнесет его к себе в комнату, чтобы внимательно исследовать содержимое. В спальне было холодно, и она дрожала, впрочем, отчасти от возбуждения, снимая коричневую оберточную бумагу. Ничего не скажешь, миссис Макдональд постаралась на славу. Марти прижала ладони к щекам, увидев восхитительные ткани. Этого хватило бы не на одного малыша. При мысли о том, как она будет шить крохотные чепчики и распашонки, у нее запылали щеки. Ей ужасно захотелось поделиться с кем-то своей радостью. Она чувствовала искушение излить ее на Мисси. — Нет, пожалуй, с этим нужно немного повременить. Оставшиеся месяцы ожидания слишком долгий срок для двухлетней девочки. Если бы здесь был Клем и она могла бы поделиться с ним! Вновь на глаза ей навернулись слезы. Марти вытерла их тыльной стороной ладони. Если бы можно было так же легко избавиться от душевной боли! Когда Кларк пришел ужинать, он заметно продрог, несмотря на теплое пальто. Он сказал, что за несколько часов на улице сильно похолодало из-за резкого ветра. Прежде чем сесть за стол, он растопил камин в гостиной.

— Похоже, пришла пора греться не только у кухонной печи, — сказал Кларк. Во время вечерней молитвы он попросил Бога помочь «людям, которым тяжелее, чем нам», и Марти

вспомнила свой крытый парусиной фургон со сломанным колесом. Она содрогнулась, представив, как сидела бы в нем, съежившись и пытаясь сохранить тепло под тонкими одеялами. После еды Кларк направился в гостиную, чтобы подбросить в огонь дров, а Мисси принесла на коврик у камина свои игрушки. Марти мыла тарелки и невольно наслаждалась теплом и уютом. Как не испытывать удовольствие в добротном, крепком доме, когда за стенами воеет холодный ветер? Вечер еще только начинался, и Марти не терпелось сесть за шитье, но у нее в комнате было слишком холодно. Опорожня таз для посуды и вешая его на место, она задумалась, как ей поступить. Внезапно она услышала за спиной голос Кларка:

— В твоей комнате теперь, наверное, холодновато. Ты не хочешь поставить швейную машину в гостиную? Здесь места хватит. Марти обернулась и, посмотрев ему в глаза, медленно спросила:

— А ты не против, что она будет стоять здесь?

— По правде сказать, сначала от этой мысли мне было не по себе, — ответил он прямо. — Но теперь уже не так тяжело. Глупо из-за этого держать ее в спальне, ведь здесь для нее самое место. Я привыкну. И с этими словами он пошел за машиной. «Да, — сказала себе Марти, — он поступает по справедливости, даже если это причиняет ему боль».

В своем желании немедленно усесться за шитье в теплой комнате она почувствовала себя немного эгоисткой. При сложившихся обстоятельствах все могло быть куда хуже, ведь она вышла замуж за человека, которого не выбирала. Естественно, она продолжала тосковать по Клему. Ей всей душой хотелось быть с ним и только с ним, даже если бы она не имела ничего, чем обладает сейчас. Однако несправедливо не замечать доброты того, кто предоставил ей кров и чье имя она теперь носила. Это был настоящий труженик и кормилец и к тому же внимательный и заботливый человек. При этом Кларк ничего не требовал от нее. Она должна всего лишь заботиться о Мисси и вести небольшое домашнее хозяйство. Даже на ее стряпню он ни разу не пожаловался. «Нет, — решила Марти, — принимая во внимание мое положение, все могло сложиться куда хуже». Она погрузилась в работу. Пожалуй, она позволит Мисси поиграть еще немного и лечь чуть попозже. Кларк устроился у камина с одной из новых книг. Марти с благодарностью посмотрела на выкройку, которую вложила в пакет миссис Макдональд. Ведь Марти никогда не шила таких крошечных вещей и без этой выкройки просто не знала бы, как подступиться к ткани. Ее руки дрожали от волнения. Кройкой она занималась на кухонном столе, где было достаточно места. Невольно ей пришло в голову, что в этот момент они втроем похожи на настоящую семью.

Глава семнадцатая

ТАИНСТВЕННЫЕ ОТЛУЧКИ

Ноябрьские дни принесли с собой ураганные ветры. На полях уже лежал толстый слой снега, а вокруг строений выросли сугробы. Иногда ветер ненадолго прекращался и выглядывало солнце, но на улице все время стоял мороз. Работы по-прежнему было много, и жизнь на ферме кипела, несмотря на непогоду. Как только ветер немного утихал, Кларк запрягал лошадей и вместе с верными Дэном и Чарли отправлялся в лесную глушь валить лес. В менее погожие дни Кларк много времени проводил на скотном дворе, стараясь помочь животным пережить суровую зиму, не испытывая неудобств.

Дни Марти были заполнены заботой о Мисси и работой по хозяйству. Она пекла хлеб, стирала, гладила, чинила одежду. Список дел был бесконечен, но она радовалась этому, особенно если

целый день приходилось сидеть дома. По вечерам Марти с удовольствием усаживалась за шитье, с любовью выполняя каждый стежок на крошечных распашонках. Она решила пока отложить начатое лоскутное одеяло. Главным сейчас было приготовить все необходимое для ребенка. Марти заметила, что Кларк, говоря о будущем малыше, часто называет его «он». Конечно, ребенок может вопреки их ожиданиям оказаться девочкой, хотя Марти тоже хотелось, чтобы у Клема был сын. Она уже знала, как его назовет — Кларидж Льюк. Кларидж — по фамилии Клема, а Льюк — в честь ее отца. Как счастлив будет отец узнать, что у него есть внук, который к тому же носит его имя! Но сначала нужно дождаться первого каравана фургонов на Восток. Тогда она заберет с собой сына, а вместе с ним, может быть, и Мисси, и отправится домой. Мысль о том, что ей придется взять с собой девочку, все больше беспокоила Марти. Как лучше для Мисси и для Кларка? Она видела, как Кларк любит свою дочь, и не представляла, сможет ли он расстаться с ней, когда придет время. И нужно ли им расставаться? Сама Марти все крепче привязывалась к ребенку. Слово «мама» стало для нее, как и для малышки, совершенно естественным. Теперь Марти действительно считала себя мамой Мисси. Ей все больше нравилось общество малышки. Она от души смеялась над ее шалостями, радовалась новым словам и порой вечерами рассказывала о забавных выходках дочки Кларку. Хотя Марти и не признавала этого, Мисси постепенно стала частью ее жизни. Марти с нетерпением ждала наступления нового года, решив, что к этому времени можно поделиться с девочкой своей тайной. Она не сомневалась, что Мисси будет рада предстоящему рождению малыша не меньше ее. Но Марти ни разу не задумывалась о своих чувствах и не анализировала того, что с ней происходит. Она просто вычеркивала прожитые дни, без сожалений расставаясь с ними, словно с вещью, которая отслужила свой срок, и продолжала жить дальше. Время для Марти по-прежнему шло слишком медленно.

По мере того как ноябрь подходил к концу, Кларк все чаще стал ездить в город, что казалось особенно странным в такую пору. Пополнять запасы продуктов не было никакой надобности. На случай суровой зимы, которая не позволит выбраться в город, в доме припасено все необходимое. Иногда Кларк возвращался, не купив почти ничего. Порой он даже отправлялся в город верхом, а не в повозке. Сначала Марти не обращала на это внимания, но один утренний разговор за завтраком заставил ее призадуматься. Кларк мимоходом сообщил, что уедет на три-четыре дня. Он объяснил это хорошей погодой и сказал, что решил съездить в большой город, а не в ближайший к ним маленький городишко, куда ездил обычно. Он договорился с молодым Томом Грэхэмом, и тот будет приезжать по вечерам и оставаться на ночь, чтобы присматривать за скотом. Если же погода испортится, Марти может попросить его остаться и на день. А когда ей что-нибудь понадобится, через Тома она может передать свою просьбу Грэхэмам.

Сказанное озадачило Марти. Она вспомнила, что в последнее время Кларк слишком часто отлучался в город, но полагала, что ее это не касается. Возможно, он хотел купить какую-нибудь новую технику для обработки земли или семена или подыскивал покупателя, чтобы продать свиней. Как бы то ни было, это его дело, и к ней оно не имело отношения. Здесь будет Том, а значит, больше не о чем беспокоиться. И все же, когда Кларк обнял на прощание Мисси и напомнил ей, что она должна слушаться маму, Марти ощутила невольное любопытство и некоторое беспокойство.

— Я вернусь в субботу вечером, так чтобы успеть покормить скот, — пообещал он и отправился в загон за Дэном и Чарли. Когда Кларк выезжал со двора, Марти заметила в фургоне клеть для перевозки скота, а в ней пару свиней. Что он говорил? «Если нужны будут деньги — продадим борова или бычка». «Наверное, хочет купить плуг или зерно», — подумала Марти, пожав плечами. Впрочем, должно быть, она сама обходилась ему недешево. Чего стоит одна только

зимняя одежда для нее, шерсть для вязания и лоскутки для одеял, а ведь пришлось еще покупать вещи для малыша. Марти немного расстроилась, подумав, что взамен делает слишком мало. Но в конце концов, сделав над собой усилие, решила, что не стоит так переживать.

— Что толку волноваться, — сказала она самой себе, — просто буду есть немного поменьше или придумаю что-нибудь еще. Хорошо бы съездить к мамушке и поговорить с ней. Тогда можно было бы решить, что делать. А когда вернется Кларк, будет уже декабрь. Время и вправду шло быстро, хотя иногда казалось, что оно тянется бесконечно. А разве мамушка не говорила, что время лечит? Марти надеялась, что, пока Кларка нет, дни будут лететь еще незаметнее.

Когда на закате в субботу Марти увидела приближающуюся к дому упряжку, она обрадовалась больше, чем ожидала. Она сама не могла объяснить, откуда взялось это чувство. Том отлично справлялся с работой на скотном дворе, и она с удовольствием проводила вечера в его обществе. После ужина он играл с Мисси или снова и снова читал девочке ее книжку. Том очень гордился, что, как и все дети мамушки, знает буквы. Он обожал покрасоваться и немного прихвастнуть перед Мисси, да и перед Марти, конечно, тоже. Мисси выучила наизусть почти всю книжку, и ей нравилось делать вид, что она умеет читать.

В отсутствие Кларка все шло прекрасно, поэтому для облегчения, которое Марти почувствовала, казалось, не было никаких оснований. Может быть, ее мучили воспоминания о том, как небрежно она в последний раз попрощалась с Клемом? Но она тут же отбросила эту мысль и отправилась обрадовать Мисси. Девочка возликовала, увидев отца со своего стульчика у окна, и запрыгала от счастья. Марти заметила, что клеть пуста, но никаких покупок в фургоне не было. Только несколько небольших свертков лежали на сиденье позади Кларка. По тому, как тяжело побрели в сарай лошади, она поняла, что животные устали, однако, почуввав близость теплой конюшни и кормушек, ускорили шаг. «Кларк тоже устал», — отметила Марти, наблюдая за тем, как он спускается на землю и распрягает лошадей. Он двигался не так энергично и проворно, как обычно.

— Раз приехал папа, значит, пора ставить кофе, — сказала Марти, помогая Мисси спуститься с ее насеста у окна. Подогреть кофе было минутным делом. Марти все время поглядывала в окно и приготовила кофе, как только увидела вдалеке упряжку. Она надеялась, что дальше все пойдет своим чередом. Марти не выбирала такой жизни, но она уже привыкла к сложившемуся порядку и даже стала получать от него определенное удовольствие. Когда Кларк с немногочисленными покупками вошел в дом, его встретила Марти с чашкой горячего кофе и сияющая радостью маленькая дочь.

Глава восемнадцатая

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К РОЖДЕСТВУ

— Господь наш, — обратился Кларк к Всемогущему в утренней молитве, — накануне дня, в который родился Сын Твой, наполни наши сердца благодарностью за Его приход и помоги нам возлюбить наших ближних так же сильно, как умел любить Он. «А ведь он говорит о Рождестве, — подумала Марти, внезапно осознав, что до праздника осталось совсем немного. — Боже мой, осталось всего две недели, а я и думать забыла!» И она погрузилась в размышления, прослушав, как всегда, оставшуюся часть молитвы и продолжая сидеть с закрытыми глазами после того, как прозвучало «аминь». Мисси, требуя свой завтрак, потянула ее за рукав. Марти покраснела, торопливо положила девочке порцию каши и принялась

остужать ее, дуя на ложку.

— Знаешь, — спустя несколько минут вырвалось у Марти, — я совсем забыла, что Рождество так скоро. Кларк поднял глаза от миски с кашей.

— Я понимаю, в этом году тебе нелегко думать о Рождестве. Если это слишком тяжело для тебя, мы можем не отмечать его, просто прочесть историю Рождества и приготовить носок с подарками для Мисси. Марти задумалась.

— Нет, — сказала она, поразмыслив. — Вряд ли это будет справедливо. Мисси нужно настоящее Рождество, да и нам, мне кажется, оно не повредит. Мы не можем бесконечно беречь свои раны — это не пойдет на пользу ни нам, ни ей. А Рождество — неплохой повод забыть о боли и подумать о том, что может исцелить ее. Кларк внимательно посмотрел на Марти и вновь опустил глаза. Помолчав, он тихо сказал:

— По-моему, лучшей проповеди не мог произнести ни один священник. — И через минуту добавил: — Ты абсолютно права. Так что бы ты хотела устроить? Марти попыталась вспомнить, как готовились к Рождеству в ее семье. Дома никто не читал Библию, но здесь это не проблема. Обычно не было недостатка в спиртном, но без него они вполне могут обойтись. А кое-что она сделает так же, как делала ее мать. Ведь это будет первое Рождество вдали от дома, которое она сама готовит для других, а не кто-то — для нее. Мысль о празднике и радовала, и волновала ее.

— Думаю, — начала она, — я испеку что-нибудь вкусненькое. Может быть, матушка поделится со мной какими-нибудь рецептами на такой случай. Дальше, у нас обязательно должна быть елка для Мисси. Мы поставим и украсим ее в сочельник, нанижем на нитки попкорн, смастерим разноцветные цепочки, поставим свечи на окна, а еще зажарим пару куриц пожирнее, а для Мисси я сделаю... Растущий энтузиазм Марти был так заразителен, что Кларк не удержался и присоединился к ней. С не меньшим воодушевлением он принялся строить планы на Рождество.

— Что там курицы! — воскликнул он. — Я съезжу к Викарсам и куплю индейку. Миссис Викарс выращивает отличных индеек. Может быть, мы вместе устроим что-нибудь для Мисси. Я сегодня же отправлюсь к матушке и привезу рецепты, пока погода подходящая. А хочешь, запрягу Дэна и Чарли, и ты съездишь сама?

— А можно? — Голос Марти зазвенел, ведь речь шла об ее самом сокровенном желании. — Мне бы так хотелось повидать матушку и поговорить с ней, конечно, если ты не возражаешь. Тут же было решено, что к Грэхэмам поедет Марти. Но Кларк добавил к этому плану кое-что еще. Если Марти не против, он завезет ее к матушке, а потом они с Мисси отправятся к Викарсам, тогда на Рождество уж точно не останутся без индейки. А Мисси не помешает прогуляться и побыть немного с отцом. Марти быстро помыла посуду, а Кларк пошел запрягать лошадей. Марти тем временем тепло укутала Мисси и впервые надела свое новое длинное пальто. Посмотрев на себя в зеркало и усмехнувшись, она поняла, что первый раз, возможно, станет и последним: пуговицы на животе уже не застегивались. Она вздохнула и взяла шаль.

— Видишь, — сказала она Мисси, — то, что не прикрывает пальто, придется прикрыть шалью. День, проведенный с матушкой, был сплошным удовольствием. Они пересмотрели все кулинарные рецепты. Марти отобрала так много, что ей и за всю жизнь не испечь. Потом из груды рецептов она выберет самое подходящее. Кроме того, она записала подробные инструкции, как фаршировать и обжаривать индейку, поскольку бралась за подобное предприятие впервые. Женщины делились планами на предстоящие праздники и обсуждали,

как проведут их. Марти чувствовала, что в предвкушении Рождества в ней пробуждается интерес к окружающему миру. Долгое время Марти казалось, что в ней не осталось ничего живого, кроме новой жизни внутри нее. Впервые за несколько месяцев она ощущала себя бодрой и жизнерадостной. Марти издали услышала шум приближающейся упряжки. Матушка пригласила Кларка зайти на чашку кофе, и он вошел в дом, держа на руках раскрасневшуюся, полную впечатлений Мисси, которая готова была всем и каждому рассказывать про «кулды-кулды» в фургоне, купленную на «Рождество». До Марти доносилось протестующее кулдыканье индейки, которая возмущалась, что ее разлучили с сородичами. Кларк сказал, что до Рождества она поживет в курятнике и будет вволю получать толченое зерно и другие вкусности, которые помогут ей еще больше прибавить в весе. Пока взрослые пили кофе, Мисси затеяла беготню с маленьким Лу. Она была так возбуждена, что даже не допила свое молоко. По пути домой Марти, собравшись с духом, произнесла вслух то, что уже давно обдумывала. Не зная, как высказать свою мысль, она нерешительно спросила:

— Тебе не кажется... то есть я хотела сказать, ты не возражаешь, если мы пригласим Грэхэмов на рождественский обед?

— Всех? — Кларк не скрывал изумления.

— Ну разумеется, всех, — отважно сказала Марти. — Их будет тринадцать, и нас трое — всего шестнадцать. Если развернуть кухонный стол, за ним уместятся восемь человек. Это четверо взрослых и четверо самых маленьких Грэхэмов. Мисси будет сидеть на своем стульчике. Остаются еще семеро детей Грэхэмов. Для них мы устроим место в гостиной, а заниматься ими будут Лаура и Салли Энн. Марти готова была продолжать, но Кларк, со смехом подняв руку, остановил ее.

— Тпру, — сказал он и добавил: — Я вижу, ты уже все продумала. А с матушкой ты говорила?

— Конечно же нет, — ответила Марти. — Ведь сначала я должна была обсудить это с тобой. Он искоса глянул на нее, и его голос стал серьезным.

— Не знаю, — нерешительно сказал он. — Не слишком ли это большая работа — готовить рождественский обед на шестнадцать человек да еще принимать их в нашей тесноте? А ведь ты в положении... Марти знала, что добиться согласия будет непросто, но дело того стоило.

— Что за ерунда, — возразила она. — Я отлично себя чувствую. Что до приготовления обеда, я постараюсь сделать все заранее, до приезда гостей. Это не проблема. А когда они приедут, матушка и девочки помогут мне и с обедом, и с посудой. Боже, я совсем забыла... — Она осеклась и громко воскликнула: — Тарелки! Кларк, нам хватит тарелок?

— Точно не знаю, но, если не хватит, матушка может прихватить свои.

— Отлично! Марти улыбнулась про себя. В сущности, она получила его согласие. Она пошла на хитрость, сбив его со следа и переключив внимание на тарелки. На какое-то мгновение Марти даже почувствовала себя виноватой, но это быстро прошло.

— Значит, договорились?.. — выпалила она скорее утверждение, чем вопрос.

Глава девятнадцатая

ВЬЮГА

Днем Кларк снова стал бродить по холмам и рубить деревья, а Марти занялась работой на кухне. Она внимательно изучила рецепты, которые дала ей матушка, и, наконец отобрав нужные, целыми днями пекла разные вкусные вещи. Несмотря на попытки Мисси «помочь», груды печенья и других домашних сладостей росли с головокружительной быстротой и было все труднее находить для них место. Мисси пробовала и по большей части одобряла все, что выпекалось, особенно нравились девочке пряничные человечки, которых Марти делала специально для детей. По вечерам вместе с Кларком они трудились над кукольным домом для Мисси. Кларк соорудил небольшой домик, состоящий из комнаты и кухни, и мастерил для него деревянные стульчики, столики и кровати. Марти шила коврики, шторы и одеяла.

— Это женское дело, — сказал Кларк. Марти нравилась такая работа, и она с удовольствием помогала Кларку. На игрушечной кухне был крохотный буфет с настоящими дверцами, которые можно было открывать, стол, два стула и скамейка. Все это сделал Кларк. Марти сшила маленькие шторы, смастерила пару ярких половичков и подушечки для стульев. В комнате, которая служила спальней и гостиной, была игрушечная кровать с подушками и одеялом, колыбелька, два стула, скамеечка для ног и сундук с открывающейся крышкой. Марти оставалось сделать одеяльце и подушку для колыбельки и шторы для комнаты. Кларк занимался изготовлением кухонной печи.

— Какая же кухня без печи? — рассудил он. Марти с увлечением занималась этой работой и была довольна, что кукольный дом будет готов к Рождеству. Кларк еще несколько раз ездил в город. После одной из поездок он заглянул к Грэхэмам, чтобы пригласить их на рождественский обед. Судя по всему, эти поездки были важны для него, хотя, как замечала Марти, домой он почти ничего не привозил. Однако она не придавала этому значения. В последний раз Кларк доставил ей пряности для стряпни и несколько безделушек для Мисси.

— Нужно же положить ей что-то в носок на Рождество, — сказал он, отдавая покупки Марти. Убирая печенье в кладовку, Марти задумалась. Ждет ли Кларк подарка от нее? Скорее всего, нет. Было бы хорошо подарить ему какую-нибудь приятную мелочь, но у Марти нет ни гроша, да и просто негде купить подарок. Можно что-нибудь сшить, но что? Продолжая работать, она вспомнила об остатке мягкой серо-голубой шерсти, который до сих пор лежал в корзинке для рукоделия. Марти решила, что, закончив с печеньем, посмотрит, получится ли сделать шарф. Внимательно осмотрев материал, она решила, что ткани вполне хватит. Поскольку Кларк ушел в лес валить деревья и вернуться должен был только к вечеру, она принялась за работу. Марти украсила шарф строчкой и немного надвязала его спицами, после чего спрятала подальше. Завтра, пока Кларка не будет дома, она вышьет его инициалы. Рождество приближалось быстро. Марти беспокоилась, будет ли сам праздник таким же волнующим, как приготовления к нему.

До Рождества оставалось три дня. Накануне они закончили подарок для Мисси и были очень довольны результатами своей работы. После завтрака Кларк отправился в лес рубить деревья. Марти попросила его принести красивых сосновых веток с шишками, чтобы сделать праздничные венки. Он обещал подыскать что-нибудь подходящее. Утро Кларк собирался провести в лесу, а вернувшись к обеду, должен был зарезать индейку, которая сегодня осталась без завтрака. Марти постаралась побыстрее расправиться с домашними делами и принялась за шарф для Кларка. Она старательно вышила рельефные буквы «К» и «Д» и убрала готовый шарф в ящик комода. Теперь до Рождества оставалось всего два дня, но в воскресенье дальнейшие приготовления пришлось отложить. Марти готова была признать, что день отдыха не такая уж плохая идея, и днем, уложив Мисси спать, она сама с удовольствием вытянулась в постели, укрывшись теплым одеялом. Она чувствовала, что устала, устала по-настоящему, а из-за малыша, который с каждым днем набирал вес, любая работа, которую приходилось

выполнять, становилась еще тяжелее. Марти закрыла глаза и сладко уснула.

И вот наконец завтра Рождество. Ощипанная и выпотрошенная индейка ждет, когда ее нафаршируют и поставят в духовку. Кларк принес из лесу красивых веток, и у Марти получились великолепные венки, которые она связала бечевкой из магазина и повесила на окна и входную дверь. Кроме того, Кларк срубил в лесу небольшую елочку, которую незаметно поставил во дворе. Когда Мисси ляжет спать, они внесут ель в гостиную. Попкорн был уже нанизан на нитки, а из кусочков цветной бумаги Марти сделала гирлянды. В дело пошла даже коричневая оберточная бумага, в которую заворачивали покупки в городском магазине. Шарф был готов, но, разглядывая его, Марти чувствовала смущение и неловкость. Ей казалось, что для Кларка это не самая подходящая вещь. Она сомневалась, что у нее хватит смелости преподнести свой подарок.

«Впрочем, — рассудила она, — когда настанет час, мне придется это совершить, а пока буду лучше думать о том, чем занимаюсь». В этот момент она чистила груды моркови, репы и картошки для рождественского обеда. Затем нужно нашинковать капусту. Тесто для хлеба уже поднималось и было почти готово к выпечке. В горшке вымачивалась фасоль, которую Марти собиралась потушить с копченым окороком. Банки консервированных и маринованных овощей рядами выстроились на полу, ожидая своего часа, а у камина стояла корзина с лесными орехами, которые предстояло поджарить на огне. Мысленно Марти один за другим вычеркивала дела из длинного списка. Пока все шло по плану. Она обвела взглядом окружающее изобилие. Завтрашний день должен удался на славу, а сегодня их ждет еще одно приятное занятие — украшение елки для Мисси и приготовление подарков.

Сегодня Рождество! Марти проснулась раньше, чем обычно, и у нее заранее кружилась голова от предстоящих дел. Нужно приготовить фарш для индейки, взять самые большие горшки и поставить тушиться овощи, достать из кладовки под полом все, что она успела запечь за эти дни, и разморозить своюстряпню. Одеваясь, Марти прикидывала, что еще осталось сделать. В комнате было так холодно, что хотелось поскорее оказаться у печи. Марти проверила, хорошо ли укрыта Мисси, и на цыпочках вышла. В гостиной тоже было не жарко, и она поспешила на кухню. Лампа не горела, значит, Кларк еще не встал. Марти дрожала от холода. У нее заоченели руки, пока она зажигала лампу и терпеливо разводила огонь в печи. Было слышно, как на улице воет ветер. Кухня прогрелась не сразу. Марти прошла в гостиную, чтобы растопить камин. Когда Мисси встанет, в доме должно быть тепло. Когда пламя в камине разгорелось, Марти посмотрела на часы. Без двадцати шесть. Неудивительно, что Кларк еще спит. Обычно он встает в полседьмого. Она не должна терять ни минуты. У нее еще полно дел. Марти подошла к покрытому морозными узорами окну и расчистила небольшое отверстие, чтобы взглянуть, какая погода выдалась на Рождество. Снаружи мела сильная метель. Ветер вихрем вздымал снежные водовороты над огромными сугробами. Валил такой снег, что из окна не было видно даже колодца. Марти сразу поняла, что это настоящая снежная буря. Ей не нужно объяснять, что это значит, поэтому Марти готова была расплакаться от огорчения. От обиды ей хотелось кричать, ругаться, броситься на кровать и разрыдаться. Она ссутулилась, поникла и почувствовала себя усталой и разбитой. Что поделаешь. Сколько ни плачь, буря не прекратится. Вряд ли кто-либо в здравом уме решится бросить ему вызов ради какого-то праздничного обеда. Все рухнуло. Она снова стала вялой и безразличной. Но внезапно Марти словно очнулась. Почему? Почему она должна пасовать перед непогодой?

— Давай-давай, — сердито проворчала она в окно, — можешь завывать сколько хочешь. У нас есть индейка, которая только и ждет, чтобы ее поставили в духовку. У нас полным-полно вкусной еды. У нас есть рождественская елка. У нас есть Мисси. А значит, у нас все равно

будет Рождество! Она вытерла слезы фартуком, расправила плечи и подбросила дров в камин. В этот момент Марти заметила, что рядом сидит Кларк и держит в руках башмаки. Он прокашлялся, и она внимательно посмотрела на него. Она столько трудилась ради этого дня, который так жестоко обманул ее ожидания. Марти надеялась, что Кларк не станет утешать ее, иначе от решимости не останется и следа. Кларк сидел и зашнуровывал свои башмаки, и, подойдя поближе, Марти с улыбкой указала рукой на полный разной снеди буфет.

— Просто не представляю, что нам делать со всем этим? Придется сидеть и есть весь день напролет. Она подошла к буфету и занялась индейкой, которую пора было ставить в духовку.

— Очень надеюсь, что Грэхэм Рождество не застало врасплох. У нас и елка, и еда, а у них, наверное... — Она осеклась и взглянула на Кларка, который смотрел на нее в изумлении, продолжая машинально держать в руке башмак.

Наконец, Кларк слегка покачал головой и вымолвил:

— Матушка слишком умна и опытна, чтобы застать себя врасплох. Она знает, чего можно ожидать от этих краев. Не думаю, что они сидят сложа руки. При этих словах Марти почувствовала облегчение.

— Очень рада это слышать, — сказала она, — а то я уже волновалась из-за бури. Она закончила фаршировать индейку и открыла дверцу духовки.

— Позволь, я помогу, для тебя эта птица тяжеловата, — сказал Кларк и поспешил Марти на помощь. Она не возражала. Пока индейка жарилась, а от плиты шло ровное тепло, Марти поставила кофейник и взяла стул.

— Сначала мне показалось, что вьюга победила, — тихо призналась она, — но ведь она не может победить, если мы сами ей этого не позволим? Кларк ничего не ответил, но, подняв глаза, Марти увидела, что он сочувствует ее огорчению. И, что самое главное, Кларк понимает, чего ей стоило преодолеть его. Внезапно он протянул руку и коснулся ее руки. Потом он мягко сказал:

— Я горжусь тобой, Марти. До этого он никогда не прикасался к ней, не считая тех случаев, когда помогал сесть в повозку или выбраться из нее, и это прикосновение вызвало в Марти теплое чувство. Ей было приятно, что он понимает ее. Надеюсь, что Кларк не заметил ее реакции на этот жест, Марти быстро сказала:

— Индейку придется зажарить целиком, оставшееся потом заморозим. Овощи я переложу в горшки поменьше и приготовлю столько, сколько мы сможем съесть. Остальное может полежать пока на холоде, в подполе. А все, что я напекла, — она со смехом обвела рукой горы сладостей вокруг, — будем есть до самой весны, если, конечно, нам никто не поможет.

— Это меня устраивает, — сказал Кларк. — Я как раз волновался, что приедет целая орава Грэхэм и так набросится на эту вкусноту, что мне, в конце концов, ничего не перепадет. А теперь все достанется мне одному.

— Кларк, — воскликнула Марти в притворном ужасе, — ты, наверное, нарочно молился об этой буре? Никогда раньше она не слышала, чтобы он так от души хохотал, и Марти тоже рассмеялась. Вскипел кофе, и она разлила его в чашки, а Кларк принес сливки. На кухне стало тепло, и, выпив кофе, Марти окончательно согрелась.

— Что ж, — сказала она, поднимаясь настолько проворно, насколько позволяло ей

располневшее тело, — раз такое дело, почему бы не отведать чего-нибудь вкусенького? Все равно придется все это съесть. Что ты хочешь? Кларк выбрал ароматный пирожок с фруктами, а Марти взяла простое песочное печенье. Они пили кофе и обсуждали предстоящий день. Кларк сказал, что пойдет на скотный двор только после того, как проснется Мисси. Ему очень хочется увидеть, как она обрадуется. Позавтракают они позже, чем обычно, а пообедают в полдень. Вечером, чтобы Марти не пришлось весь день стоять у плиты, поужинают тем, что останется. Марти такой распорядок вполне устраивал.

— Когда я был маленьким, мы любили одну игру, — сказал Кларк. — Я сто лет в нее не играл, но она довольно забавная. Нужен лист бумаги или доска, которые можно расчертить, и пуговицы или пробки. Пока ты будешь возиться на кухне, я все приготовлю, и мы сможем поиграть. Время шло, но снег и не думал прекращаться, а ветер не ослабевал, хотя теперь это не имело значения. Кларк и Марти приняли неизбежное и внесли в свои планы необходимые поправки. Когда Мисси из спальни позвала Марти, вместо нее вошел Кларк. Марти осталась в гостиной и, сидя у камина, наблюдала реакцию девочки на рождественские сюрпризы. Мисси не обманула ожиданий взрослых. Она была вне себя от радости и восторга. Девочка вихрем подбежала к елке, увидела носок с маленькими игрушками, бросилась к кукольному дому, потом вновь занялась носком, громко восклицая от восхищения. Наконец, она остановилась, всплеснула ручонками и сказала:

— Какое к'асивое ождество! Кларк и Марти засмеялись, Мисси вновь сорвалась с места и опустилась на колени перед кукольным домиком, внимательно рассматривая его содержимое. Один за другим она осторожно извлекала разные предметы, разглядывала их и ставила на место. Наконец, Кларк неохотно поднялся, чтобы идти на скотный двор. Вьюга продолжала бушевать, поэтому он оделся потеплее. День для работы на скотном дворе предстоял нелегкий, но Кларк был рад, что у животных есть теплое стойло, где они могут укрыться от ветра. Марти с тревогой смотрела ему вслед. Валил такой снег, что загона для скота почти не было видно. Кларк взял с собой Ол Боба, и это немного успокоило Марти, поскольку собака не заблудится даже в метель и, если что, поможет Кларку найти дорогу. Кроме того, он оставил Марти ружье и попросил стрелять в воздух через каждые пять минут, если его долго не будет. Марти всем сердцем желала, чтобы ей не пришлось следовать его указаниям. К ее огромному облегчению, Кларк вернулся раньше условленного времени. Он продрог на ветру, но сказал, что все в порядке.

Марти приготовила завтрак, и они сели за стол. Мисси с трудом удалось уговорить оторваться от новых игрушек, и лишь клятвенные обещания, что она сможет продолжить игру после завтрака, помогли усадить ее за стол. Они склонили головы, и Кларк произнес молитву:

— Господи, порой неисповедимы пути Твои. Благодарим Тебя, Господи, что буран начался прежде, чем Грэхэмы отправились в путь, иначе метель застала бы их в дороге. Это не приходило в голову Марти, но она была полностью согласна со сказанным.

— Благодарим Тебя, Господи, за тех, кто сидит за нашим столом, и да будет благословен день рождения Сына Твоего. Пусть этот день, несмотря на холод, оставит в наших сердцах теплые воспоминания. Спасибо Тебе, Господи, за пищу, которую Ты даровал нам Своей милостью. Аминь.

— Аминь, — сказала Мисси и посмотрела на отца. — Дом, мой дом, — показала она пальчиком, — спасибо — дом. Кларк озадаченно посмотрел на дочь. Марти тоже не сразу поняла, чего хочет девочка.

— По-моему, она хочет, чтобы ты сказал спасибо за кукольный дом, — осенило Марти.

— В самом деле? Хорошо, Мисси, мы помолимся еще раз. Спасибо Тебе, Господи, за кукольный дом для Мисси. Аминь. Мисси была очень довольна и, произнеся «аминь» во второй раз, с энтузиазмом принялась за свой завтрак, все время нежно поглядывая в сторону новой игрушки. Потом они жарили орехи, посидели за игрой, предложенной Кларком, причем Марти неизменно выигрывала, и наблюдали за тем, как играет Мисси. Когда днем малышку уложили отдохнуть, она уснула, крепко сжав в руке кукольный стульчик. Марти занялась приготовлением праздничных блюд. После пробуждения Мисси начался рождественский обед. Марти очень хотелось, чтобы он удался. С того дня, когда она испекла свои первые лепешки, до нынешнего праздничного стола, уставленного всевозможными яствами, прошло немногим более двух месяцев. Марти очень гордилась собой.

После того как они от души насладились роскошной трапезой, Кларк предложил перейти в гостиную и прочесть историю Рождества.

— А ты стала отлично готовить, — заметил он, и Марти почувствовала, что краснеет. — Думаю, матушку Грэхэм твоя стряпня впечатлила бы еще больше, чем меня, — продолжал Кларк. — Мы обязательно пригласим ее к себе в другой раз, чтобы она могла ее оценить. Они уселись в гостиную, Кларк посадил Мисси к себе на колени и открыл Библию. Сначала он читал про ангела, который явился юной Марии, возвестив ей, что она станет матерью Младенца Христа. Он читал о том, как Мария и Иосиф пришли в Вифлеем, где не нашлось места на постоялом дворе, поэтому Младенец Иисус появился на свет в хлеву и лежал в яслях. От ангелов Благоую весть услышали пастухи, которые пришли посмотреть на новорожденного царя. Затем, увидев звезду на востоке, явились поклониться Младенцу волхвы и принесли Ему дары, но вернулись домой иным путем, чтобы защитить младенца Иисуса.

Марти подумала, что ей никогда не приходилось слышать ничего прекраснее этого. Она не помнила, чтобы раньше читала эту историю целиком в том виде, в котором она изложена в Священном Писании. Младенец, который появился на свет в хлеву, был Сыном Божьим. Марти положила руку себе на живот. «Не хотелось бы мне, чтобы мой сын родился в загоне для скота, — подумала она. — Наверное, Богу тоже этого не хотелось, просто для малыша не нашлось другого места. И все же Бог оберегал Его, послал ангелов, чтобы они рассказали все пастухам, и вообще, чего стоили волхвы со своими дарами! Нет, видимо, Господь все же любил Своего Сына». Рассказ поразил воображение Марти, которая ожидала появления на свет собственного первенца, и, моя посуду, она продолжала думать о нем. Прибрав на кухне, она вернулась в гостиную. Кларк отправился в загон для скота, чтобы сделать все необходимое, пока не стемнело. В такую погоду и днем было нелегко найти дорогу.

Марти села и взяла Библию. Ей очень хотелось найти историю Рождества и прочитать ее еще раз, но сколько она ни перелистывала страницы, не смогла найти место, которое читал Кларк. Вместо этого она нашла псалмы и, сидя у огня, стала читать их один за другим. Хотя Марти понимала не все слова и мысли, она чувствовала, что чтение успокаивает ее. Она читала, пока на веранде не послышались шаги Кларка. Марти быстро отложила книгу в сторону. Пора ставить кофе и проверить, что осталось на ужин. В тот же вечер, когда Мисси уже спала, Марти набралась смелости и попросила Кларка прочесть «рассказ» еще раз. Слушая его, она старалась не упустить ни слова. Теперь она уже знала сюжет, поэтому обращала внимание на подробности, не замеченные в первый раз. «Интересно, слышал ли эту историю Клем?» — промелькнуло у нее в голове. Это был такой прекрасный рассказ! «О, Клем! — болью

отозвалось в ее душе. — Как бы мне хотелось провести Рождество с тобой!» Но этому не бывать, и Марти, вздохнув, сосредоточилась на библейском повествовании. Чтение закончилось, и Марти продолжала сидеть молча. Было слышно лишь, как позвякивают ее спицы, поскольку безделье не доставляло ей удовольствия даже в Рождество. Кларк отложил Библию и вышел в пристройку. Он вернулся с небольшим свертком в руках.

— Это в знак благодарности... так, пустяк, — смущенно сказал он и вопросительно посмотрел на Марти, — за все, что ты делаешь для Мисси, и за все прочее. Марти, чувствуя легкое смущение, взяла сверток. Она неловко сняла обертку и обнаружила внутри восхитительный набор: гребень из слоновой кости, щетку и зеркало. Набор украшала сделанная вручную роспись в виде цветочного орнамента в бледно-бежевых тонах. У Марти перехватило дыхание. Она повернула зеркальце тыльной стороной и увидела на ручке буквы «М. Л. К. Д». Ей понадобилась минута, чтобы понять, что это ее инициалы: Марта Люсинда Кларидж Дэвис. Он не только подарил ей этот великолепный набор. Он вернул ей ее имя. На глаза Марти навернулись слезы и потекли по щекам.

— Как красиво, — прошептала она, — очень красиво. Я... я просто не знаю, как тебя благодарить. Кларк понял ее слезы и медленно кивнул. Марти пошла к себе в комнату, чтобы положить подарок на комод. Она вспомнила про шарф. Марти вынула его из ящика и осмотрела. Нет, ее подарок никуда не годится. Он недостаточно хорош для Кларка. И Марти сунула его обратно в ящик.

Глава двадцатая

ВИЗИТ МАТУШКИ ГРЭХЭМ

Вспоминая Рождество, Марти решила, что, несмотря на первоначальное разочарование, день прошел замечательно. Конечно, было бы здорово провести праздник вместе с Грэхэмами, но что поделаешь. Она чувствовала, что все, о чем просил в своей молитве Кларк, исполнилось, и у них останутся теплые воспоминания об этом Рождестве. Буран закончился, ветер стих, и выглянуло солнце. Скот вышел из стойла в открытый загон, а куры отважились покинуть теплый курятник, чтобы немного поразмяться в вольере, обнесенном проволочной сеткой. Ол Боб, которому тоже наскучило сидеть взаперти, кругами носился по двору. Марти с завистью наблюдала за ним. Ей хотелось двигаться так же легко и не чувствовать себя тяжелой и неуклюжей. Впервые за несколько месяцев внимательно рассматривая себя, она обнаружила, что ее руки стали тоньше, чем обычно. Приподняв юбку, она взглянула на ноги. Они тоже похудели. Увеличился только живот. Марти подумала, что ей надо побольше есть. Она и так всегда была слишком хрупкой. Иначе, после того как родится малыш, ее попросту «унесет ветром, если не привязать к земле», как любил шутить ее отец. Правда, пока что Марти достаточно крепко привязана к земле. Ребенок с каждым днем становился всё тяжелее. Она чувствовала себя большой и неловкой, и это ощущение было непривычным и новым. Декабрь, в сущности, подошел к концу, впереди бесконечно долгий январь. Как она его выдержит? Но Марти решила жить сегодняшним днем. Начало января было ясным и безветренным, и это радовало Марти. В последнее время она терпеть не могла ветра, от которого у нее начинался озноб.

Наступил новый год. Что ждет ее в этом году? Прежде всего, конечно, рождение малыша. При мысли об этом она испытывала легкое беспокойство. Марти мысленно обратилась к Богу Кларка с мольбой, чтобы все у нее прошло хорошо. Накануне Кларк снова ездил в город и вернулся помрачневшим. Марти, которая собралась было задать вопрос о его отлучках,

прикусила язык. «Он бы сам сообщил, в чем дело, если бы это касалось меня», — сказала она себе, накрывая стол к завтраку.

«Похоже, новый день нового года принесет с собой что-то хорошее». Выглянув в кухонное окно, она поняла, что это правда. На выгоне она увидела трех робких, грациозных оленей. Марти бросилась в спальню, чтобы разбудить Мисси.

— Мисси, — сказала она, поднимая девочку, — погляди скорей. Марти поспешила назад, в кухню, надеясь, что животные не ушли. Олени щипали траву там, где лошади копытами сбили с земли снег.

— Видишь? — Марти показала малышке оленей.

— Ах, — голос Мисси зазвенел от волнения, — собачки.

— Нет, Мисси, — засмеялась Марти, — это не собачки. Это олени.

— Олени?

— Правильно. Правда красивые?

— Красивые. Тем временем Кларк возвращался со скотного двора. Вокруг него вертелся Ол Боб, гавкая на все, что привлекало его внимание. Олени насторожились, вытянув длинные шеи и напряжив ноги, и как по команде сорвались с места. Легкими грациозными прыжками они пересекли выгон, легко перемахнули через изгородь и вернулись в родной лес. Это было удивительное зрелище, и, когда Кларк вошел в дом, Марти и Мисси все еще стояли у окна.

— Папа! — закричала Мисси. — Олени! Они прыгают!

— Так ты видела оленей?

— Правда они потрясающие? — спросила очарованная Марти.

— Они просто красавцы, вот только довольно надоедливые. Я уже видел их следы. С каждым днем подходят все ближе. Я не удивлюсь, если однажды утром встречу их в коровнике. Марти улыбнулась. Она, наконец, оторвалась от окна и занялась завтраком. После обеда, когда посуда была уже вымыта и убрана, а Марти вышивала распашонку для будущего малыша, она услышала радостный лай Ол Боба. К нам кто-то едет, догадалась она, и этот кто-то не чужой. Марти подошла к окну и увидела, что к дому приближается упряжка Грэхэмов.

— Подумать только! — воскликнула она. — Да это же матушка с Беном. Обрадованная, Марти отложила шитье и бросилась навстречу гостям. Со двора вошел Кларк, который, похоже, не очень удивился соседям. Вместе с Беном он отвел лошадей на конюшню, чтобы покормить их и дать им возможность отдохнуть после нелегкой поездки по заснеженной дороге. Потом мужчины уселись у камина в гостиной и стали обсуждать предстоящий весенний сев, распашку новых земель и другие мужские дела. «Как можно думать о посадках, когда на полях лежат сугробы в три метра высотой?» — удивлялась Марти, ставя кофе. Женщины устроились на кухне. Матушка взяла с собой вязанье, Марти тоже достала носок, который начала вязать для Кларка. Она еще не научилась вывязывать пятку, и помощь матушки пришлось как нельзя кстати. Они поговорили о том, как провели праздник, и о своем огорчении, но обе признали, что, несмотря ни на что, Рождество удалось на славу. Матушка сказала, что они с Беном страшно обрадовались, когда к ним приехал Кларк и пригласил их, если погода не испортится, приехать выпить кофе в первый день нового года. «Так вот оно что, — подумала Марти. — Он

не сказал об этом, поскольку не хотел, чтобы погода вновь нарушила мои планы». Марти почувствовала, что визит гостей тем самым стал для нее еще важнее. Кроме того, матушка рассказала ей, что Джейсон Стерн просто не отходит от Салли, «стоит отвернуться, а он уже тут как тут». Ее глаза затуманились слезами, когда она сообщила, что в сочельник Джейсон явился просить руки Салли Энн, надеясь сыграть свадьбу весной, когда в их края придет священник.

— Конечно, парень он неплохой и вроде бы я должна быть довольна, только уж очень тяжело расставаться с Салли. А ведь ей еще и восемнадцати нет, как раз весной, к свадьбе, и исполнится. Марти вспомнила, как она сама со слезами умоляла родителей разрешить выйти замуж за Клема. В то время ей было столько же, сколько сейчас Салли Энн. В эту минуту она увидела мать и отца другими глазами. Нет ничего странного в том, что они колебались. Они знали, как тяжела порой жизнь. И все же Марти не жалела о том недолгом, счастливом, хотя и нелегком, времени, которое прожила с Клемом.

— Ты представляешь, этот Джейсон уже рубит деревья, собирается строить. Хочет, чтобы к весне у них был и дом, и скотный двор. Работает не покладая рук, и отец ему помогает, а земля будет по соседству с отцом. Конечно, мы с Беном не можем ему отказать, хотя, безусловно, легкого характера и умелых рук нашей девочки нам будет не хватать. Мне кажется, Лаура тоже переживает. Она в последнее время просто сама не своя. Мрачная, рассеянная. Всегда была тихоней, а теперь совсем замкнулась. Признаться, меня это здорово беспокоит. Матушка замолчала и задумалась, вспоминая что-то. Потом, вернувшись в настоящее, она продолжила:

— Теперь первым делом мы должны приготовить для Салли Энн приданое — одеяла, ковры и все остальное. Дел по горло, хватит до самой весны. Решив сменить тему, матушка спросила:

— Как там насчет доктора? — И ее вопрос совершенно обескуражил Марти.

— Какого еще доктора? — растерянно спросила она.

— Как какого? Того самого, которого Кларк собирался привезти к нам в город. Тот, из-за которого он постоянно ездит в город и собирает подписи по всей округе. Ему так хотелось, чтобы док появился здесь до того, как у тебя появится малыш. Увидев, что Марти совершенно ошарашена сказанным, матушка запнулась:

— Он что, ничего тебе не говорил? Марти покачала головой.

— Надеюсь, я не наболтала лишнего, — сказала матушка, — но мне казалось, об этом знает уже весь Запад. Я думала, ты в курсе дела. Но Кларк, видать, не хочет, чтобы ты зря надеялась, а вдруг все будет напрасно. Ты ему, пожалуй, не рассказывай про мой длинный язык, хорошо? — Матушка Грэхэм улыбнулась, выглядя несколько сконфуженной, и Марти молча кивнула в знак согласия. Так вот оно что... Все эти бесконечные поездки в город и еще неизвестно куда, даже в непогоду, из которых Кларк возвращался замерзшим и усталым, были ради того, чтобы к моменту рождения малыша в городе появился врач. Поднимаясь, чтобы поставить кофе, Марти покачала головой. Она постаралась, чтобы матушка не заметила слез, которые навернулись ей на глаза. Ужин на сей раз превратился в настоящее пиршество. Марти вспомнила первый визит матушки, когда было нечего подать к кофе. Чего только не было на столе сегодня: свежий хлеб, джем, разнообразные пирожки, восхитительные пирожные и домашнее печенье. Бен несколько раз похвалил ее кулинарные способности. Она ответила ему, что иначе и быть не может, ведь печь ее учила матушка. Когда проснулась Мисси, девочку тоже усадили за стол, и она немедленно потребовала пряничного человечка. Время за едой и беседой пролетело незаметно. Марти не хотелось отпускать гостей, однако она была

благодарна им за неожиданный визит, а домой нужно успеть вернуться до темноты. После того как Грэхэмы уехали, Марти с энтузиазмом взялась за уборку. Обернувшись к Кларку, она сказала:

— Я так благодарна тебе, что ты пригласил их. Он посмотрел на нее с удивлением, и Марти пояснила:

— Матушка случайно обмолвилась, она думала, что я знала заранее об их приезде. — Марти не удержалась и добавила: — Хотя, похоже, всю ораву, которая набросилась бы на сладости, ты пригласить не решился. Оба засмеялись. Один за другим потянулись холодные январские дни. Кларк продолжал ездить в город или куда-то еще. Марти больше не ломала голову — она не сомневалась, что он делает это ради нее. Марти почти закончила шить приданое для малыша и, разглядывая крохотные распашонки и пеленки, была очень довольна собой. Она радовалась, что у маленького будет столько новых, чудесно пахнущих вещей. Кларк беспокоился, что у них нет колыбели, но Марти считала, что пока кроватка не нужна, поскольку первое время малыш будет спать вместе с мамой. Такое решение устраивало и Кларка, который обещал сделать для дочки кровать побольше, а малышу достанется прежняя детская кроватка Мисси.

Январь подходил к концу, и Марти чувствовала, что пора поделиться своим секретом с Мисси. Она решила сделать это, когда Кларка не было дома.

— Иди к маме, Мисси, — позвала девочку Марти. — Мама хочет тебе что-то показать. Мисси не заставила себя упрашивать. Обычно, когда мама предлагала ей «что-то показать», она бежала со всех ног. Они вместе прошли в спальню, и Марти показала девочке стопку маленьких ползунков и распашонок. Улыбнувшись, она дала ей потрогать то, что лежало сверху, и сказала:

— Видишь, Мисси, это одежда для малыша. У мамы и у Мисси будет маленький. Представляешь, вот такой крохотный малыш. А ты будешь помогать маме ухаживать за ним. Мисси внимательно посмотрела на Марти. Она не вполне поняла, о чем речь, но видела, что мама довольна, а раз мама довольна, должно произойти что-то хорошее.

— Ма'еньки, — повторила Мисси, трогая мягкие распашонки. — У мамы и у Мисси.

— Умница, — обрадовалась Марти. — Маленький у Мисси. Смотри, Мисси, — сказала она, усевшись на свою кровать, — пока наш маленький спит здесь. Она положила ручку Мисси на свой живот, и девочка немедленно ощутила сильный толчок изнутри. Мисси удивленно подняла глаза на Марти и быстро отдернула руку.

— Это наш малыш, Мисси. А скоро он будет спать в маминой постели. Он будет жить вместе с мамой и Мисси, и мы будем одевать его, заворачивать в теплое одеяло, брать на руки и качать. Разумеется, Мисси поняла далеко не все, но уяснила основное. Должен появиться малыш, и мама рада этому. Малыш будет носить маленькие кофточки и штанишки, которые сшила мама, и жить в маминой постели. Ее глаза засияли. Она робко прикоснулась к Марти и повторила:

— Ма'еньки. Марти прижала девочку к себе и радостно засмеялась.

— Мисси, — сказала она, — это будет так здорово! Когда вечером домой вернулся Кларк, Марти заметила в саях под парусиной какой-то непонятный предмет. «Вряд ли там прячется доктор», — подумала Марти недовольно, поскольку неизвестный предмет вновь раздражил ее любопытство. Покормив Дэна и Чарли и подстелив им соломы, Кларк вошел в дом, неся необычное приобретение. Марти не поверила своим глазам.

— Да это же кресло-качалка! — воскликнула она.

— Оно самое, — подтвердил Кларк. — Когда-то я дал слово, что если в этом доме появится еще один малыш, то мы обзаведемся креслом-качалкой, чтобы укачивать его. Говоря это, он улыбнулся, но Марти понимала, что за этими словами и улыбкой скрываются совсем иные чувства.

— Что ж, — весело ответила она, — тогда давай-ка садись и покажи Мисси, как с ним обращаться, чтобы, когда появится малыш, уметь пользоваться этой штукой. — И она тоже улыбнулась. Кларк усадил Мисси к себе на колени и прижал ее к себе. Они успели пару раз качнуться, и малышка вскочила, чтобы посмотреть на диковинное сооружение. Мисси наблюдала, как папа, качнувшись еще пару раз, удовлетворенно откинулся на спинку кресла, наслаждаясь комфортом. Кларку пора было идти кормить скот, и, когда он ушел, Мисси осторожно вскарабкалась на кресло, пытаясь покачаться самостоятельно. «Подумать только! — сказала себе Марти. — Я буду сидеть здесь со своим малышом, таким нарядным и разодетым во все новое, и укачивать его. Рядом, наверное, хватит места и для Мисси. Скорей бы». Похоже, терпение малыша тоже было на исходе, и он так сильно толкнул свою маму изнутри, что у Марти на секунду перехватило дыхание и она даже чуть отступила от буфета, в котором наводила порядок.

Когда Кларк вернулся со скотного двора, Мисси соскользнула с кресла, подбежала к отцу и взяла его за руку.

— Идем, папочка. — Она потянула отца за собой.

— Мисси, погоди, дай мне раздеться, — засмеялся Кларк. — Иду, иду. Едва дождавшись, пока он повесит пальто, Мисси вновь схватила его за руку.

— Папочка, смот'и. Марти думала, что она все еще радуется новому креслу. То же самое, видимо, подумал и Кларк. Но когда он направился к креслу, Мисси потянула его в сторону Марти.

— Смот'и, ма'еньки! — закричала она, указывая на живот Марти. — Это наш ма'еньки. Мама дала пот'огать. Марти вспыхнула, а Кларк усмехнулся.

— Мне кажется, это будет здорово, — взяв дочку на руки, сказал он. — У нас с Мисси появится малыш, и мы станем качать его в кресле. Поэтому, думаю, нам Нужно потренироваться. Давай немного покачаемся, пока мама готовит ужин. Так они и сделали.

Глава двадцать первая

НОВОРОЖДЕННЫЙ

Была середина февраля. Марти и Кларк сидели за столом, оба погруженные в свои мысли. Кларк опустил голову, ссутулившись, и Марти понимала, что он расстроен тем, что его старания не увенчались успехом. Хотя он и добился того, что в городе появится доктор, который будет лечить всех, кто живет в округе, это случится не раньше апреля. Событие же, которого так ждали Марти и Кларк, произойдет гораздо раньше. Марти сидела молча, и ее мысли тоже были невеселыми. Малыш становился все тяжелее, и в последние дни ей было не по себе. Марти не могла сказать точно, в чем дело, но чувствовала: что-то не так. Ей в голову постоянно приходили тревожные мысли. Настало время, когда женщине нужен «настоящий»

муж, человек, которому можно довериться. Если бы рядом был Клем! С Клемом легко было бы, не стесняясь, поговорить обо всем.

— Я тут вот что подумал, — прервал ее размышления Кларк. — Похоже, тебе осталось ждать совсем недолго. Может, тебе будет спокойнее, если мы пригласим матушку пожить у нас и побыть с тобой, пока не родится маленький? О таком Марти и мечтать не смела.

— Ты полагаешь, она согласится?

— А почему бы и нет? Старшие дочери присмотрят за остальными. Салли Энн, насколько я понимаю, как раз пора попробовать самостоятельную жизнь. Я оседлаю лошадь и отправлюсь поговорить с матушкой. Думаю, если она придет, мы не заставим ее долго ждать. «Я тоже очень на это надеюсь», — подумала Марти, испытывая одновременно тревогу и облегчение. Она была так благодарна Кларку за его предложение, что едва сдерживала слезы. Матушка прибыла в тот же день, прихватив тяжелую пуховую перину и несколько лоскутных одеял, чтобы соорудить для себя постель в гостиной. Такие поездки для нее были не редкостью, и рядом с ней будущая мама сразу почувствовала себя гораздо спокойнее. Марти действительно не заставила долго ждать. Спустя два дня, шестнадцатого февраля, приблизительно между тремя и четырьмя часами утра она пробудилась от тяжелого, беспокойного сна. Марти долго ворочалась, но никак не могла улечься поудобнее. Она ощутила растущую тревогу, на смену которой пришли первые схватки. Боли были не слишком сильными и частыми, и Марти сразу поняла, что с ней. Около шести матушка скорее почувствовала, чем услышала, что Марти не спит, и зашла в спальню посмотреть, как она.

— Мне плохо, — простонала Марти. Матушка мягко опустила руку на живот Марти и подождала наступления очередной схватки.

— Отлично, — констатировала она, — схватки ровные и сильные, значит, все идет как надо. Скоро все будет в порядке. Матушка отошла, чтобы проверить, не погас ли огонь, который она разожгла с вечера. Марти слышала, как она подкладывает в печь дрова и наливает воду в чайник и в большой горшок.

— Горячая вода должна быть наготове, — сказала матушка, обращаясь к Марти через открытую дверь спальни. — Возможно, она понадобится не сразу, и все же лучше подготовить все заранее. Ее спокойствие, веселый голос и уверенность бывалой повитухи подействовали на Марти успокаивающе, несмотря на боль от новой схватки. Из пристройки, услышав суету в доме, пришел Кларк. Хотя Марти было очень больно, она заметила, что он бледен и встревожен.

— Успокойся, волноваться не о чем, — услышала Марти голос матушки. — Конечно, она маленькая и худенькая, но с ней и с ребенком все в порядке. Я только что проверяла. Малыш развернут правильно, и все идет как надо. Пройдет немного времени, и ты уже будешь посиживать с ним в этом кресле.

Во время следующей схватки Марти не удержалась от стона, и матушка зашла в комнату, чтобы успокоить ее и положить на лоб холодное влажное полотенце. Когда Марти переводила дыхание и успевала немного расслабиться, она видела Кларка, который, побледнев еще сильнее, сидел на кухне, опустив голову, и беззвучно шевелил губами. Марти знала, что он молится за нее и за малыша, и это успокаивало ее даже больше, чем уверенные руки матушки. Кларк одел Мисси и увел девочку с собой на скотный двор, чтобы она не слышала мучительных стонов своей мамы. Марти старалась изо всех сил, ее лицо от напряжения покрылось каплями

пота. Она пыталась сдерживаться и не кричать во время схваток, которые шли одна за другой. Матушка стояла рядом, подбадривая и успокаивая ее или помогая советом. Время тянулось невыносимо медленно, как для Марти, которая жила от схватки до схватки, так и для Кларка, который в конюшне с помощью Мисси пытался заниматься конской упряжью, о чем матушка сообщила Марти. Медленно шли часы и для самой матушки, хотя ей больше, чем кому-либо, хотелось, чтобы мучения Марти поскорее завершились. Солнце начало клониться к западу. «Неужели это никогда не кончится?» — думала Марти, когда боль отпускала. Она была совершенно измучена. Матушка повторяла, что по своему многолетнему опыту знает: осталось совсем чуть-чуть. Все уже готово. Без четверти четыре Марти пронзительно закричала от боли, и на свет появился маленький мальчик. Всхлипывая, Марти обессилено откинулась на подушки, бесконечно счастливая, что страдания позади и что опытные руки матушки сделают для ее малыша все, что нужно. Когда Марти услышала крик своего сына, она устало, но блаженно улыбнулась.

— Он просто красавец, — сказала матушка, — чудесный, крупный мальчик. Она мигом привела в порядок малыша и его маму и, передав сверток с младенцем Марти, отправилась сообщить хорошие новости Кларку.

— Он родился, — услышала Марти голос матушки во дворе, — и он — настоящее чудо. Затем раздались торопливые шаги Кларка, который, тяжело дыша, вбежал в дом, держа на руках Мисси.

— Как она? — с тревогой спросил Кларк, кивнув на дверь спальни, и опустил Мисси на пол.

— В добром здравии, — ответила матушка. Марти не сомневалась, что матушка чувствовала при этом не меньшее облегчение. — Она потрудилась на славу, — продолжила матушка, — и на свет появился отличный парень. Если ты немного успокоишься и возьмешь себя в руки, я позволю тебе одним глазком взглянуть на него. Кларк снял пальто и раздел Мисси.

— Давай-ка, дочка, немного отогреемся, прежде чем пойдем к маме, — услышала Марти его слова. Они вместе постояли у огня, а потом Кларк подхватил девочку на руки и следом за матушкой вошел в спальню.

Кларк стоял у кровати и смотрел на Марти. Она очень устала и понимала, что после такого длинного и трудного дня выглядит не лучшим образом, и все же улыбнулась ему. Он перевел взгляд на крохотный сверток. Марти протянула малыша Кларку, чтобы он мог рассмотреть его получше. Маленькое личико было еще красным, но малыш действительно был отличный парень. К крохотной щеке он прижимал стиснутый кулачок.

— Он действительно чудо, — сказал Кларк, и в его голосе слышалось восхищение. — Как ты его назовешь?

— Кларидж Льюк, — ответила Марти.

— Прекрасное имя. А почему Льюк?

— Это имя моего отца.

— Он бы гордился, если бы увидел своего внука. И его отец был бы счастлив иметь такого прекрасного сына. Марти кивнула и почувствовала, как при мысли об этом у нее в горле поднимается комок.

— Кларидж Льюк Дэвис, — медленно произнес Кларк. — Очень красивое имя. Ты не возражаешь, если я буду звать его Клэр?

— Конечно нет, — ответила Марти. Она подумала, что у нее не осталось никаких сил возражать. Беседуя, они совсем забыли про Мисси, которая молча сидела на руках у отца, разглядывая странный копошащийся сверток. Наконец, она не выдержала и решила прояснить ситуацию:

— Это ма'еньки? Кларк посмотрел на нее.

— Да, Мисси, это маленький. Это малыш, который родился у мамы. Его зовут Клэр.

— Качать ма'енького? — спросила Мисси.

— Нет, с этим придется немножко подождать, — засмеялся Кларк. — Сначала малыш и мама должны хорошенько отдохнуть. А мы с тобой пока пойдем, чтобы им не мешать. В ответ Марти лишь слабо улыбнулась. Она чувствовала бесконечную радость, к которой странным образом примешивалась печаль, и еще она очень-очень устала. «Да, это действительно была самая тяжелая работа в моей жизни», — подумала Марти, когда Кларк и Мисси ушли. Марти медленно выпила несколько глотков травяного чая, приготовленного матушкой, и уснула. Кларк и Мисси сидели обнявшись в кресле-качалке в гостиной.

— Мисси, давай помолимся за твою маму и за малыша. Девочка кивнула, и Кларк закрыл глаза и сказал:

— Благодарим тебя, Отец наш, за благополучные роды Марти, за чудесного малыша и за то, что Ты помог матушке. Когда он произнес «аминь», эхом отозвался детский голосок.

Глава двадцать вторая

МАТУШКА ОТКРЫВАЕТ СВОЕ СЕРДЦЕ

После появления на свет маленького Клариджа Льюка матушка осталась с Марти еще на несколько дней.

— Прежде чем я уеду, я должна поставить тебя на ноги, — заявила она. — Да и нет у меня сейчас дома никаких срочных дел. Марти была очень рада обществу и помощи матушки. Она страшно беспокоилась за своего новорожденного сына, и ей не терпелось поскорее поправиться и приняться за работу. Она была не из тех, кто любит разлеживаться в постели, и со второго дня после родов умоляла матушку позволить ей встать. Та поначалу неохотно разрешила ей понемногу браться за дела, причем с каждым днем Марти становилась все более деятельной. Мисси, которая восторженно встретила появление малыша, полюбила сидеть у Марти на коленях, когда та укачивала сына в кресле-качалке. В голосе Кларка звучала настоящая гордость отца семейства, когда он говорил:

— Наш кроха уже подрос на полдюйма и прибавил два фунта. Я вижу это даже на глаз. Настал день, когда Марти почувствовала, что в состоянии самостоятельно справиться с домом и детьми. Она не сомневалась, что при всей своей доброте и щедрости матушка беспокоится о том, как без нее идут дела дома. Матушка согласилась с ней:

— Похоже, здесь все пошло на лад. Ты уже вполне можешь сама о себе позаботиться, а значит, все в порядке. Завтра же попрошу Кларка отвезти меня домой. Марти было жаль расставаться,

но в то же время она была рада, что снова станет хозяйкой в доме. Днем женщины сели напоследок вместе выпить кофе, беседуя на самые разные темы. Они говорили о своих близких и о том, каким представляют свое будущее. Матушка переживала, как тяжело ей будет привыкнуть к тому, что Салли Энн покинет семейное гнездо.

— Она еще совсем юная, — сказала матушка. — Но сама понимаешь: как откажешь молодым, если они что-то надумали?

— Она ведь решила это не из упрямства, — возразила Марти. — Она влюблена. Неужели вы сами, матушка, не помните, что значит влюбиться? Как колотится сердце, когда видишь его, и как краснеешь, сама того не желая? С любовью трудно поспорить.. — Да уж, — не сразу ответила матушка. — Как давно это было... Конечно же, я помню, как познакомилась с Торнтоном. Думаю, тогда я вела себя не лучше, чем Салли Энн. — Она усмехнулась, но сразу вновь стала серьезной.

— Матушка, расскажите, что вы чувствовали, когда не стало Торнтонна?

— Когда не стало Торнтонна? — повторила матушка. — С тех пор немало воды утекло. Хотя я и сейчас все помню, разве что боль стала не такой острой. В глубине души мне хотелось умереть, но я не могла себе этого позволить — ведь у меня на руках было трое малышей. Я старалась не сдаваться, хотя все время чувствовала, что я как будто не здесь. Словно какая-то часть меня онемела или умерла.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, — произнесла Марта так тихо, что не знала, услышала ли ее матушка. Повысив голос, она сказала:

— А потом вы познакомились с Беном.

— Да, потом я познакомилась с Беном. Я сразу поняла, что он хороший человек и на него можно положиться.

— И вы влюбились в него? Матушка помолчала, затем покачала головой.

— Нет, Марти, сердце у меня не колотилось и щеки не вспыхивали. Марти внимательно посмотрела на нее.

— С Беном все сложилось иначе. Он был нужен мне, а я — ему. Я вышла за него не по любви, Марти, а ради своих детей и ради его детей. Матушка умолкла и сидела, разглядывая кофейную чашку и вертя ее в руках.

— По правде сказать, Марти... — Тут она вновь замолчала, и Марти почувствовала, что ей тяжело говорить об этом. — По правде сказать, сначала я чувствовала себя словно бы виноватой. Как будто я... распутная женщина, которая ложится в постель с тем, кого не любит. Если бы матушка не была так серьезна, Марти решила бы, что она шутит. Слишком уж не соответствовал облик матушки, спокойной, солидной и искренней женщины, которая верила в Бога и имела одиннадцать детей, представлению о «распутной женщине». Но Марти не засмеялась. Она даже не улыбнулась. Она поняла, что матушка говорит о самом сокровенном.

— Я никогда бы не подумала, — прошептала, наконец, Марти, — мне бы и в голову не пришло, что вы не любите Бена. Матушка резко подняла голову и посмотрела на нее.

— Ради всего святого, девочка! — воскликнула она. — Это было тогда. Теперь я люблю своего Бена, можешь не сомневаться. Он стал для меня хорошим мужем, и, думаю, я люблю его

больше жизни.

— Но когда... когда и как это случилось? — спросила Марти, заинтригованная и немного испуганная тем, что она может услышать. — Вы почувствовали, что у вас колотится сердце и кружится голова? Матушка улыбнулась.

— Нет, ничего такого не было. Видишь ли... Я поняла одну вещь. Любовь Приходит по-разному. Действительно, иногда она налетает как буря, заставляя людей терять головы. Я видела это и прошла через такое сама, но может быть совсем иначе, и это вовсе не значит, что любовь не так сильна и глубока. Понимаешь, Марти, иногда любовь словно подкрадывается к тебе шаг за шагом, без громких слов и ярких флагов. Ты даже не чувствуешь, как она постепенно крепнет, становится все больше и сильнее... И вдруг она захватывает тебя целиком, и ты думаешь: «Как же давно это началось, и почему я не замечала этого раньше?» Марти разволновалась. Было непривычно видеть матушку с такой стороны. Она представила себе молодую женщину, овдовевшую, как она сама, которая, преодолевая страдание, делала все, что могла, для своих детей. И матушка чувствовала себя... виноватой! Марти была потрясена. «Приходится признать, — рассуждала она, — что я бы так не смогла. Спасибо Тому, Кто управляет этим миром, кто бы он ни был, что я не оказалась в подобном положении. Мне пришлось всего лишь стать матерью». Стараясь больше не думать об этом, Марти поднялась, чтобы поставить еще кофе. Ей не хотелось возвращаться к услышанному. Ведь теперь матушка счастлива и ей больше нет нужды чувствовать себя виноватой. Теперь она любит Бена. Она не знает точно, когда полюбила его, но так или иначе это произошло. Любовь шаг за шагом проложила путь к ее сердцу — мягко и неслышно. Марти вздохнула и, оставив эти мысли, сменила тему.

Маленький Клэр превратился в пухлого малыша с ямочками на щеках. Он радостно гукал, если кто-нибудь заговаривал с ним. Мисси очень гордилась своим маленьким «б'атиком». Кларк с удовольствием брал «парня» на руки и покачивался вместе с ним в кресле, если малыша требовалось успокоить или дать ему отрыгнуть после еды, а Марти была занята стряпней или уборкой. К концу дня Марти сильно уставала, но сон ее был крепким, несмотря на то что по ночам приходилось кормить малыша. Кларк работал в лесу не покладая рук. Он сказал Марти, что у них стало слишком тесно и к весне надо разобрать пристройку и расширить дом, добавив к нему еще две спальни. «Не забыл ли он о том, что обещал мне помочь вернуться домой?» — подумала Марти. Впрочем, впереди еще достаточно времени, чтобы напомнить об этом. Было всего лишь первое марта.

Глава двадцать третья

ГОСТИ

Новорожденный дал соседкам отличный повод отложить свои дела и отправиться в гости. Вскоре после появления на свет маленького Клэра Марти пригласила к себе соседей, с которыми раньше не была знакома и которых лишь однажды мельком видела на похоронах Клема. Первой повидать Марти и малыша приехала Ванда Маршалл. Марти отставила в сторону масло, которое сбивала, и сердечно сказала:

— Очень рада, что вы приехали. Ванда Маршалл оказалась миниатюрной молодой женщиной со светлыми волосами. Ее голубые глаза оставались печальными, даже когда она улыбалась. Марти узнала в ней ту, что заговорила с ней в день похорон Клема, пригласив в свой тесный дом. Ванда застенчиво улыбнулась и достала подарок для малыша. Марти распаковала сверток и обнаружила там детский нагрудник, вышитый так замысловато и изящно, что трудно

представить, как можно выполнить такую тонкую работу. Вещь была столь же элегантно и изысканной, как сама Ванда. Марти поблагодарила соседку, выразив свое восхищение вышивкой, но Ванда лишь слегка пожала плечами.

— Мне все равно нечем заняться.

— Боже мой, — сказала Марти, — с тех пор как появился Клэр, мне все время есть чем заняться. Отдохнуть не удается даже по вечерам. Ванда не ответила, оглядываясь вокруг. Наконец, она спросила почти шепотом:

— А мне можно увидеть малыша?

— Господи, конечно! — воскликнула Марти. — Сейчас он спит, и Мисси тоже, но если мы войдем на цыпочках, можно на него посмотреть. А пока он не проснулся и не начал требовать, чтобы его покормили, мы выпьем кофе. Марти провела гостью в спальню. Ванда взглянула на спящую Мисси с растрепавшимися кудрями и раскрасневшимися во сне щеками.

— Какая она хорошенькая!

— Мисси? Да она просто красавица, — с чувством ответила Марти. Потом они подошли к кровати Марти, на которой спал маленький Клэр. Он был завернут в нарядное одеяльце, с любовью сшитое мамиными руками. Его темная головка выглядывала из свертка и, наклонившись, можно было увидеть нежно-розовое младенческое личико с шелковыми, как одуванчик, ресницами, прикрывающими глаза. Его крохотные ручки тоже были видны, и маленький кулачок сжимал уголок одеяла. Марти невольно залюбовалась им и удивилась, что ее гостя ничего не сказала. Подняв глаза, Марти увидела, что та быстро вышла из комнаты. Марти была озадачена. Что ж, есть люди, которых трудно понять. Она нежно поцеловала теплую макушку Клэра и следом за Вандой отправилась на кухню. Там Марти увидела, что молодая женщина стоит, отвернувшись к окну. Марти не спеша подбросила в огонь дров и поставила кофе. Когда Ванда, наконец, медленно обернулась, Марти с удивлением увидела, что гостя с трудом сдерживает слезы.

— Прости, — сказала она, пытаясь улыбнуться. — У тебя замечательный малыш — просто чудо. Ванда села за стол, нервно теребя пальцы, и опустила глаза, разглядывая свои руки. Когда она вновь подняла глаза, Марти подумала, что она выглядит изможденной и гораздо старше своих лет. Еще раз попытавшись улыбнуться, Ванда продолжила:

— Прости, мне действительно неловко. Я не знала, что это так тяжело. Не думала, что буду вести себя так глупо. Я... я бы очень хотела иметь ребенка. Собственного ребенка, понимаешь? И у меня... у меня были дети. Трое. Но все они умерли, два мальчика и девочка... — Голос Ванды задрожал. Потом ее лицо окаменело.

— Все эта проклятая страна! — взорвалась она. — Если бы я осталась на Востоке, у себя дома, все вышло бы иначе. У меня была бы семья: Джоди, Эстер и Джосая. Все из-за этих страшных мест. Посмотри, что Запад сделал с тобой. Ты потеряла мужа и вышла замуж за совершенно чужого тебе человека, только чтобы выжить. Это ужасно, это просто отвратительно! И молодая женщина захлебнулась душераздирающими рыданиями. Ошеломленная Марти застыла, держа в руках нарезанный кекс. «Господи, — подумала она, — бедняжка! Что же мне делать?» Она глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, подошла к Ванде и ласково положила руку ей на плечо.

— Мне так жаль, — мягко сказала Марти, — мне очень-очень жаль. Я просто не представляю, что было бы со мной, если бы я осталась без Клэра... Не знаю, смогла ли бы я это пережить. Она не стала говорить о том, что потеряла Клема. Горе этой женщины было совсем не таким,

как у Марти, у него был иной привкус. Марти продолжила:

— Я не могу себе представить, что значит похоронить троих детей, но я знаю, как тебе больно. Марти обняла Ванду за плечи и привлекла ее к себе.

— Я понимаю, как тяжело, как горько потерять того, кто так дорог тебе, но я знаю и еще одно — не стоит во всем винить Запад. Это могло случиться где угодно, в любом месте. Женщины, которые остались на Востоке, тоже теряют своих детей. Ты не должна ненавидеть эту страну. Это прекрасная страна. А ты еще молода, и у тебя впереди целая жизнь. Не позволяй тому, что случилось, сломить себя. Что толку рвать себе сердце из-за того, что никто уже не сможет изменить! Ванда немного успокоилась и сидела в объятиях Марти, прислушиваясь к ее целительным словам.

— Жизнь будет такой, какой ты сама ее сделаешь, — продолжала Марти. — Любой женщине трудно вынести такое горе — похоронить троих детей. Но повторю еще раз — ты так молода. Может быть... — у нее чуть не сорвалось «может быть, Бог Кларка», — пройдет время, и у тебя будут еще дети. Просто не сдавайся и не теряй веры, и тогда... Марти замолчала. «Ну и ну, я и не знала, что могу сказать такую длинную речь».

— Кстати, — пришла в голову Марти новая мысль, — ведь у нас в городе скоро появится доктор и, может быть, с его помощью... Она остановилась, решив не продолжать. Ванда успокоилась окончательно. Посидев еще чуть-чуть, прижавшись к Марти, она медленно выпрямилась.

— Извини, — сказала она, — я вела себя глупо, я знаю. Ты очень добрая и смелая. И ты абсолютно права. Я... со мной все будет в порядке. Я очень рада... насчет доктора.

Кофе поднялся угрожающей шапкой, и Марти бросилась спасать его. За кофе и кексом Марти стала расспрашивать Ванду о ее прошлом. Ванда рассказала Марти, что она «городская девочка», получившая хорошее образование и воспитание и, наверное, немного избалованная. Она до сих пор не понимает, как ей взбрело в голову отправиться на Запад. Ванда покачала головой, словно недоумевая, как это могло случиться. В спальне завозился Клэр. Марти принесла его на кухню и начала кормить, продолжая беседовать с Вандой. Не зная, как может подействовать на Ванду присутствие малыша, Марти хорошенько завернула его в одеяло. Ванда рассказывала о том, что ей совершенно нечем заняться. Она хорошо шьет и вышивает, как было уже известно Марти, но ей не для кого это делать. Она не умеет собирать лоскутные одеяла, не вяжет ни крючком, ни на спицах, а готовить просто терпеть не может и старается заниматься стряпней как можно меньше. Она любит читать, но те несколько книг, которые у нее есть, она прочла уже столько раз, что знает их наизусть, а достать новые негде. Марти предложила научить ее вязать спицами и крючком и шить одеяла, если, конечно, у Ванды есть желание.

— Ты правда можешь меня научить? — воодушевилась Ванда. — Я так люблю учиться.

— С удовольствием, — весело ответила Марти. — Приезжай в любое время, и начнем. Клэр закончил сосать и принялся беспокойно копошиться. Марти занялась малышом, придерживая его так, чтобы он мог отрыгнуть после еды. Ванда тихонько засмеялась и мягко сказала:

— Можно мне подержать его минутку?

— Ну конечно, — ответила Марти. — Можешь покачаться с ним в кресле. Он уже все равно избалован, привык, что его все время качают. Ванда робко взяла малыша и села в кресло-качалку, прижав ребенка к себе. Марти принялась убирать со стола. Через несколько минут проснулась Мисси и позвала маму. Когда Марти направилась в спальню, она увидела, что

Ванда с малышом на руках тихонько покачивается в кресле, глаза ее полны любви и нежности, при этом маленький Клэр тоже выглядел очень довольным. «Бедняжка, — сжалось сердце Марти. — Какая же я счастливая!»

Следующей приехала матушка Грэхэм, которая привезла для малыша чудесный вязаный платок. Марти призналась, что никогда не видела подобной красоты. С собой матушка захватила младших детей. Все они сгорали от нетерпения повидать нового маленького соседа. Матушка задумчиво наблюдала, как Салли Энн с сияющими глазами прижала малыша к себе. Детям было позволено по очереди подержать Клэра на руках, и они брали его с величайшей осторожностью, даже мальчики, поскольку хорошо знали, что с малышами надо обращаться как с настоящим сокровищем. Марти угостила всю компанию обедом, и остаток дня пролетел до невозможности быстро. На следующий день в дверях появилась бедно одетая незнакомка с двумя так же плохо одетыми маленькими девочками. В ответ на приглашение Марти пройти в дом женщина молча сунула ей небрежно запакованный маленький сверток. Марти поблагодарила и, развернув подарок, обнаружила, что ей преподнесли еще один детский нагрудник. Он, правда, не имел ничего общего с тем, что подарила Ванда Маршалл, наоборот, он выглядел полной его противоположностью. Ткань была грубой, наверное, нагрудник выкроили из остатков выношенной рабочей одежды, хотя стежки наложены ровно и аккуратно. Нет ни вышивки, ни какой-либо иной отделки. Материя помята, видимо, от прикосновений рук. Несмотря на все это, Марти от души поблагодарила женщину и еще раз пригласила всех троих войти. Они робко прошли в дом, дружно потупив глаза и смущенно шаркая ногами.

— Кажется, мы раньше не встречались, — нерешительно сказала Марти.

— Меня зовут... — пробормотала женщина, по-прежнему не поднимая глаз. Марти не разобрала имя — не то Рина, не то Тина, но услышала фамилию Ларсон.

— Так вы миссис Ларсон. Уставившись в пол, женщина кивнула.

— А это ваши дочери? Те, о которых зашла речь, густо покраснели. Возникло ощущение, что больше всего на свете девочкам хотелось зарыться в складки измятой материнской юбки.

— Это Нандри, а это Клэ. Марти не решилась переспрашивать, хотя сомневалась, верно ли она расслышала имена девочек. Пока варился кофе, Марти собралась с духом и предприняла еще одну попытку завязать разговор: — Неплохая погода для первого марта. Женщина кивнула.

— Ваш муж валит деревья в лесу? Соседка отрицательно покачала головой.

— Он немного захандрил, — промолвила она, наконец, теребя сложенные на коленях руки.

— Вот как, — ухватилась за ее слова Марти, надеясь установить контакт с замкнутой гостьей. — Мне очень жаль это слышать. Чем он захворал? Миссис Ларсон слегка приподняла плечо, очевидно желая сказать, что для нее это загадка. «Так вот оно что», — огорченно подумала Марти, догадавшись, что, видимо, ее муж равнодушен к выпивке.

— Хотите взглянуть на малыша? — спросила она. В ответ все трое закивали. Марти поднялась.

— Сейчас он спит. Идемте. Она поняла, что нет нужды просить гостей вести себя потише. Самым громким звуком, который издавала эта бесплотная троица, было дыхание. Они подошли к кровати, на которой спал малыш, и все три посетительницы на мгновение оторвали глаза от своих потрепанных башмаков, бросив быстрый взгляд на ребенка. При этом в глазах у девочек, как показалось Марти, мелькнул проблеск интереса. Впрочем, возможно, это лишь плод ее

фантазии. И Марти провела троицу обратно в кухню. Никогда в жизни Марти так не радовалась кофейнику. Она предложила гостям печенья, и они застенчиво взяли по штучке, но ели очень медленно, по-видимому, стараясь растянуть удовольствие. У Марти создалось впечатление, что им не часто доводится отведать вкусную выпечку. Она взяла пакет и насыпала в него побольше печенья, чтобы гости взяли его с собой.

— Нам самим все равно никогда столько не съесть, — заверила она девочек, избегая взгляда их матери. Ей не хотелось обижать бедную женщину. Не поднимая глаз, они чуть слышно попрощались и ушли так же тихо, как и появились. Марти подошла к окну и посмотрела им вслед. Они брели через сугробы, которые делали дорогу почти непроходимой даже для лошадей. На улице было холодно, дул сильный ветер. Марти обратила внимание, что миссис Ларсон и ее дочери для такой погоды одеты недостаточно тепло. Она смотрела, с каким трудом они пробираются сквозь снег и ветер, зябко кутаясь в свою слишком легкую одежду, и на глаза ей навернулись слезы. Марти взглянула на подарок, который они принесли, и он показался ей подлинным сокровищем.

Хильди Стерн и миссис Уотли приехали вместе. Хильди была доброжелательной дамой средних лет. Марти решила, что эта женщина, конечно, не такая мудрая, как матушка Грэхэм, но тоже очень приятная соседка. Миссис Уотли (ее имя Марти не расслышала) выглядела плотной и упитанной. Она, похоже, была не слишком расположена к лишним физическим усилиям и, когда Марти предложила пройти в спальню, чтобы взглянуть на малыша, немедленно спросила:

— Почему бы тебе не принести его сюда, дорогая? — Они решили подождать, пока Клэр проснется. Обе дамы привезли по свертку. Хильди Стерн подарила Клэру маленький, связанный на спицах свитер, который привел Марти в восторг. Миссис Уотли преподнесла малышу еще один нагрудник. Он был аккуратно сшит, прост и непритязателен и, безусловно, не окажется лишним, как и предыдущие. Марти от души поблагодарила за подарки. Женщины выпили кофе, при этом миссис Уотли очень понравились домашние печенье и кекс, которые испекла Марти, и гостья громогласно выразила свое восхищение. Затем дамы внимательно осмотрели малыша, щедро расточая ему похвалы, которые были столь милы сердцу молодой матери. После этого миссис Уотли обернулась к Хильди Стерн, говоря:

— Думаю, ты можешь идти за упряжкой, а я подожду тебя у крыльца. На этом их визит завершился.

Последней из соседок, живших достаточно близко, чтобы позволить себе поездку по зимним дорогам к новорожденному, была миссис Викерс. Она приехала с сыном. Сим отправился ставить лошадей на конюшню, а его мать поспешила в дом. Не успела Марти открыть дверь, как миссис Викерс начала без умолку болтать.

— Боже мой, ну и зима нынче выдалась! Хотя, могу сказать, на моем веку встречались зимы и пострашнее, однако бывали и получше, можешь мне поверить. Я слышала, у тебя появился маленький. Должно быть, он от первого мужа? Я сразу так решила, как только узнала. Ведь второй раз ты вышла замуж совсем недавно. Как малыш? Говорят, он здоровенький, а это самое главное. Нет ничего важнее здоровья, я всегда это говорю. Было бы здоровье, все остальное приложится. Она стряхнула снег с обуви и прошла в кухню.

— Ты подумай, как же тебе повезло — смотри, как здесь уютно! Куда лучше, чем в твоём фургоне. Немногие женщины в округе могут похвастаться таким домом, а ты получила все, как

на блюдечке. Ну что ж, показывай своего малыша. Марти вежливо предложила выпить кофе, пока Клэр спит, и миссис Викерс не стала отказываться. Она уселась за стол, облизывая губы, словно смазывая хорошо отлаженный механизм, чтобы он работал еще лучше. Марти во время беседы могла лишь время от времени кивать. Она подумала, что это не так уж и плохо, поскольку, будь у нее возможность что-нибудь произнести, она сказала бы своей гостье нечто не вполне подобающее. Между куском кекса и глотком кофе миссис Викерс изрекла следующее:

— Джедд Ларсон — настоящее ленивое ничтожество, ни на что не годится. Вечно берется за работу, когда уже пора ее заканчивать, если, конечно, речь не идет о том, что бы выпить, закусить или детей делать, — у них родилось уже восемь, да выжили только трое, пятерых похоронили. А жена его вечно такая перепуганная и тихая, словно мышь. Конечно, никто в округе к ним никогда... Марти немедленно обещала самой себе, как только погода станет получше, съездить навестить миссис Ларсон.

— А эти Грэхэмы? Видала ты когда-нибудь, чтобы в семье было столько детей? Это просто что-то неслыханное. Плодятся как кролики, просто шагу не ступить... Марти почувствовала, что ей все труднее сдерживаться.

— Ас этой неженкой миссис Маршалл ты уже знакома? Я так считаю: оставалась бы эта маменькина дочка со своими распрекрасными манерами у себя дома. Ведь она даже собственных детей уберечь не смогла, а если не можешь вырастить детей, что тебе делать на Западе? Хотя, но это между нами, здесь ей заняться совершенно нечем. Она и гостей-то принять не может как следует. Я к ней приехала, так, по-соседски, когда умерли ее дети, хотела ей объяснить, что у нее не так. Представь себе, она со мной, видите ли, разговаривать не захотела... «Бедная Ванда», — подумала Марти, переживая за новую подругу.

— Ну, я и решила к ней больше ни ногой. Хильди и Мод к тебе уже заезжали? Хильди — соседка неплохая, хотя и со странностями, не стану уж про них рассказывать. Мод Уотли, та — другое дело, она лишний раз не пошевелится, а ведь не всегда была такой толстухой. Она мужа своего подцепила, когда работала в танцевальном зале, — ей, конечно, не хотелось, чтобы об этом знали, но тем не менее это так. А в городе ты уже была? Марти покачала головой, а гостья продолжала тарыхтеть:

— Когда соберешься, имей в виду, ничего не рассказывай миссис Макдональд, иначе об этом тут же узнает вся округа. Язык у нее — как помело. Кроме того, Марти узнала, что к миссис Станден, которая живет в городе, по воскресеньям наведывается поклонник.

— Готова поспорить, что священнику, который нас посещает, есть что скрывать, а может быть, он даже намерен кое-где осесть. — Миссис Викерс понизила голос, словно кто-то мог подслушать эту страшную тайну.

— У Крафтов скоро появится ребенок, уже пятый... Милт Коннерс, местный холостяк, с каждым днем ведет себя все более странно. Ему явно пора жениться, для его же пользы, вместо этого он норовит раздобыть выпивку, никто не знает где, хотя у меня есть кое-какие подозрения. Она говорила без умолку, словно ходячая газета. Новый доктор приедет в апреле. Люди говорят, что Кларк ему заплатил. Что ж, доктор нужен всем. Будем надеяться, что он окажется хорошим специалистом и едет сюда не только для того, чтобы заработать на чужих несчастьях. Салли Энн выходит замуж за Джейсона Стерна. Скорее всего, их семьи еще не раз будут женить своих детей в ближайшее время. Наконец, гостья остановилась, чтобы перевести дыхание, и Марти спросила, почему Сим не зашел в дом, ведь в конюшне холодно и он наверняка замерз и устал ждать. Марта решила, что передаст ему с миссис Викерс ломтик

кекса и пару коврижек. Соседка, должно быть, поняв намек, поднялась и направилась к двери, продолжая без передышки говорить. У Марти кружилась голова и шумело в ушах. На малыша гостя так и не взглянула.

Глава двадцать четвертая

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Мартовские дни были нелегкими для Кларка. Марти видела, как от зари и дотемна он не покладая рук валит лес, а после этого еще работает на скотном дворе. Каждый вечер за ужином Кларк подсчитывал, сколько бревен он заготовил для пристройки к дому, и вместе они прикидывали, сколько понадобится еще. У Марти тоже не было свободного времени. Весь день занимали хлопоты по хозяйству и забота о малыше и Мисси. Стирки прибавилось, и Марти едва успевала высушить белье, чтобы освободить место для следующей партии. По вечерам, уложив детей, Кларк и Марти с удовольствием садились отдохнуть у камина. Марти шила лоскутное одеяло или вязала, а Кларк читал, чертил план будущей постройки или что-нибудь чинил. Марти все больше нравилось беседовать с Кларком. Порой она просто не могла дожидаться вечера, чтобы поскорее рассказать о том, что случилось за день, и о своих разговорах с Мисси. Много вечеров Кларк провел мастеря кровать для дочки, чтобы растущий не по дням, а по часам Клэр мог занять ее прежнее место. Марти с удовольствием наблюдала за его работой. Кларк ловко управлялся при помощи простых инструментов, послушных его умелым рукам. Марти старательно собирала из лоскутков одеяло для новой кровати и чувствовала удовлетворение от того, что была причастна к общему делу. Во время работы они разговаривали о людях и событиях, которые были частью их небольшого мира. Ранняя осень и долгая зима заставили животных в поисках пищи спуститься с холмов. В последнее время по ночам все ближе к дому подходила пара койотов, и Кларк и Марти посмеивались над беднягой Ол Бобом, который, заслышав непрошенных гостей, устраивал настоящий переполох. Зимой соседи виделись нечасто, поэтому новостей было немного. Кларк сказал, что в городе началась корь, однако тяжелых случаев не наблюдалось. Они говорили о весенних посадках и о том, как обставят новую спальню, надеясь, что весна не заставит себя долго ждать. Они смеялись над Мисси, которая по-матерински опекала своего «б'атика Клэ'а». У них не было каких-то особых тем для бесед, но постепенно, сами того не осознавая, Кларк и Марти все лучше узнавали друг друга. Их чувства, мечты, надежды и даже вера незаметно сближались день за днем.

Однажды вечером, когда Марти шила лоскутное одеяло, а Кларк шлифовал спинку кровати, разговор зашел об отрывке из Священного Писания, который Кларк прочел за завтраком. Марти, не готовая к восприятию подобных вещей, считала, что очень многое в Библии трудно понять. Кларк уже рассказал ей о Мессии, который должен был явиться евреям. Но еврейский народ ожидал от Мессии совсем другого. Евреи считали, что Он освободит их от притеснителей, Он же пришел, чтобы освободить людей от эгоизма и греха. Они жаждали великого земного царства, а Он открыл путь в Царство Небесное. Постепенно Марти начала понимать кое-что про Мессию, но по-прежнему многие вопросы оставались без ответа.

— Ты правда думаешь, что Бог, Который управляет целым миром, знает о тебе? — прямо спросила она.

— Я уверен, что да, — просто ответил Кларк.

— Но почему ты так уверен? Кларк задумчиво посмотрел на Библию, которая лежала на своем месте, на полке у стола.

— Я верю тому, что говорит Библия, а там написано, что Он знает. И еще потому, что Он слышит мои молитвы.

— Ты хочешь сказать, Он дает тебе то, что ты просишь? Кларк на минуту задумался, а потом покачал головой.

— Не совсем так. Он просто помогает мне обходиться без того, что я прошу. Марти тряхнула головой.

— Звучит странно. Кларк взглянул на нее и сказал:

— По-моему, не так уж странно. Часто люди просят то, что им совсем не нужно.

— Например?

— Например, хороший урожай, новый плуг или еще одну корову.

— А если ты лишился чего-то, без чего вообще не можешь жить? Кларк не задумываясь спросил:

— Ты имеешь в виду Клема и Эллен? Марти, помедлив, кивнула.

— Он не может исцелить боль, но Он помогает пережить ее.

— Если бы кто-то мог мне помочь!

— Он рядом с тобой, и, думаю, помогает тебе больше, чем ты думаешь.

— Но я даже не умею просить Его об этом.

— Это делал я.

Глава двадцать пятая

ПОЖАР

Шестнадцатого марта маленькому Клэру исполнился месяц. Он был замечательным малышом, но Кларк все время напоминал:

— Вот когда у него пойдут зубы... В ответ Марти выражала надежду, что Кларк преувеличивает. Впрочем, сам Кларк тоже от всей души надеялся на это.

— С Мисси тогда творилось что-то страшное, — говорил он Марти. В тот день, несмотря на явное наступление весны, снова похолодало. Судя по всему, приближалась буря. Рано утром Кларк уехал, чтобы пополнить кое-какие запасы. Он вернулся раньше обычного. Буря еще не началась. Миссис Макдональд прислала для малыша маленький сверток. Марти обнаружила в нем очередной нагрудник. Она расхохоталась.

— Должна сказать, что нагрудниками мой сын обеспечен. Когда у него, наконец, начнут резаться зубы и он станет пускать слюни, мы будем во всеоружии. Кларк рассмеялся вместе с ней. Кровать для Мисси была уже готова и стояла в спальне, а маленькую кроватку перенесли в гостиную, где днем малышу теплее. Теперь он чаще бодрствовал и любил лежать и смотреть вокруг, непрерывно размахивая в воздухе маленькими кулачками. По ночам Марти

продолжала укладывать его в свою постель. Когда день подошел к концу и наступил вечер, Кларк и Марти заметили, что ветер переменялся.

— Похоже, буря нас миновала, — сказал Кларк. Эта мысль обрадовала их, ведь уже в который раз надежды на раннее наступление весны оказывались напрасными. Погода по большей части была холодная. Снегопады не прекращались, а порывистый северный ветер делал бесконечную зиму еще более безотрадной. Поскольку Кларку пришлось торопиться во время поездки в город, а Марти весь день занималась стиркой детских вещей и пекла хлеб, оба они устали к концу дня. Кларк пожелал Марти доброй ночи и направился к себе в пристройку. Вытянувшись в постели, Марти потеплее укуталась в одеяло. Маленького Клэра она недавно покормила, и он спокойно спал у нее под боком. Когда она увидела, что над ней склонился Кларк, ей показалось, что она еще не успела уснуть. Кларк торопливо натягивал куртку.

— Скотный двор горит. Никуда не уходи. Я пошел туда. — И ушел. Мысли сонной Марти путались. Может, это ей просто приснилось? Нет, Кларк на самом деле только что был здесь. Что ей делать? Казалось, прошла целая вечность, прежде чем она, наконец, смогла пошевелиться, хотя на самом деле прошло несколько секунд. Она выбралась из постели и, убедившись, что Клэр и Мисси спят, неодетая, не тратя время даже на то, чтобы натянуть домашние носки, бросилась к кухонному окну. Еще не отдернув штору, она уже видела красные отблески бушующего пламени. Зрелище, представшее глазам, привело ее в ужас. Крыша загона для скота пылала. Огонь поднимался высоко к темному небу. Над пламенем клубился густой дым, и на фоне всего этого был виден силуэт Кларка. Он распахнул дверь загона, и оттуда тоже повалили клубы дыма.

Когда до Марти дошло, что он ей сказал, и она увидела, что Кларк вот-вот войдет в ад, она услышала собственный прерывающийся от страха и отчаяния голос:

— Нет, Кларк, нет, пожалуйста, не ходи туда... — Но он вошел — ведь там остался скот.

— Мы заведем других коров и лошадей, — умоляла она. Марти стояла у окна, умирая от страха. Она напряженно вглядывалась в дым и молилась, молилась изо всех сил. Несколько минут показались ей вечностью. Наконец, из дыма вынырнул Чарли (а может быть, Дэн?) и следом, встав на дыбы, вторая лошадь. Сразу за ними показалась верховая лошадь, которая, обезумев, мотала головой, волоча за собой повод. Она мчалась, ничего не соображая, пока с грохотом не ударилась об изгородь, отпрянула и начала в неистовстве метаться. Марти, не отрываясь, смотрела на дверь загона.

— О Кларк, ну пожалуйста! Господи, если Ты меня слышишь, сделай так, чтобы он вышел, — шептала она, стиснув зубы. Но вместо Кларка в дверном проеме показалась корова, потом вторая и третья.

— Господи! — заплакала Марти. — Ему оттуда не выйти. Теперь огнем были охвачены и стены загона. Языки пламени жадно лизали бревна и угрожающе тянулись к открытой двери. И тогда она увидела Кларка, который, держа в руках упряжь, спотыкаясь, выбрался из загона и, шатаясь, подошел к изгороди. Она видела, как он ухватился за изгородь, чтобы не упасть, и отнял от лица мокрое полотенце, которое, должно быть, успел схватить по дороге.

— Боже мой! — закричала Марти и без сил рухнула на холодный кухонный пол. Она почти не помнила, что было дальше. Ночь прошла как в тумане. С Кларком все было в порядке, но загон сгорел. Откуда-то появились мужчины, живущие по соседству. Они тушили пожар снегом и водой, чтобы огонь не перекинулся на соседние постройки. Тут же были женщины, которые

суетились вокруг нее, разговаривали, помогали мужчинам, готовили сэндвичи и кофе. От эмоционального перенапряжения Марти словно оцепенела. Кто-то принес малыша Клэра.

— Он просит есть, — услышала Марти, — пора его покормить. Это она была в состоянии понять и сделала то, что ей сказали. Когда наступило утро, на месте скотного двора тлела груда углей, но сараи остались целы. Люди с усталыми, испачканными копотью лицами уселись вокруг наспех разведенного во дворе костра выпить кофе с сэндвичами. Их обувь и одежда покрылись коркой льда, и, сжимая горячие кружки, они пытались отогреть руки. Они негромко переговаривались. Все понимали, что значит лишиться скотного двора и кормов, когда зима еще в разгаре. Потом мужчины, которым не терпелось вернуться домой и снять с себя обледеневшую одежду, забрали своих жен и разъехались восвояси. Когда последняя повозка отъезжала со двора, показался Джедд Ларсон. Марти услышала раздраженный шепот:

— Старина Джедд явился. Этот и на собственные похороны опоздает. Джедд, который приехал, когда все уже было закончено, налил себе чашку кофе и взял сэндвич. В отличие от соседей, торопившихся по домам, он был явно настроен поболтать.

«Бедный Кларк, — подумала Марти, бросив тревожный взгляд из кухонного окна. — Он выглядит совершенно измученным. Весь в золе и копоти, продрог до костей, а теперь Джедд, похоже, хочет заговорить его до смерти — надо же быть таким бестолковым! Нет, этого я не допущу». И, накинув шаль, она решительно направилась во двор.

— Мистер Ларсон, — ровным голосом обратилась она к гостю. — Очень мило с вашей стороны, что вы приехали помочь нам. К счастью, теперь уже, спасибо соседям, все в порядке. Вы уже выпили кофе? Прекрасно! Мне очень жаль прерывать вашу беседу, но боюсь, что моему мужу пора домой, если вы не возражаете. Она впервые назвала Кларка своим мужем, и чашка Кларка замерла на полпути ко рту, но он ничего не сказал. Марти выразительно кивнула на дверь, и Кларк, поблагодарив Джедда, направился к дому.

— Передайте от нас привет вашей жене, — сказала Марти. — Мы не хотим вас задерживать, ведь дома вас ждут дела. Обязательно приезжайте еще, когда будет время. И возьмите с собой всю семью. Еще раз спасибо. Хорошие соседи — великое дело. Извините, но мне пора к детям. Всего доброго, мистер Ларсон. И, наблюдая через плечо, как Джедд Ларсон залезает в повозку, Марти направилась к дому. Она обратила внимание, что фургон до сих пор не поставлен на полозья. Наверняка он собирался сделать это, но не успел. Марти вошла в дом и обнаружила там озадаченного Кларка.

— Я думал, что Мисси ждет меня, чтобы я приласкал и успокоил ее, а она до сих пор спит как сурок. Клэр, правда, не спит, но он вроде бы тоже в порядке. — Кларк с улыбкой указал на довольного малыша в кроватке. — Похоже, я тут никому не нужен, — усмехнувшись, добавил он. Марти посмотрела на него и увидела, что его губы потрескались от жара и кровоточат. Всю ночь она стойко держалась, сходя с ума от волнения, объясняла соседкам, где что лежит, и делала все необходимое. Она сдерживалась, чтобы не устремиться в пекло. Ей хотелось убедиться, что с Кларком действительно все в порядке. Если бы она знала, кто виноват в том, что произошел пожар, она задушила бы негодяя голыми руками. Как вышло, что несчастье случилось с человеком, который работал не покладая рук, помогал соседям, был терпелив и никогда не выходил из себя; с тем, кто не пил и был так добр к своим близким, кто верил в Бога и каждый день молился Ему, кто жил по слову Священного Писания? «Но почему, почему все это должно было случиться именно с Кларком? — горевала она. — Почему это не произошло с ленивым Джеддом Ларсоном или... или...» Пережив эту страшную ночь и видя перед собой целого и невредимого Кларка, Марти не могла больше сдерживаться. Она отвернулась, уткнулась в стену и разрыдалась.

Она почувствовала, как Кларк обнял ее за плечи, мягко развернул и привлек к себе. Он обнимал ее как ребенка, глядя длинные волосы, рассыпавшиеся по плечам. Кларк ничего не говорил, просто позволил ей выплакаться у него на груди. Наконец, смятение утихло и Марти перестала плакать. Вытерев лицо фартуком, она спросила:

— Кларк, что же нам теперь делать? Он ответил не сразу, а потом заговорил. Его голос звучал спокойно и уверенно:

— Мы будем молиться, и Господь даст нам необходимое и поможет обойтись без того, что нам не нужно. Марти подошла к столу, и они вместе склонили головы. Потом Кларк взял Библию, открыл ее и начал читать:

— Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться... Когда в то утро Кларк после утренней работы пришел завтракать, Марти узнала, что коровы, испугавшись, убежали. Лошади тоже исчезли. Загон для свиней и курятник уцелели, невредимы оказались и их обитатели. Кларку нелегко было найти корм, не трогая драгоценные запасы зерна для посева, которые уцелели после пожара. Нужно было чем-то кормить и остальной скот, редевший от голода под навесом, но корма больше не было. Все сгорело.

— Пока что я сделал все что мог, — пожав плечами, сказал Кларк. Марти беспокоили его потрескавшиеся губы и руки, покрытые пузырями от ожогов, но Кларк мягко отмахнулся.

За завтраком Мисси вела себя, вопреки обыкновению, очень тихо, чувствуя по виду мамы и папы, что что-то не так. Терпению Марти пришел конец, и она спросила:

— Что ты собираешься делать?

— Для начала съезжу к Бену, — по-деловому ответил Кларк. — Бен говорил, что с удовольствием возьмет пару коров. Он будет кормить их в обмен на молоко от той, которую можно доить. Когда у меня снова появится корм, мы заберем их назад.

— А что с остальным скотом?

— Пятнадцать голов продадим.

— А свиньи?

— С ними тоже придется расстаться. Оставлю одну молодую свиноматку, может быть, пару.

— Чем ты будешь их кормить?

— Зерно для посевов осталось. То, что в закромах рядом со свинарником. В этом году не стану засеивать новое поле, как собирался. Зерна как раз хватит, чтобы прокормить свиней до весны.

— А лошади?

— Лошади найдут себе пищу сами даже зимой. Они могут разгребать снег копытами. А часть денег от продажи пушу на корм для коровы, которую оставим у себя.

— Да ты уже все продумал, — потрясенно промолвила Марта.

— Пока что не все, но в основном — да. Придется потуже затянуть ремни, но мы справимся. Если все будет нормально, к сбору урожая мы снова встанем на ноги. «А как же мое

возвращение домой?» — Марти не осмелилась произнести свой вопрос, но Кларк прочел это в ее глазах. Он внимательно посмотрел на Марти и медленно сказал:

— Когда я просил тебя поселиться здесь и заботиться о Мисси, я дал тебе обещание. Я не отказываюсь от него. По правде сказать, если ты уедешь, мне будет тебя не хватать, тебя и детей тоже. — Он остановился, и Марти увидела по движению кадыка, что он сглотнул. — Но если ты не передумала, я не стану тебя держать. Марти впервые почувствовала, что уже не так уверена в своем желании. Кларк сделал все, что наметил. Он продал свиней, кроме двух лучших свиноматок, и остальной скот. Кларк решил, что вырученных денег хватит на корм и для свиней, и для коровы, поэтому, несмотря на пожар, останется зерно, чтобы засеять новое поле. Деньги от продажи зерна помогут покрыть расходы, пока не восстановится поголовье скота. В курятнике осталось лишь несколько кур. Остальным в транспортной клетке предстояло отправиться в город. Теперь перед Кларком стояла задача заготовить как можно больше бревен, ведь к приходу весны нужно выстроить новый загон.

— Не думай пока о пристройке к дому, — сказала ему Марти. — Прежде всего нам нужен загон. Но Кларк ответил, что он справится и с тем и с другим, только со строительством новой комнаты придется немного подождать. Он быстро починил изгородь, и вскоре оставшаяся корова, а также лошади, ходившие в упряжке, поселились в загоне. Верховую лошадь временно отдали Джейсону Стерну, что было для него как нельзя кстати.

Жизнь постепенно возвращалась в привычное русло. Никто так страстно не желал скорейшего прихода весны, как Марти, но она понимала, что ждет ее из-за Кларка, а не ради себя.

Глава двадцать шестая

НОВЫЙ СКОТНЫЙ ДВОР

Март принес с собой пронизывающий ветер и снегопады, но в апреле, наконец, потеплело. Снег начал постепенно подтаивать, образуя ледяное кружево. Солнце пригревало все сильнее, и вскоре зазеленели укрытые от ветра участки земли. Дэн и Чарли жадно охотились за каждым клочком зелени, устав добывать корм из-под снега. Оставшаяся корова гернзейской породы перестала давать молоко, готовясь к отелу. Теперь за молоком для Мисси и для стряпни приходилось каждые несколько дней ездить к Грэхэмам. Ближе к концу апреля Марти начала поглядывать на еще почти голые сад и огород. Ей не терпелось заняться посадками. Просидев взаперти несколько месяцев, она только и ждала, когда можно будет поработать на воздухе.

Однако, прежде чем готовить почву для семян, Кларк должен был закончить другие дела. Соседи помогли ему заготовить бревна для нового загона. Они были сложены в штабеля и готовы к строительству. Мужчины обещали, что если выдастся подходящий денек, то помогут и с пристройкой к дому. Марти смотрела в окно, представляя себе новый загон на месте старого. Как будет хорошо и Кларку, и животным, когда снова появится скотный двор! А спальни могут и подождать. Но главным из важных событий для местных жителей было строительство дома для Джейсона Стерна и Салли Энн Грэхэм, ведь жилье для молодых — самый насущный вопрос. Был назначен день для строительства, и накануне Марти хлопотала с утра до вечера, отцеживая кислую капусту, поджаривая окорок и занимаясь выпечкой хлеба и пирогов. Когда мужчины работают, женское дело — позаботиться о еде. Марти с нетерпением ждала следующего дня. Она была рада повидаться с соседями.

К вечеру мужчины успешно закончили работу. Женщины пользовались случаем поболтать о своих делах и обменяться выкройками и рецептами. Ларсоны приехали позже всех. Когда они прибыли, миссис Ларсон робко поставила на стол, уставленный разными яствами, горшок с тушеной картошкой. Почти никто не обратил на нее внимания, одна Марти подошла, чтобы поздороваться и хоть немного поговорить с одинокой женщиной. Ее муж Джедд помог положить несколько последних бревен, а потом, судя по всему, решил, что его советы куда ценнее физической помощи. Однако к общей трапезе Джедд присоединился с большим усердием.

Марти вернулась домой, довольная проведенным временем и общим успехом. Теперь у Салли Энн чудесный маленький домик, в котором она впервые в жизни будет полноправной хозяйкой. По правде говоря, оставалось еще много работы, но Марти не сомневалась, что Джейсон справится с ней. В течение этого дня Марти пообщалась и с Вандой Маршалл. Марти научила ее простой вязке крючком и убедилась, что Ванда очень способная ученица. Повидала Марти и миссис Викерс, которая тарыхтела без умолку, рассказывая всем и каждому последние новости, а также миссис Уотли, которая, уютно устроившись на солнышке рядом с кучей пакетов, попивала кофе и «охраняла сладкое от детей». Марти решила, что день удался на славу. На следующей неделе принимать у себя гостей предстояло ей самой.

Верные слову, соседи начали подъезжать во вторник с утра. Бревно за бревном ложились стены будущего загона. Кларк и Тодд Стерн топорами ловко вытесывали пазы, чтобы подогнать бревна друг к другу. Кларк решил, что новый загон должен быть больше старого, чтобы в будущем увеличить поголовье скота. К тому моменту, когда хозяйка ударила в горшок, созывая всех обедать, загон поднялся почти до самых стропил. Мужчины недолго рассиживались за столом, поскольку им не терпелось вернуться к работе. Когда женщины занялись мытьем посуды, появился Томми Грэхэм и небрежно сказал:

— Папа говорит, что если вы унесете вещи из пристройки, то мы разберем ее и сложим новые комнаты. Марта бегом помчалась в пристройку. Она ни разу не заходила сюда и была поражена ее спартанской обстановкой. На кровати лежал грубый соломенный матрас. Марти потрогала его и почувствовала, какой он неровный и жесткий. Вспомнив собственную мягкую перину, она испытала угрызения совести. «А ведь зимой здесь, должно быть, ужасно холодно», — виновато подумала она, снимая с крючков одежду Кларка и укладывая его вещи в гостиную. Едва Марти успела закончить, как послышался стук молотков и ломов. Работники с воодушевлением взялись за дело, и к ужину бревенчатые стены были сложены. Ужин получился почти праздничным. Мужчины были довольны собой — и не зря, ведь они справились со строительством за один день. Марти увидела, как любят Кларка соседи. Всем он когда-то помогал, и люди были рады в свою очередь помочь ему. Когда трапеза подошла к концу, мужчины сели поговорить, а женщины вымыли посуду и разобрали привезенные с собой горшки и кастрюли, чтобы отвезти их обратно домой. В этот день во время обеда и ужина Джедд поставил очередной рекорд, угощаясь от души. Его жена не знала, куда деваться.

— Неважно себя чувствую, — объяснял Джедд. Марти было искренне жаль бедную женщину и ее дочерей. Наконец, гости попрощались и пошли усаживаться в разномастные повозки и фургоны, а некоторые поехали домой верхом. Кое-кто обещал вернуться, чтобы помочь настилать полы и класть крышу. Кларк едва держался на ногах от усталости, поскольку старался сделать больше других, работая у себя дома. К тому же после строительства ему, как всегда, пришлось кормить скот. Кларк вытянулся на соломенном матрасе, который теперь лежал на полу в гостиной, пробормотав, что немного отдохнет, а потом ляжет «нормально» в новой пристройке. Но Марти, которая укладывала детей, и глазом моргнуть не успела, как

Кларк уже крепко спал, негромко похрапывая. Марти вошла в гостиную и тут же остановилась.

— Господи, — тихонько воскликнула она, — как же он устал! Она осторожно подсунула ему под голову подушку и сняла с него башмаки, а затем, укрыв Кларка одеялом, отправилась спать сама.

Глава двадцать седьмая

ЛАУРА

До визита священника, который должен был обвенчать Салли Энн и Джейсона, оставалось меньше двух недель. Мысль о том, что старшая дочь скоро покинет отчий дом, по-прежнему огорчала матушку, но, как говорила она, такова жизнь, и теперь дети начнут покидать гнездо один за другим. Ничуть не меньше беспокоило ее поведение второй дочери, Лауры. В последнее время она очень изменилась, стала обидчивой и раздражительной, часто отправлялась на долгие прогулки. Временами она седлала одну из рабочих лошадей и уезжала верхом. Марти поначалу не видела в этом ничего особенного, но матушка сказала, что так больше продолжаться не может, и решила поговорить с девушкой. Она выбрала время, когда они остались наедине, и начала как можно мягче:

— Лаура, мне кажется, что-то тебя беспокоит. Я буду рада помочь, если ты поделишься со мной. Лаура с вызовом взглянула на матушку.

— Со мной все в порядке, — раздраженно ответила она.

— Думаю, так оно и есть. Наверное, это естественно при нашей суматохе вокруг Салли Энн. Лаура резко вздернула подбородок.

— Что мне за дело до Салли Энн?

— Она твоя сестра.

— Она мне не сестра. Матушка внимательно посмотрела на девушку, почувствовав растущее раздражение.

— Послушай меня, милая моя. Вас с Салли водой было не разлить с тех пор, как я стала твоей матерью.

— Ты мне не мать. Матушка осеклась и, как она потом рассказывала Марти, некоторое время сидела остолбенев. Она чувствовала, что дела идут неважно, но не думала, что все так серьезно. Придя в себя, она начала снова.

— Лаура, мне очень жаль, прости меня. Я никогда не думала, что ты воспринимаешь это так. Я всегда старалась быть для тебя матерью. Я люблю тебя как собственную дочь, и твой отец всегда старался делать для тебя все, что мог.

— Может больше не стараться, — отрезала Лаура.

— Что ты хочешь сказать?

— Я тоже выхожу замуж.

— Ты выходишь замуж? Но за кого?

— Есть за кого.

— Мы не знали. И кто же он?

— Милт Коннерс, — Лаура пристально посмотрела в глаза матушке с мрачной решимостью во взгляде, отлично зная, как Грэхэмы относятся к этому парню. Матушка внутренне содрогнулась. Испуг и смятение, охватившие ее после заявления Лауры, почти лишили ее сил. Ни за что она не выдаст свою дочь за Милта Коннерса, даже если от этого будет зависеть ее жизнь! О его бесконечных кутежах и пьянках говорила вся округа, и это была не пустая молва. Когда матушка, в конце концов, вновь обрела дар речи, по возможности мягко, но решительно она заявила:

— Этому не бывать. Никто в этом доме не будет встречаться с Милтом Коннерсом. Если я не сумею остановить тебя, это сделает твой отец.

— Вы меня не остановите! — Похоже, Лаура сама была ошеломлена собственной категоричностью не меньше матушки. Девушка даже сделала шаг назад.

— Еще как остановим, — все так же решительно сказала матушка.

— Слишком поздно! — выпалила Лаура.

— О чем ты говоришь?

— Я... у меня будет ребенок... — Лаура опустила глаза, чтобы не встретиться взглядом с матушкой. Матушка сказала Марти, что она почувствовала в этот момент такую слабость, что едва не упала в обморок. Она пошатнулась и схватилась за спинку стула.

— Что ты сказала, девочка? — с трудом переспросила она. Но Лаура продолжала стоять на своем. Пусть родители сходят с ума и делают что хотят. Если для Салли Энн пришла пора предстать перед священником, она тоже выйдет замуж.

— Я жду от него ребенка, — повторила она, на сей раз более уверенно. Матушка подошла к ней поближе. По ее лицу текли слезы. Она обняла Лауру и прижала ее к себе, прильнув щекой к ее длинным каштановым волосам.

— Мое бедное дитя, — плакала она, — бедная, бедная девочка. Было видно, что искренняя любовь и забота матушки тронули Лауру, но девушка продолжала настаивать, что она любит Милта, собирается за него замуж — и будь что будет. В течение двух недель перед приездом священника дом Грэхэмов был погружен в свадебные приготовления и одновременно в глубокую печаль. Когда Салли Энн узнала о планах Лауры, она великодушно предложила поделиться своим приданым, которое приготовила к свадьбе. Лаура заявила, что у Милта уже есть все необходимое, поэтому она обойдется без приданого. Несмотря на это, матушка сидела по вечерам допоздна, чтобы сшить для нее лоскутные одеяла и подрубить полотенца и шторы. Бен продолжал, как обычно, работать на ферме, но плечи его ссутулились, а на лицо легла тень. Приближение знаменательного дня не радовало его. Лаура тоже не светилась счастьем, как положено будущей невесте, но стиснув зубы помогала готовиться к двойной свадьбе.

Глава двадцать восьмая

ТОРЖЕСТВО

Священник должен был приехать в воскресенье, на Пасху. Предполагалось, что сначала в присутствии всех собравшихся он проведет службу под открытым небом, а затем состоится свадебная церемония. Потом гости были приглашены на свадебный обед в честь молодых, где все смогут по-соседски пообщаться, пока не настало горячее время весенних работ. Марти с нетерпением ждала этого дня. Она была искренне благодарна своим соседям и новым друзьям. Зима, наконец, позади. В воздухе запахло весной, и ей так хотелось выбраться из дома! Кроме того, ей было интересно принять участие в службе и послушать священника. Ее отношения с церковью ограничивались свадьбами и похоронами, а когда она в последний раз видела священника, то была в такой горе и смятении, что едва ли могла что-либо вспомнить. Она радовалась за Салли Энн, лицо которой сияло от счастья, и переживала за Лауру. С тех пор как матушка рассказала ей, почему она согласилась на этот брак, Марти разделяла ее тревогу за Лауру и ощущала свою беспомощность, понимая, что ничего нельзя сделать, чтобы уберечь упрямую девушку и ее семью от неизбежных страданий. Марти вышила для каждой невесты по паре наволочек. Ей казалось, что даже вышивка может выдать ее чувства. Работать над одним комплектом было в радость. Другой же она вышивала с таким тяжелым сердцем, что даже пальцы не слушались. Вскоре настал знаменательный день. Весеннее солнышко обещало теплую погоду. Марти суетилась, подготавливая горшки с едой, которые собиралась взять с собой, и наряжая Мисси и Клэра во все самое лучшее. Она решила, что обновит ни разу еще не надетое серо-голубое платье. Теперь она не сомневалась, что в нем будет чувствовать себя как полагает. Кларк не скрывал своего восхищения, глядя на Марти, и она покраснела от его взгляда, внезапно осознав, что не имеет ничего против. Когда они уселись в фургон, Марти окинула взглядом двор и близлежащие холмы, с радостью отмечая все больше примет наступления весны. Она сидела рядом с Кларком, держа на руках малыша. Тут же пристроилась Мисси. Было чудесное утро. Хотя на полях еще не совсем сошел снег и в затененных местах виднелись грязновато-белые пятна, первые цветы уже осторожно поднимали головки к солнцу. На столбах изгороди и ветках деревьев вертелись вернувшиеся птицы. Но главным признаком весны было внутреннее ощущение Марти, вдыхающей теплый, ароматный воздух. К Грэхэмам они приехали одни из первых. Марти хотела помочь матушке с последними приготовлениями. Кларк сказал, что Мисси и Клэра вполне можно оставить с ним. Свежий воздух пойдет им только на пользу. Марти поспешила вернуться в дом, успев по дороге услышать одобрительные замечания Бена о малыше. В ответ на это Кларк с гордостью принялся рассказывать о том, какой Клэр сильный и смелый. Марти усмехнулась про себя. Под открытым небом были сооружены временные скамьи для церковной службы и длинные столы для трапезы. Дом матушки гудел, словно улей, ведь визит священника да еще две свадьбы сразу были нешуточной причиной для суматохи. Приехали Стерны, и тень, набежавшая на лицо Салли Энн, сразу исчезла. Марти с радостью наблюдала, с какой любовью и гордостью смотрит на нее Джейсон. Милт Коннерс явился к самому началу службы. Держался он по обыкновению самоуверенно и дерзко. Мужчины дружелюбно освободили ему место на скамейке, но Марти чувствовала, что Грэхэмы держатся напряженно. Рядом с Милтом было неуютно и ей самой. После того как все расселись, поприветствовать соседей поднялся Бен Грэхэм. Он сказал, что рад видеть их у себя на ферме в такой прекрасный весенний день и надеется, что пасхальная служба станет для всех настоящим Божиим благословением. Он пригласил гостей принять участие в свадебных торжествах в честь двух старших дочерей Грэхэм и поблагодарил всех за привезенное угощение. Затем он представил священника, пастора Симмонса, и богослужение началось. Ни у кого не было псалтырей, и псалмы пели наизусть. Марти не знала слов, но пение ей очень понравилось. Она подумала, что попросит Кларка разучить с ней мелодию и слова. Проповедь пастора Марти слушала очень внимательно. Простая, но яркая история Пасхи начиналась с рассказа о служении Христа и продолжалась описанием Его ареста и вынесения смертного приговора по ложному обвинению. Священник поведал о политических разногласиях того времени и исторических причинах Его смерти, а потом объяснил подлинный смысл Его страданий и почему Господь

допустил их. Марти слушала, и у нее разрывалось сердце. Она и раньше знала о том, как жестокие люди обрекли невинного Иисуса на страдание, но прежде у нее ни разу не возникало ощущение, что все это имеет какое-то отношение к ней. Понимание того, что Он принял смерть и за ее грехи вместе с грехами всего человечества, было поразительным и пугающим открытием. «Я не знала, просто не знала, что Он умер и из-за меня, — с болью думала она, сидя на скамье вместе с Мисси и Кларком и крепко прижимая к себе Клэра. — Мне так жаль, действительно жаль. Господи, прошу Тебя, делай с моим сердцем все, что задумал». У нее текли слезы, но она не вытирала их. Она чувствовала, что Кларк время от времени поглядывает на нее. Священник продолжал свое повествование и рассказал про утро, когда женщины в первый день недели пришли ко гробу и не нашли там Его тела, ибо Он воскрес.

— Он жив, — сказал священник, — и поскольку Он победил грех и смерть, мы тоже можем сделать это. Марти захлестнула волна ликования. Она почувствовала, что ей хочется кричать, но сдержалась. Ей нужно было поделиться с кем-то своим открытием. «Теперь я поняла, кто Он, Бог Кларка», — сказала она себе, пораженная этой мыслью. Она дотронулась до руки Кларка. Он посмотрел на нее, и их взгляды встретились. Должно быть, он заметил, как переменилось ее лицо, и крепко сжал ее маленькую руку. Марти знала, что он радуется вместе с ней, поскольку теперь она разделяла его веру. После службы началась церемония бракосочетания. Первыми перед пастором предстали Лаура и Милт. Так решила Салли Энн. Милт стоял раскачиваясь взад-вперед и изучая свои башмаки. Его одежда и манера держаться говорили о том, что происходящее мало его трогает, хотя бороду и волосы он все же привел в порядок. Лаура застенчиво поглядывала на него, и у Марти шевельнулась надежда, что, возможно, любовь такой девушки поможет ему измениться. Она всей душой желала, чтобы этот брак был удачным. Затем пришел черед Джейсона и Салли Энн, и Марти видела, как счастье и любовь, освещавшие их лица, отражались на лицах родителей, вместе с которыми с легким сердцем радовалась и она. Как только церемония закончилась, началось веселье. Молодых осыпали зерном. Все принялись звонить в колокольчики, которые вешали на шеи коровам, а к невестам выстроилась очередь желающих поцеловать их. Наконец, молодым, нагруженным подарками, позволили сесть за стол, и пока женщины подготавливали все для полуденной трапезы, невесты разглядывали подарки. Болтая и смеясь, все принялись за еду, и в этот момент появились Ларсоны. Джедд с важным видом направился к столу, даже не привязав лошадей. Миссис Ларсон поставила на стол противень с кукурузным хлебом и, потупив глаза, указала детям на скромное место за дальним столом. Марти поднялась и, сделав вид, что ей нужно наполнить кувшин для воды, подошла к миссис Ларсон поближе.

— Как хорошо, что вы приехали. Очень рада вас видеть, — сказала Марти мягко. Миссис Ларсон еле заметно кивнула, не поднимая глаз, и ее щеки слегка порозовели.

— Милосердный Господь сделал так много для всех нас, — продолжала Марти, погладив по голове каждого из детей. — Священник рассказал нам, как Бог может очистить душу каждого человека и изменить его жизнь. Он указал такой путь и мне, — добавила она, не зная, как выразить свои чувства. Марти с удовлетворением отметила, что миссис Ларсон на мгновение подняла глаза. Мелькнул ли в этом взгляде проблеск надежды? Тем временем Джедд наполнил свою тарелку и принялся за еду. Дальнейшее общение с миссис Ларсон пришлось отложить. Когда трапеза подошла к концу и со столов было убрано, молодые, поцеловав на прощание мамушку, погрузили свои вещи в фургоны. Матушка держалась стойко, но когда она целовала Салли Энн, в ее глазах была печаль. Печаль сменилась выражением тревоги, когда она прижала к себе Лауру и долго держала в своих объятиях. Марти отвернулась, чтобы не расплакаться. Кларк и Марти задержались еще немного, чувствуя, что тяжелые времена для Грэхэмов только начинаются, и наконец, забрав детей, отправились домой.

— И все же день был хороший, — сказала Марти Кларку, и он согласился с ней.

Глава двадцать девятая

ВЕСЕННИЕ ПОСАДКИ

С каждым днем солнце пригревало все сильнее, и Марти была очень довольна, что дети могут побыть на воздухе. Кларк заканчивал отделку новых комнат, а Марти сшила для них шторы и сделала половики. Дополнительное место для работы и игр было очень кстати. Кларк отправлялся в поле с рассветом, а возвращался затемно, и с каждым днем территория, готовая к посеву драгоценного зерна, уцелевшего после пожара, становилась все больше и больше. На пастбище появилось достаточно свежей травы, чтобы прокормить трех коров. В отдельном загоне разгуливал юный теленок, и вот-вот должна отелиться еще одна из коров. У третьей тоже ожидалось пополнение, но несколько позже. Одна из свиноматок уже обзавелась целым семейством. Мисси была совершенно очарована маленькими повизгивающими поросятами, которые отталкивали друг друга, чтобы получить свою долю еды. Помет был не таким большим, как предполагали Марта с Кларком, поскольку два поросенка из восьми погибли, но вторая свиноматка тоже готовилась произвести на свет потомство. Три из восьми куриц сидели на яйцах. Марти надеялась, что и куриное семейство быстро восстановится. Во дворе красовался прочный и крепкий загон для скота, более просторный, чем прежний. Кларк еще не успел законопатить его, но это можно сделать летом, когда пройдет горячая пора. Крыша и пол были уже готовы. Остальное вполне могло подождать до конца посевной. Готовя завтрак, Марти мурлыкала себе под нос один из только что выученных псалмов. Мисси попросила испечь лепешки, и, замешивая тесто, Марти вспомнила, что когда-то это было единственное блюдо, которое она умела готовить. Потом она подумала про двух молодых невест и про то, как они справляются со стряпней. Она не сомневалась, что благодаря матушке девушки готовы к ведению хозяйства куда лучше, чем она. Салли Энн хорошо устроилась на новом месте. Они с Джейсоном заехали однажды вечером, чтобы вернуть лошадь. Джейсон светился от гордости, рассказывая, как Салли Энн развесила в новом доме шторы, постелила ковры и навела порядок в маленькой кухне. «Готовит она тоже замечательно», — продолжал он, и щеки Салли Энн зарделись от удовольствия. Об этом Кларк и Марти вспоминали, посмеиваясь, после того как молодые уехали. Представив себе молодую пару, живущую в любви и согласии, Марти улынулась. Потом ее мысли переключились на Лауру. «Как там у нее дела?» — с тревогой подумала Марти. Недавно Кларк поднялся на один из холмов и увидел бредущую по дороге Лауру. Заметив Кларка, она смутилась и пошла прочь. Кларк остановил лошадей и предложил подвезти ее, но Лаура посмотрела на него и сказала:

— Нет, спасибо, я лучше пойду пешком. Она выглядела растерянной, а на лице Кларк заметил синяк. Когда вечером Кларк рассказывал об этом Марти, он был сильно расстроен. «Бедняжка Лаура», — переживала и Марти, качая головой. Ждет ребенка от этого парня, и при этом такая одинокая и несчастная. Марти очень волновалась за Лауру и, конечно, за матушку. Она услышала, как Кларк, насвистывая, возвращается со скотного двора, и позвала Мисси к столу. «Интересно, — подумала она, помогая девочке усесться, — весенний сев всегда делает мужчину таким веселым?»

Весна бурлила и в ее крови, и ей тоже не терпелось покопаться в земле. Так восхитительно вновь чувствовать себя стройной и ловкой! После того как Марти родила, она казалась себе невесомой, готовой в любую минуту взлететь. Какой неуклюжей и тяжелой была она, когда «приходилось повсюду таскать малыша за собой», как пожаловалась она однажды матушке. Теперь маленький Клэр появился на свет и можно прижать его к себе или положить рядом. Во

время утреннего чтения и молитвы Марти едва не улыбнулась, когда Кларк прочел: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас...». Она почувствовала, что понимает, о чем говорил Иисус. «Спасибо тебе, Господи, что Ты научил меня полагаться на Тебя, — произнесла она про себя. — Ты утешил меня, и я благодарна за это». После того как Кларк закончил молитву и вверил грядущий день в руки Господа, Марти спросила:

— Не пора ли сажать и в огороде?

— Кое-что уже можно посеять. Я как раз собирался сегодня взять плуг и вспахать огород. Это я сделаю мигом. Хочешь начать прямо сегодня?

— О да! — с воодушевлением откликнулась Марти. — Мне прямо не терпится. Вот только... «Как же сказать ему об этом?» — подумала она. Кларк опередил ее:

— Только что? Марти покраснела.

— Ну, в общем, раньше я никогда этого не делала.

— Не делала чего?

— Ничего не сажала.

— И у твоих родителей не было огорода?

— Мама говорила, что с этим столько возни, уж лучше купить все у соседей или в магазине. Наверное, она просто не любила копаться в земле.

— А ты?

— Мне кажется, это здорово — вырастить что-нибудь самому. Мне так хочется попробовать. Вот только... Кларк посмотрел на нее.

— Только что? — вновь спросил он.

— Видишь ли... — Марти запнулась, — я понимаю, что заниматься огородом — женское дело, но, может быть... — она помялась, — может быть, ты покажешь мне хотя бы один разок, как это делается? Кларк, стараясь скрыть улыбку, медленно произнес:

— Думаю, для начала можно и показать. Марти взглянула на Кларка и, заметив насмешливый огонек в его глазах, вздохнула с облегчением. Она впервые заставила себя о чем-то попросить Кларка, и, судя по всему, он был доволен этим и несколько не сердился. Марти сказала:

— Хорошо бы заняться этим сразу после обеда, когда дети будут спать. Ты успеешь подготовить землю? Кларк кивнул.

— Такой план меня устраивает, — с шутливой серьезностью ответил он и поднялся, чтобы налить себе еще кофе. Марти чуть не подавилась лепешкой. Впервые за долгое время она допустила прежний промах, забыв про его опустевшую чашку. Кларк с невозмутимым видом налил кофе обоим и сел на место. Заканчивая завтрак, они обсудили, что будут сажать. Затем Кларк взял шапку и направился к выходу.

— Вкусный кофе, — сказал он в дверях. Днем, после того как посуда была вымыта, а дети уснули, Кларк и Марти разложили на кухонном столе семена для огорода, чтобы решить, какие сеять в первую очередь, а что может подождать. Кларк терпеливо показывал их Марти,

объяснял, что вырастет из маленьких зернышек и как нужно с ними обращаться. Марти слушала, пораженная его обширными познаниями. Казалось, семена со своими привычками и особенностями оживали во время его рассказа, представляясь ей детьми, каждый из которых требовал особого подхода, заботы и внимания. Затем они взяли семена и отправились в огород. Солнце прогрело почву, и от свежевскопанной земли шел восхитительный запах. Они вместе посмеялись над тем, как Мисси, а следом за ней и Клэр норовили перепачкать руки, а заодно и все остальное в грязи. Марти нагнулась, взяла горсть земли, сжала ее и увидела, как она сочится у нее между пальцев. «Как красиво», — хотелось сказать ей, но это слово казалось таким неподходящим для простой грязи. Внезапно она остановилась и, повернувшись к Кларку спиной, скинула обувь. Потом застенчиво приподняла юбку, сняла чулки и, аккуратно скатав их, сунула в туфли. Босая, она стояла на земле, наслаждаясь теплым и влажным ее прикосновением. Забыв на мгновение о всех делах и обязанностях, Марти почувствовала себя свободной и беззаботной, как ребенок. «Неудивительно, что лошади любят кататься по земле, когда с них снимают сбрую, — подумала она. — Я бы с удовольствием сделала то же самое». Кларк уже начал готовить грядки. Марти опустила на колени и принялась бросать семена в плодородную почву.

— Скоро я увижу, как вы прорастете, — тихонько говорила она крохотным семенам моркови, падавшим из ее руки. Кларк вернулся, чтобы присыпать землей бороздки, которые она засеяла. «По-моему, он получает от этого не меньше удовольствия, чем я», — подумала Марти. Она увидела, как весело прыгает их теленок, и ей тоже захотелось резвиться и шалить. «Какое счастье просто жить в такой день!» Они продолжали работу, почти не разговаривая, и Марти чувствовала крепнущее чувство общности с землей и с этим высоким, терпеливым и упорным человеком, который приходился ей мужем. Кларк тем временем присел на корточки, чтобы присыпать землей зерна сладкой кукурузы. Увидев, в какой неустойчивой позе он сидит, Марти подкралась к нему сзади и шуточно толкнула в спину. Кларк растянулся в грязи, успев заметить, что Марти прикрывает рот руками, чтобы не расхохотаться.

— Мне показалось, что кое-кому хочется получить пригоршню кукурузы за шиворот, — сказал он, набирая полную горсть зерен. Марти бросилась наутек, но, несмотря на ее проворство, длинноногий Кларк быстро догнал ее. Он обхватил ее двумя руками, не давая убежать. Марти пыталась вырваться, но лишь безуспешно извивалась, обессилев от смеха. Кларк прижал ее к себе одной рукой, освобождая вторую, полную кукурузы, но смех мешал и ему. Внезапно Марти ощутила близость Кларка, силу его рук, удары его сердца рядом со своей щекой, почувствовала свежий и стойкий запах мыла для бритья, и по ее телу пробежала дрожь. Ей стало тяжело дышать, и у нее не было больше сил сопротивляться. Крепко держа ее одной рукой, Кларк, смеясь, высыпал пригоршню зерен ей за шиворот. Марти посмотрела в его смеющиеся глаза, которые были совсем рядом. Внезапно ее охватило на удивление знакомое ощущение. Озорное выражение на лице Кларка исчезло, и ему на смену появилось иное. Марти охватил страх. Она почувствовала, как слабеет ее тело, и резко отпрянула.

— Кажется, Клэр плачет, — быстро сказала она, дрожащими руками оттолкнув Кларка. Кларк отпустил ее, и она почти бегом, с пылающими щеками, спотыкаясь, устремилась в дом. Вбежав, она прислонилась лбом к двери спальни, пытаясь понять, почему она пришла в такое смятение и отчего так колотится сердце. Не найдя ответа и немного придя в себя, она собралась с духом и вернулась в огород. Но Кларк уже собирал инструменты. Работа была окончена.

Глава тридцатая

НЕСЧАСТЬЕ

Каждое утро Марта торопилась к окну, чтобы посмотреть, как идут дела в огороде. Там уже проклюнулись крохотные зеленые ростки. Мисси тоже очень нравилось наблюдать за тем, как всходы крепнут день ото дня. Малышка быстро поняла, что нельзя наступать на нежные растения и вытаскивать их из земли, чтобы посмотреть на корешки. Домашняя жизнь и разговоры внешне остались прежними, но в глубине души Марти понимала: что-то изменилось. Кларк был, как всегда, внимателен и заботлив. Они, как и раньше, обсуждали ежедневные проблемы и растили детей. И все же, хотя она старалась не думать об этом и жить в соответствии с заведенным порядком, что-то стало иным. Марти встала рано утром, покормила Клэра, приготовила завтрак и одела Мисси. Потом они читали отрывок из Священного Писания. Марти с Кларком сидели за одним столом, пили кофе, как обычно, обсуждали планы на предстоящий день, но Марти старалась поменьше смотреть Кларку в глаза. Ей хотелось, чтобы все осталось как прежде, и одновременно она боялась, что так оно и будет. «Господи, — думала она, — что происходит? Что будет дальше?» Марти вышла в огород, чтобы отвлечься от мыслей и чувств, приводивших ее в смятение. Вид молодых растений всегда поднимал ей настроение. Она немного поговорила с кукурузой, осторожно примяла землю вокруг картофельного кустика, попросила лук и салат немножко поторопиться и посетовала, зачем она посадила так много фасоли. Марти пошла дальше, к фруктовым деревьям, и, любуясь свежими листочками, заметила, что одно деревце расцвело. Ее сердце радостно забилось — яблоки! Подумать только, у них будут яблоки! Если бы можно было позвать Кларка, но он работал далеко в поле. Вдруг она с удивлением увидела Кларка. Широким шагом он подходил к ней.

— Кларк, — нетерпеливо окликнула она, — ты посмотри! Не сводя глаз с цветущего дерева, она потянула его за РУКУ — Видишь! — Ее переполнял восторг. — Яблоня зацвела! Но ответа не последовало. Это смутило ее, и она повернулась к Кларку. Марти увидела бледное лицо и полные печали глаза.

— Что случилось? — дрожащими губами спросила она. Он положил руки ей на плечи и внимательно посмотрел в глаза, словно хотел поделиться с ней своей силой, чтобы Марти было легче перенести страшную весть.

— Лаура. Ее нашли в реке рядом с домом Коннерса.

— Она... она?

— Она мертва, Марти. Марти покачнулась, прижав руку к губам.

— Что с матушкой?

— Ты нужна ей. И тут Марти разрыдалась, спрятав лицо у него на груди. Прижимая ее к себе, Кларк гладил ее по голове. Марти плакала о матушке, о Лауре, о Бене и даже о Салли Эн. «Господи! — взмолилась она. — Только Ты можешь помочь в такую минуту. Помоги нам. Прошу Тебя, Господи, помоги!» Она знала, что Кларк молится о том же самом. Марти была у Грэхэмов, когда туда привезли тело Лауры. Ей никогда не забыть этой душераздирающей сцены. Матушка обняла безжизненное тело, раскачиваясь взад-вперед и повторяя сквозь рыдания: «Детка, бедная моя маленькая детка». Спустя некоторое время она вытерла слезы, решительно выпрямилась и принялась заботливо готовить тело к погребению. Бен был сражен горем, как и матушка, но он не мог так же открыто выразить свои чувства. Его землистое лицо, смятение и глубокая скорбь потрясли Марти. Она переживала за Бена даже больше, чем за матушку. Бен считал, что необходимо съездить в дом Коннерсов. Кларк уже побывал там без его ведома и обнаружил мертвецки пьяного Милта, который клялся, что ничего не знает о смерти Лауры. Он признал, что, возможно, был с ней грубоват, но когда видел ее в последний

раз, Лаура была в полном порядке. Кларк недвусмысленно объяснил Милту, что ему лучше убраться подальше, причем немедленно. Не рассказывая Бену об этом разговоре, Кларк вместе с ним еще раз съездил к Коннерсу. Судя по всему, Милт покинул дом в страшной спешке. Позднее Кларк признался Марти, как обрадовался тому, что Милт успел скрыться. Неизвестно, что сделал бы с ним Бен в таком состоянии. Вскоре подъехали соседи и принялись за работу. Они сделали гроб, выкопали могилу и предали тело девушки земле. Поскольку священника не было, Кларка попросили сказать над могилой несколько слов. Он открыл Библию и прочел слова, написанные много веков назад: «...Возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься». Марти почувствовала, как ему тяжело. Печальные, отошли они от свежей могилы, оставив матушку и Бена наедине с их горем. Матушка, которая умела так мудро и сердечно утешать своих соседей, попавших в беду, сказала сквозь слезы, что помочь может только время. Теперь речь шла о ней самой.

Глава тридцать первая

СВЕЖИЕ СИЛЫ

В июне отелилась вторая корова, у которой, к изумлению Кларка, родились телочки — близнецы.

— Это настоящий дар Божий, ведь еще одна корова нам не помешает, — радовался Кларк. Кларк с Клэром на руках и Марти, крепко удерживающая за руку Мисси, вместе наблюдали, как телочки неуклюже пытаются встать на ноги. Мисси была в восторге от этого зрелища и едва не влезла в загон к телятам. Неделей позже опоросилась вторая свиноматка. Помет был не очень большой, но неплохой: все восемь поросят были живы и здоровы. По курятнику важно разгуливали три гордые мамы, под ногами у них суетилось двадцать семь цыплят. Мисси была убеждена, что цыплятам очень хочется, чтобы их взяли на руки, но, к счастью, они успешно избегали ее пухлых пальчиков. Марти никак не могла прийти в себя после трагической смерти Лауры. Мысль о случившемся не давала ей покоя, мешая радоваться жизни. Мисси заразилась корью. Несмотря на то что девочка переносила болезнь не очень тяжело, Марти не отходила от нее, боясь еще одного удара судьбы. Однако малышка быстро выздоровела и скоро уже лечила от кори свою куклу, подражая Марти и вытирая кукле лоб влажным полотенцем. Когда у Мисси еще держались жар и сыпь, через город проехал первый караван фургонов на Восток. Марти ухаживала за больной девочкой, и ей было не до того, к тому же она решила, что караван не последний.

Однажды в теплый июньский день, когда Мисси уже поправилась, Марти уложила детей спать и вышла подышать воздухом. Она устала, ведь приходилось проводить целые дни дома, не выходя на улицу. Марти прогулялась по огороду, который так любила, и увидела, как окрепли растения со времени болезни Мисси. Лепестки с яблонь уже опали, и на их месте появились завязи. Мимо дворовых строений она прошла вниз, к реке. С тех пор как Марти открыла это тихое место, ее всегда тянуло сюда, когда хотелось успокоиться. Раньше Марти думала здесь о своей потере, а теперь — о горе матушки. Ей нужно побыть одной, чтобы спокойно все обдумать. Жизнь приводила в смятение, в ней переплетались хорошее и плохое, горе и радость. Она закрыла глаза еще плотнее, вбирая в себя спокойствие и красоту леса. Когда Марти открыла их, то увидела рядом Кларка, который сидел, прислонившись к другому дереву, и смотрел на нее. Она смутилась и быстро поднялась.

— Прости, что напугал тебя, — сказал он. — Я увидел, что ты идешь сюда, и подумал, что не помешаю, если посижу рядом.

— Конечно нет. Они замолчали. Кларк поднял сухую веточку и стал отламывать от нее небольшие кусочки. Марти наблюдала, как вода подхватывает их и, кружа, уносит прочь.

— Жизнь чем-то похожа на эту речку, — тихо сказал Кларк.

— То есть?

— Многое происходит. Падают листья, оставляют помет животные, весной река полна потоков грязи... Кларк помолчал немного.

— Солнце отражается в ней, как в зеркале, дожди наполняют ее водой, но она продолжает течь и остается все той же рекой. Она уносит листья, помет, грязь и снова становится чистой. Река вбирает в себя солнечный свет и потоки дождя, которые дают ей жизнь и силу, хотя она обошлась бы и без них. Все это — внешнее. Кларк надломил еще одну веточку и бросил ее в воду.

— Жизнь похожа на нее, — вновь заговорил он. — Всякое случается, но жизнь продолжается, постепенно расчищая себе путь и освобождаясь от бремени. Происходит и что-то хорошее. Может быть, мы могли бы справиться и без этого, но Господь знает, что маленькие радости необходимы. Они помогают нам увидеть смысл, стать сильнее, дают способность отражать свет солнца. Мне кажется, что, пока мы живы, нам никуда не деться ни от плохого, ни от хорошего. Наше дело — постараться, чтобы боль была не такой сильной, а добро — ему нужно помочь, как и всему хорошему, что есть на свете. Марти вновь закрыла глаза, внимая словам Кларка. Она слушала его, вдыхая полной грудью запах воды и леса. Жизнь похожа на реку. Жизнь продолжается, что бы ни случилось. Теперь Марти тоже была готова идти дальше. Лес дал ей сил. Нет. Бог, который создал этот лес, дал ей сил.

Глава тридцать вторая

ЛЮБОВЬ РАСТЕТ, КАК ДЕРЕВО

Марти сидела за починкой одежды, торопясь поскорее закончить и заняться ужином. Ей оставалось залатать рабочие брюки Кларка. Взяв их в руки, она вновь подумала о том, какой он большой, ее муж.

— Я бы в них просто утонула, — засмеялась она, приложив его брюки к себе. Мисси тоже решила, что это очень забавно. Малышка старалась во всем подражать своей маме. Марти дала ей обрезок ткани и пуговицу, вдела нить в штопальную иглу и показала, как пришивают пуговицы.

— Думаю, ты вполне можешь научиться это делать, — сказала она девочке. — Не успеем оглянуться, как тебе придется рукодельничать. Мисси сосредоточенно возилась с иглой и тканью. Марти с улыбкой наблюдала за ее стараниями. Нитка показывалась в самых неожиданных местах, но сама Мисси была очень довольна своими успехами.

Маленький Клэр лежал на коврикe, разговаривая о чем-то сам с собой и со всеми, кто готов был его слушать. Ему исполнилось четыре месяца, и он был замечательным, счастливым и здоровым ребенком. Да и как тут не быть счастливым, когда остальные члены семьи души в тебе не чают? Мрачные прогнозы Кларка по части появления первых зубов пока не оправдывались. Работая, Мисси разговаривала с Клэром:

— Смот'и, маленький. Видишь, твоя сест'ичка шьет. Н'авится? Смот'и, мама, он улыбается. Ему н'авится, как я шью. Марти кивнула, продолжая пришивать заплату. Внезапный грохот заставил ее подскочить, а Мисси посмотрела на опрокинутую коробку с пуговицами и воскликнула:

— П'оклятье!

— Мисси, нельзя так говорить. Мисси удивленно посмотрела на нее:

— Ты же гово'ишь.

— Я тоже больше не буду так говорить и не хочу, чтобы ты это повторяла. А теперь давай соберем все пуговицы обратно в коробку, пока Клэр не сунул их себе в рот. Мисси послушно стала помогать собирать пуговицы, складывая их в коробку и на швейную машину. Марти пришила заплатку и поспешила заняться приготовлением ужина. Скоро должен прийти Кларк, и она собиралась поговорить с ним о том, что пора переставить детские кровати в новую комнату. Тогда в ее маленькой спальне станет немного просторнее. Свои вещи Кларк уже перенес в одну из новых комнат, как только положил крышу и настелил пол. Теперь Клэр крепко спит всю ночь, а на улице тепло, и не нужно волноваться, что ночью дети раскроются. Будет здорово ходить по комнате, не натываясь на кровати детей и не спотыкаясь о кукол Мисси. Марти накрывала на стол, когда в дверь влетела взволнованная Мисси.

— Мама, мама, Клэр заболел!

— Что случилось? — обернулась к ней Марти. Девочка схватила ее за руку и потащила в спальню.

— Он заболел! — закричала она. Марти услышала хрипящие и булькающие звуки. Она подбежала к малышу и подхватила его на руки. Клэр, задыхаясь, отчаянно молотил в воздухе маленькими кулачками.

— Он задыхается! — закричала Марти. Она перевернула ребенка и постучала его по спинке между лопаток. Клэр продолжал хрипеть.

— Беги за папой, — сказала Марти девочке, стараясь говорить спокойно. Мисси выскочила из дома. Марти перевернула малыша на спину и осторожно сунула палец ему в горло. Ей показалось, что там что-то есть, но она не могла вытащить этот предмет. Клэр кашлял, но не мог вытолкнуть то, что ему мешало. В дверях показался Кларк, вне себя от волнения.

— Он задыхается! — сказала Марти.

— Похлопай его по спине.

— Уже пробовала. — У Марти показались слезы.

— Сунь палец ему...

— Я пыталась.

— Я еду за доктором.

— Мы не успеем!

— Заворачивай его, — решительно сказал Кларк, — я побежал за лошадьми. Малыш еще

дышал, но с трудом и хрипом, рывками втягивая воздух.

— Господи, — в отчаянии воскликнула Марти, — пожалуйста, помогите нам! Помогите нам! Только бы он не задохнулся, только бы мы успели к доктору. Она схватила одеяло и завернула в него Клэра. Мисси стояла, широко открыв глаза, слишком напуганная, чтобы плакать.

— Мисси, надень пальто, — приказала Марти, — и принеси свое одеяло, чтобы ты могла лечь в фургоне. Девочка побежала выполнять сказанное. Кларк с упряжкой уже ждал у порога. Марти с малышом, держа за руку Мисси, бегом спустилась с крыльца. Не говоря ни слова, Кларк подхватил Мисси и устроил для нее место в фургоне. Потом он помог Марти с малышом взобраться в повозку, и фургон тронулся. Долгая дорога в город была настоящим кошмаром. Хриплое дыхание малыша прерывалось приступами кашля. Лошади неслись во весь опор. Было слышно лишь, как поскрипывает сбруя на их шеях и бедрах, покрытых потом. Кларк гнал лошадей как мог. Марти прижимала к себе Клэра. Брызги лошадиного пота летели ей в лицо и на руки, а тело сотрясалось вместе с подпрыгивающим фургоном. «Мы не успеем. Нам ни за что не успеть...» Марти то и дело казалось, что дыхание Клэра слабеет, а упряжка движется слишком медленно. Но дальше лошади понеслись галопом. Марти и не предполагала, что можно мчаться с такой головокружительной скоростью. Когда показались огни города, дыхание малыша стало еще более неровным. Кларк поторопил лошадей, и они поскакали еще быстрее. Было непонятно, как они до сих пор не упали замертво. Должно быть, голос хозяина придавал им сил. Когда подъехали к дому доктора, Кларк остановил лошадей, бока которых тяжело вздымались, и на ходу выскочил из фургона. Он подхватил Клэра и вбежал в дом. Марти осталась, чтобы помочь Мисси выбраться. На мгновение Марти прижала к себе девочку, чтобы дать ей понять, что все будет хорошо, хотя сама вовсе не была уверена в этом. По колесу она спустилась из повозки и подхватила Мисси.

Когда Марти вошла в комнату, которая служила приемной, малыш уже лежал на небольшом ярко освещенном столе. Доктор склонился над ним, всецело поглощенный осмотром крохотного тельца.

— У него в горле застрял какой-то предмет, — сухо сказал он, словно это не было самым важным событием на свете. — Я вытащу этот предмет. Для этого нужно, чтобы мальчик уснул. Позовите, пожалуйста, мою жену. Она будет мне помогать. Не волнуйтесь, она прошла специальную подготовку.

Кларк громко постучал в дверь, отделяющую приемную от жилого помещения, и в комнату вошла женщина. Когда она увидела задыхающегося малыша, ее глаза наполнились тревогой.

— Боже мой! Что случилось?

— Что-то застряло у него в горле. Мы дадим ему лекарство, чтобы ребенок уснул, и вытащим то, что ему мешает. Говоря это, доктор и его жена немедленно приступили к делу. Вдвоем они действовали слаженно и дружно. Проворно занимаясь приготовлениями к операции, доктор, казалось, не замечал тех, кто стоит рядом. Однако неожиданно он взглянул на Кларка, Марти и Мисси и предложил:

— Можете посидеть у нас в гостиной. Мы справимся быстро, но лучше, чтобы нам не мешали. Кларк взял Марти за руку и вывел ее из комнаты. Она неохотно повиновалась, хотя ей было очень страшно оставлять малыша, который, казалось, вот-вот перестанет дышать. Кларк бережно усадил Марти в кресло. Она продолжала прижимать к себе Мисси. Кларк посоветовал дочке сесть в другое кресло, но Марти не отпускала ее. Сам Кларк ходил взад-вперед по

комнате, сосредоточенно глядя перед собой. Марти знала, что он обращается с мольбой к своему Богу. Дрожащей рукой он снял шапку, о которой позабыл. Марти вдруг поняла, как он любит ее малыша. «Как собственного сына», — подумала она, и это не показалось ей странным. Ведь она точно так же любила Мисси и давно забыла то время, когда девочка была для нее чужой. Казалось, прошла целая вечность. Мисси, в конце концов, выскользнула у нее из рук и уснула в углу на своем одеяле. Наконец, в дверях появился врач. Кларк подошел к Марти и положил руку ей на плечо, словно пытаясь защитить от страшной вести, но доктор улыбнулся.

— Итак, мистер Дэвис, — сказал он, посмотрев на Кларка, благодаря которому приехал в этот город, — ваш сын в полном порядке. У него в горле застряла пуговица. К счастью, она развернулась боком, иначе...

- ...все было бы куда хуже, — закончил Кларк.

— Можно сказать и так, — пожал плечами доктор. — Мы ее вытащили. Если хотите, можете пройти к нему. Марти встала. «Он жив. С моим маленьким все в порядке». Ноги не держали ее.

— Господи, с ним все хорошо. Спасибо вам. Спасибо! — воскликнула она. Если бы Кларк не поддержал ее, она бы упала. Кларк прижал ее к себе, и у обоих из глаз хлынули слезы счастья. Кларк и Марти стояли, глядя на бледное, но спокойное маленькое личико, чувствуя огромное облегчение. Марти не отпускала руку Кларка, и он продолжал крепко сжимать ее руку — Натерпелся он, бедолага, — сочувственно сказал врач, и Марти поняла, как она признательна этому доброму человеку.

— Теперь ему нужно хорошенько выспаться. Действие снотворного, которое мы ему дали, еще не кончилось. Думаю, он проспит до утра. Мы с женой будем по очереди дежурить рядом с ним. А вам лучше пойти отдохнуть. Наверняка в гостинице через улицу для вас найдется свободная комната.

— Может быть, нам лучше остаться? — Марти, наконец, вновь обрела дар речи.

— В этом нет никакой необходимости, мэм, — ответил врач. — Он спит, и, как мне кажется, до утра вы можете спокойно отдыхать.

— Доктор прав, — сказал Кларк. — Тебе нужно отдохнуть и, кстати, перекусить. Идем, посмотрим на эту гостиницу. Бросив прощальный взгляд на спящего малыша и погладив его личико, чтобы убедиться, что с ним и правда все в порядке, Марти позволила увести себя. Кларк взял на руки усталую и голодную Мисси, и они отправились на другую сторону улицы. Пока Кларк беседовал с портье, Марти уселась в кресло и, прижав к себе Мисси, тихо и ласково разговаривала с девочкой. Кларк подошел к ним.

— Сейчас они быстренько приготовят что-нибудь поесть и покажут тебе твою комнату.

— А как же ты?

— Мне нужно заняться лошадьми. Их надо хорошенько вычистить и сделать еще кое-что. Марти кивнула и подумала, как же она любит Дэна и Чарли.

— Мы подождем тебя.

— Не стоит... — начал было Кларк.

— Но мы хотим дождаться тебя. Согласившись, Кларк ушел. Пока его не было, Марти сказала Мисси, что она держалась молодцом, была смелой девочкой и очень помогла маленькому Клэру. Ведь это она позвала маму, а потом сбегала за папой и тихонько лежала на полу в фургоне. И не плакала, когда они были у доктора. Она уже большая девочка, и мама очень любит ее. К изумлению Марти, из глаз Мисси покатались крупные слезы. Марти спросила ее, в чем дело, и наконец, всхлипывая, Мисси выговорила:

— Это я асыпала... пуговицы. Марти привлекла ее к себе, нежно покачивая.

— Мисси, ты вовсе не виновата в том, что Клэр нашел пуговицу, которую мы не заметили. Так уж вышло. Не переживай об этом. Мама с папой очень любят тебя, и ты была такой смелой девочкой. Ну перестань, успокойся. В конце концов, ей удалось утешить малышку. Вернулся Кларк и сказал, что Дэн и Чарли в порядке, хотя им тоже нужно хорошенько отдохнуть. Они это заслужили. Все трое вместе отправились в столовую. Однако есть никому не хотелось. Мисси слишком устала, Марти перенервничала, а Кларк испытывал такое облегчение, что забыл про ужин. Заставив себя немного поесть, они попросили показать им комнату. В углу стояла детская кроватка, и Марти первым делом уложила девочку. Здесь не было теплой и мягкой ночной рубашки, но Мисси было уже все равно. Она заснула, не успев закончить короткую молитву. Марти немного посидела рядом с ней, чтобы убедиться, что она спит, потом поцеловала ее еще раз и подошла к утомленному Кларку, который, расслабившись, сидел в большом кресле. Что могла она сказать человеку, который сидел перед ней? Тому, кто утешал ее в горе, радовался ее радостям, поддерживал, когда силы были на исходе, делился своей верой и познакомил ее со своим Богом. Ей хотелось сказать ему так много! Это странное чувство, которое не давало ей покоя, — теперь она понимала его. Это было желание. Она любила Кларка и хотела его любви. Но как сказать ему об этом? Марти безмолвно стояла перед ним, пытаясь собраться с духом, но не могла вымолвить ни слова. Кларк поднялся и потянулся за шапкой.

— Куда ты? — спросила она.

— Думаю пойти ночевать к доктору. Если малыш проснется, он будет рад увидеть рядом знакомое лицо.

— Но док сказал, что до утра Клэр не проснется.

— Кто знает? Все равно мне будет спокойнее побыть рядом с ним. Утром зайду — вдруг вам что-нибудь понадобится. Кларк повернулся, чтобы уйти, и Марти поняла, что не должна отпускать его. Если она не скажет ему сейчас... Но язык по-прежнему не слушался Марти. Она взяла Кларка за рукав. Он обернулся. Марти было достаточно, чтобы он заглянул ей в глаза, потому что в них было все, чего не могли сказать губы. Кларк внимательно посмотрел на нее, потом подошел к ней поближе, обнял ее за плечи и привлек к себе. Он понял все, что она хотела сказать, и все же немного помедлил.

— Ты уверена? — спросил он тихо. Марти кивнула, глядя ему в глаза, и через секунду он сжал ее в своих объятиях. Как она хотела этого, хотела почувствовать его сильное тело, прижаться к нему, прильнуть дрожащими губами к его губам...

Давно ли это случилось с ней? Она не знала. Теперь ей казалось, что так было всегда. Она любит его так сильно! Когда-нибудь потом Марти найдет слова, чтобы рассказать Кларку об этом. А пока ей достаточно его объятий и тех нежных слов, которые шепотом он произнес. Как это случилось, откуда взялось это чудо — любовь? Марти не знала. Любовь пришла сама собой,

незаметно, как вырастает дерево.

От автора

Дорогие друзья! За годы, прошедшие с того дня, когда в 1979 году на страницах романа «Любовь растет, как дерево» впервые появились Кларк и Марти, вы, мои читатели, действительно стали моими друзьями. Для меня эти герои явились на свет еще раньше, поскольку до выхода романа они жили в моей душе и в моем воображении. Путешествие, в которое я пустилась вместе со своими героями и читателями, было долгим и увлекательным: я чувствовала, что меня направляет Господь, поскольку ни в планах, ни в мечтах не представляла себе ничего подобного. После публикации романа я не собиралась писать продолжение. Я считала, что, после того как Господь даровал Кларку и Марти любовь и они обрели друг друга, история закончилась. Но читатели думали иначе, и я получила множество писем с вопросом «Что было дальше?». При содействии Кэрол Джонсон, редактора «Бетани хаус», я взялась за продолжение истории семьи Дэвис. Должна признаться: принимаясь за эту работу, я вовсе не надеялась на успех. Однако читатели просили меня писать дальше. Так появилось еще семь романов, и подружиться с Кларком и Марти смогли многие. Я занялась другими героями и книгами, но просьбы не прекращались. Один из читателей даже признался, что он молится за семью Дэвис! Другие подсказывали мне, каким может быть продолжение семейной хроники, а кое-кто умолял, если уж я не намерена продолжать писать книги в этой серии, хотя бы вкратце рассказать, что было дальше. В конце концов, я поддалась на уговоры, и в свет вышло еще четыре романа. На этом пришлось остановиться. Двенадцать романов описывали всю историю жизни Кларка и Марти, которые достигли преклонных лет. Мне, как и вам, не хотелось оплакивать их смерть. Хотя мои герои являются вымышленными, за их образами стоит жизнь — как ваша, так и моя, — которая постоянно преподает нам житейские и духовные уроки. Все трудности, выпавшие на долю Кларка и Марти, я преодолевала вместе с ними. Каждая их победа являлась и моей победой. Каждая новая истина о Боге, которая открывалась им, была напоминанием и для меня. Я радовалась их радостям, огорчалась их бедам и чувствовала, как медленно, но верно меняюсь сама. Я ощущала, что, когда я шла вперед вместе со своими героями, Господь помогал и моему духовному росту.

Поэтому, расставаясь с семьей Дэвис, я испытываю к этим героям нежность и благодарность за то, что они сделали для меня. Я молюсь о том, чтобы они жили и после того, как меня не станет, поскольку моей жизни, как и любой другой, придет конец. С Божьей помощью их жизнь благодаря этой и другим книгам будет продолжаться в сердцах и душах читателей, подобных вам. Искренне ваша, Джанет.

Джанет Оак родилась в Канаде, в семье фермера — большой, веселой и дружной. Джанет закончила Библейский колледж в Маунтин Вью, где познакомилась со своим будущим мужем. После заключения брака они работали в церквях штата Индиана и Канады, провели несколько лет в Калгари, где Джанет начала писать. Из-под ее пера вышло около пятидесяти романов для детей и взрослых. У супругов Оак трое сыновей, дочь и двенадцать внуков. Сейчас они живут под Дидсбери в Канаде и принимают активное участие в работе местной церкви.